

ISSN 0869-6403

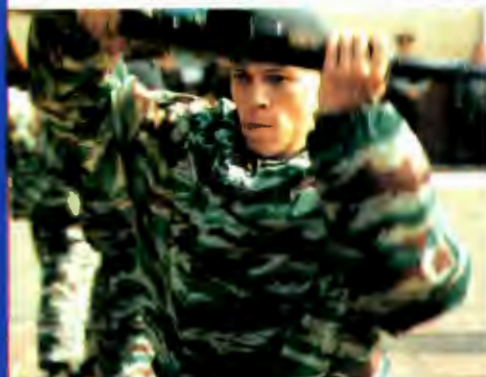

ЖУРНАЛ
ВНУТРЕННИХ
ВОЙСК

НА
БОЕВОМ
ПОСТУ

10
'95

**ПРАЗДНИК
В ОТРЯДЕ
СПЕЦИАЛЬНОГО
НАЗНАЧЕНИЯ
ОДОНа**

*Фото
А.АЛЕКСАНДРОВА,
В.НИКОЛАЙЧУКА*

380

НА БОЕВОМ ПОСТУ

10'95

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ВОЕННО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ
И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ЖУРНАЛ ВНУТРЕННИХ ВОЙСК

Издается с 1958 г.

Главный редактор
ЛУКИЕНКО Л.И.

РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ.

УЧРЕДИТЕЛЬ —
МВД России.

ИЗДАТЕЛЬ —
Главное управление
командующего
внутренними
войсками:

111250,
Москва, Е-250,
Красноказарменная
улица, 9а.

Художественное
оформление
КОПЫЛОВА Э.П.

Верстка
ГЕРАЩЕНКО В.П.,
ПЕТРОВОЙ Л.А.

Корректоры
БОГДАНОВА Е.А.,
ИНЮШИНА И.Н.

На первой
странице
обложки фото
А.АЛЕКСАНДРОВА.

В НОМЕРЕ:

Зона особого внимания

РОДНОВ А. Все пройдет, только боль останется	2
По сообщениям пресс-службы внутренних войск МВД России.	8
КАРПОВ Б., СМИРНОВ О. Пуля в сердце Спаси- теля	10
ИСТОМИН А. Семечки	14
ПЕТРОВ А. Встречи на войне	18

Ретроспектива

МАРКЕЛОВ Н. "На Кавказ. В солдаты"	23
СЫСОЕВ Н. По следу "Белого орла"	28
СЕМЕНЧИК И. "Я тоже скоро буду сумасшед- шим ..."	31
СМИРНОВ П. Депортация: преступление или на- казание?	36
КУЗЬМИН С. Волки преступного мира	42

Проза. Поэзия

ДОЙНИКОВ Ю. "Спой нам, парень, про лучшую долю..." (стихи)	50
КОЗЛОВ И. В живых останутся бессмертники (по- весть)	52
БОГДАНОВИЧ А. На Есенинском бульваре (стихи)	69
ЕЛАГИН В. Все было не так.	70

Калейдоскоп интересов

У нас в гостях — журнал "Охотник"	72
КУЛИКОВ Е. Кто скрывается под псевдонимом?	76
Шахматный клуб	79

Журнал зарегистрирован в Министерстве печати и информации Российской Федерации.
Регистр. № 01420. Имеет приложения: газету "Ситуация" и сборник учебно-методических
материалов "Войсковой вестник".

За достоверность информации, точность фактов, цифр и цитат
ответственность несут авторы.
При перепечатке материалов ссылка на наш журнал обязательна.

© Журнал "На боевом посту", 1995

Сдано в набор 28.08.1995 г. Подписано к печати 2.10.1995 г.
Формат бумаги 70x108 1/16. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,0. Зак. № 1761. Тираж 5500.
Цена по каталогу для индивидуальных подписчиков 6000 руб. (индекс 70610), для пред-
приятий и организаций — 8000 руб. (индекс 73175), в розницу — свободная.

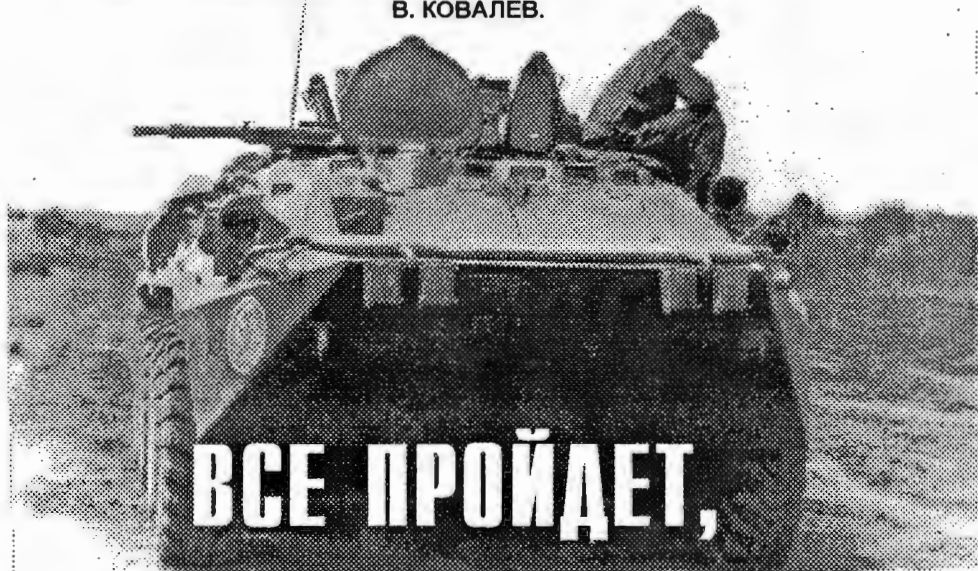
Ордена "Знак Почета" типография "Красная звезда"
123826, ГСП, Москва, Д-317, Хорошевское шоссе, 38.

Адрес редакции:
107120, Москва, В-120,
Сыромязинская
просп. 8.
Телефоны:
361-82-57, 361-81-71.

*Война свои подарки раздала,
кому Звезда на грудь, кому на холмик.
Кого-то развенчала догола,
а кто-то вписан в жизни многотомник.*

В. КОВАЛЕВ.

ВСЕ ПРОЙДЕТ, ТОЛЬКО БОЛЬ ОСТАНЕТСЯ

Обелиск над окопом

"Митюгин Олег Евгеньевич. Родился 27 марта 1976. Погиб 1 июля 1995" — выбито на обелиске, установленном в полутора километрах от Бамута.

— С первых чисел июля чечены как сбесились, каждый день по нам долбили. По утрам снайперы "работали", а стемнеет — из "агээсов" поливали. Заляжешь в окоп, приемник покрутишь, а там только и говорят: "В Чечне перемирие..." Тут голову над бруствером не высунуть, а у них — "перемирие". Конечно, сидя в Москве, легко о мире и человеколюбии рассуждать, а попробовали бы здесь "господа" поползти на карачках... Вот Олежка — мировой парень (да у меня здесь и нету плохих) при обстреле погиб. Осколки "агээсные" — в грудь, живот, ногу. Пацаны — в наших-то условиях! — плиту мемориальную сделали. Чтобы помнить, чтобы ничего не забыть...

Некоторые фамилии в материале изменены.

Эти бесхитростные горькие слова принадлежат лейтенанту Алексею Моисееву.

Даже в самом кошмарном сне разве могло присниться ему, прошлогоднему выпускнику саратовского училища, что солдаты будут "так просто" умирать на его руках? А он в рваных штанах, в бронежилете на голое тело и пляжных тапочках — надеть-то больше и нечего — без малого полгода просидит под пулями на окраине проклятого Богом, но, видно, не забытого Аллахом чеченского села. Штатный командир взвода, несколько месяцев кряду не получавший зарплату, вкалывает за двух ротных: одного послали в часть за пополнением, а другому, капитану Вячеславу Николаеву после семи контузий удалось выбить путевку в санаторий. Вот таким выдался у лейтенанта Моисеева первый год офицерского становления.

— Когда Митюгина в цинке домой привезли, под Тулу, — вспоминает второй командир взвода лейтенант Олег Кошелев, — так страшно — честное слово, страшнее, чем под пулями — было смот-

А до смерти четыре шага...

реть в глаза людей. Ведь все село Архангельское на похоронах собралось. Думали: нападут с укорами, мол, не убергли парня... А получилось так, что ни один человек плохого слова нам не сказал. Только на душе все равно камень. Вроде и не виноваты, но...

Наполеон когда-то сказал, что смерть одного человека — трагедия, а гибель тысяч — всего лишь статистика. Много воды утекло с тех пор, но и в сегодняшней России есть люди с замашками наполеонов. Воспринимающие гибель двадцатилетних парней как обыденное явление. Именно для этих господ наши ничем не пробиваемые дикторы телевидения, собиравшие об очередных потерях войск в Чечне, с дежурной улыбочкой быстро переключаются на "более важные темы"... Бог им всем судья. Нам же — "льготы даны вспоминать о потерях и ранах". Каждому, кто побывал в Чечне, есть что вспомнить, есть за кого поднять третий тост.

"Помни нас, Россия..."

— За время, что я здесь, наверное, ночки три поспал спокойно. Постоянная стрельба, конечно, не повод, чтобы просыпаться. Здесь, как стемнеет, самая работа начинается. Раненых тащат, убитых... — Шуршание рации майора медслужбы Александра Хмелевского прервало разговор.

— Подожди. — Александр Валентинович вытащил "Мотороллу" из кармана брюк и поднес к уху. — Наверное, опять кого-то генерал ищет. Может, что-то важное...

Через несколько секунд он уже распоряжался:

— Андрюша, Света, быстро в "вертушку". Там с какой-то заставы бойцов надо вытащить. Вроде тяжелые есть. Опять начинается...

Он сказал это четко, громко, без малейшей растерянности. Собрался мгновенно, хотя и минуты не прошло, как, казалось, беззаботно сидел около палатки, грея на солнышке живот. Фраза начальника медслужбы Западной группировки заканчивалась словами, которые трудно ожидать от столь добродушного человека, любимого и уважаемого на КП, наверное, всеми.

Первая его командировка в Чечню была еще в декабре. В то время большие потери несли армейцы, но и внутренним войскам порции свинца, будь они прокляты, тоже доставались. Через руки Хмелевского за полтора месяца прошло около девяти тысяч раненых, пятнадцати из которых

уже ничем нельзя было помочь. Память яснее других сохранила вечер 17 декабря.

— Под Ассиновской ребята в засаду попали. Было это часов в семь вечера, уже стемнело. Боевики подбили БМП, и наши никак не могли подобраться к ней, чтобы раненых вытащить. Огонь был просто бешеным. И все-таки командиру взвода — мальчишка еще, лейтенант — вместе с двумя-тремя бойцами удалось вынести из этого пекла троих. Тащили их на себе часов пять. Блуждали в темноте, боялись нарваться на нохчей. Когда вышли к своим, один боец (рядовой Данил Агадулин. — А.Р.) уже умер, прямо на руках. Еще один — Серега Самохин его звали — потерял очень много крови. К нам на стол он попал в час ночи. Давление было ноль, но сердце, благодаря молодому организму, еще билось. Кое-как откачали, удалось привести его в транспортбельное состояние. Сразу — в "вертушку", во Владикавказ. Держался трое суток, но... Это была первая с начала боевых действий смерть во владикавказском госпитале. Почему-то паренек тот запомнился больше других... Наверное, потому что запоминаются больше не те, кого спас, а те, кого не сумел. Сразу начинаешь себя казнить, просчитывать раз сто ситуацию. Что не так сделал, можно ли было спасти? И хоть понимаешь, что вытащить было нельзя, что и Господь Бог не помог бы, все равно чувствуешь себя виноватым. А тех, кого успели спасти... Ну успели так успели. Чего вспоминать — слава Богу!

Вместе с терапевтом лейтенантом Андреем Головачевым и санитаром Светланой Ворожцовою я помчался к вертолету. Когда запрыгивали в брюхо, открылась дверь кабины. "Что-то знакомая борода..." — мелькнуло в голове. Точно — борттехник Юрий Векулин из экипажа Александра Витюкова. Старые знакомые, а вон и сам Саня. Слово стремясь окончательно развеять все мои сомнения, Витюков, не обращаясь ни к кому, бросил:

— Как только мы дежурием, так нате вам! Проклятые, что ли?

Летели как обычно: на предельно малой высоте и максимальной скорости. Наш Ми-8 ведущий, сзади — еще борт. Минут через пятнадцать зависли над заставой, сели почти на окопы — с десятков метров до них оставалось.

Первым выскочил Андрей, за ним — Светка, следом я. На секунду присели: осмотреться надо. Еще через пару секунд Света, пригнувшись, побежала к окопам, за ней Андрюха. Мне повторить маневр не удалось: из траншеи высунулся какой-то бородач и стал махать руками, что-то

орать. Ничего не слышно — винты крутятся, глушат, но по жестам понял, что надо прыгнуть и никуда не рыпаться. Может, снайпер "работает"? Черт, вон и Светка упала. Неужели?.. Нет, все нормально — споткнулась. А вот и Андрей, ведет кого-то. Парень голый по поясу, настоящий здоровяк. Раны не видно, куда же его?

— Лезь в вертолет! — кричит мне в ухо Андрей. — Этого легко в голову. Щас они тяжелых подтащат, помогай принимать!

Только усадил парня, как в дверь:

— Принимай быстрее...

Этот уже на носилках. Кровь. Руки посечены...

Еще один. Тоже вроде руки. Неужели еще есть? Куда ж носилки ставить? Ладно, ребята, придется потесниться, потерпите уж.

Сколько крови! Этот очень сильно. Кажется, голова, локти, плечо. Господи, как же вас?..

Слава Богу, все. Светка залезла, Андрей что-то из сумки вытаскивает. Юра трап убрал, скорее отсюда. Давай!

— Запиши их фамилии, номер части, — кричит мне Света.

С первым, которого легко в голову, нет проблем. Рядовой Лозбин Евгений Викторович, 1976 года рождения, Архангельский РВК.

— Что за часть такая? — спрашиваю.

— Пограничники мы.

Со вторым проблемы. Дагестанец. Вертолет шумит, никак не разберу фамилию. Вроде показывает, что сам написать может. Значит, правая рука цела, только в крови вся. Даю ручку. Пишет: "Абдулакиров Джавадулах". Из Махацкалы призвался. Кое-как пробираюсь, переступив через него, к третьему.

Тоже дагестанец. Зовут Данат. После нескольких попыток улавливаю наконец фамилию — Тюлкенов. Отчество, кажется, Хамидулович. Теперь — тяжелый. Света с Андреем над ним колдуют, как же подойти? Да еще "вертушка" на левую сторону упала. Добрался. Меня слышит, но говорит очень тихо. Ничего не могу понять. Прижимаюсь к нему. Опять никак, только сам весь в крови испачкался. У него обязательно нужно фамилию узнать, а то, не дай Бог, не доведем, потеряться может... Света выхватывает у меня ручку и клочок бумаги, склоняется над ним, неужели у нее получится? Что-то пишет. Читаю: "Старший лейтенант Ледянов Владислав Викторович, 1969 г.р., Донецкая обл." Стоп, как 69-го года? Он такой поседевший, с бородой да в крови на все сорок выглядит...

Сели на какой-то асфальтированной площадке на территории Северной Осетии. "Таблетка" из владикавказского госпиталя уже на месте. А кто же во втором вертолете? И сколько всего раненых?

Летчики помогают подтащить ребят к "санитарке". Первого — старлея. Заносим его в машину.

— Мужики, ногами вперед еще рано, — неожиданно достаточно громко прохрипел он и... улыбнулся.

Все лицо в крови, а он улыбается! Или мне показалось? Нет, точно! Бывают же люди. Вот вам — РУССКИЙ ХАРАКТЕР.

С нашей "вертушки" принесли еще двоих, легко раненый сам дотопал. Со второго борта тоже двое на носилках. Не шевелятся. Может быть... Точно. "Двухсотые".

— Слышь, посмотри у них документы, — просит меня врач из госпиталя.

У первого лицо наполовину накрыто какой-то тряпкой — сползла она и обнажила страшное кровавое месиво. Лезу в карман, на груди прилипли травинки. Есть военный билет. Раскрываю, на асфальт высыпаются несколько полароидных фотографий. Успеваю заметить на одной из них группу бойцов. Улыбаются... Рядовой Секретев Владимир Анатольевич, 1975 г.р., Волгоград.

У второго погибшего документов нет. По словам пограничников, рядовой Фралко Юрий.

Машина с ранеными уходит, убитые остаются на асфальте. За ними — потом. Здесь не до церемоний... "Вертушки" идут домой...

На КП, конечно, уже знают некоторые подробности переделки, в которую попали пограничники.

Оказывается, возвращались на заставу из Ингушетии. Ехали в "уазике". За Орджоникидзевской повернули в сторону Ассиновской. До своих оставалась пара километров, когда внезапно по ним начали стрелять из кустов. С трех сторон. Только чудом машина вырвалась из мышеловки, иначе погибли бы все...

— Пока вы на заставу летали, нам здесь снова работать пришлось, — угрюмо поделился последними новостями Хмелевский. — Четверых из-под Самашек привезли. Трое рязанских омонцев и один наш солдат из софринской. Пошли мины сигнальные ставить, после того как боевики совсем обнаглели — на двадцать метров к ним по ночам подбирался. Сами нарвались, кажется, на шариковую. Один омонцев насмерть, двоих тяжелых в госпиталь отправили. Солдатик тоже на

месте скончался. Фамилию можешь в палатке посмотреть, там в журнале записано. Да не пугайся, когда зайдешь, там командир рязанского отряда сидит, не в себе он. Первая его потеря.

Листаю медицинский журнал. Вот они. Сначала убитые. "Рядовой Коншин Юрий Вячеславович. Минно-взрывная травма, проникающее ранение сердца. Рядовой Федоров Андрей. Рязанский ОМОН. МВТ, проникающее ранение брюшной полости, несовместимое с жизнью".

Раненые прапорщик и старшина милиции чудом уцелели, но досталось им очень сильно. У первого — Павла — осколки засели в плече, кисти, бедре и голени. У старшины Саши — проникающее ранение в живот и еще куча осколков по всему телу. В живот — всегда плохо, но должны, должны его выходить во Владике.

Около палатки дежурит боец-омоновец, ждет, пока придет в себя командир.

— Ты не знаешь, откуда родом ваш Федоров? — задаю ему вопрос.

— Есть такой маленький городок Рыбное под Рязанью. Я Андрея хорошо знал, поэтому даже улицу могу сказать...

Он назвал улицу. Оказалось, что жили мы когда-то в одном городе совсем рядом. Тогда не встретились. А здесь... Вот судьба.

Аве Мария

Вечером сидели в вертолете, который вывозил пограничников. Командир экипажа Николай Феофанов, штурман Александр Левков, бортехник Сергей Веретнов, санинструктор Света, Хмелевский... Больше молчали, да и о чем говорить, если еще пятна крови в салоне остались? Сергей зачем-то полез в карман. Пошарил, достал оттуда календарик:

— Смотри, корреспондент, телевизионщики с НТВ мне календарь подарили. Вертолет К-50. Он же — "Черная акула". Вот только так мы его и увидели. Говорят, хорошая машина. Да только нам проку от нее никакого. Зато на московском параде, кто рассказывал, эти "акулы" такие номера выделявали. Будь они, хваленые, здесь, это сколько же пацанов можно было спасти! Да что говорить...

Разговор не получил продолжения: в двери показалась сначала гитара, а вслед за ней и ее обладательница.

— Ребята, привет!

— А вот и Марианна! — одобрительно прокомментировали появление женщины сидящие в вертолете.

Марианна Захарова — автор и исполнительница своих песен — прилетела в Западную группировку, чтобы дать несколько концертов. Думала, дня на три. Задержалась недели на полторы. Пела в окопах, землянках, палатках, на бэтэзрах — одним

383

словом, на передке. Афганская война в ее песнях удивительным образом переключается с чеченской, как будто и не было тех шести лет, которые их разделяют.

*Братья мои, братики,
Взяли вас в солдатики.
Рекруты российские,
Цветики-цветы...
Буйные головушки
Поминали вдовушки
Да на погостах ставили
Новые кресты...*

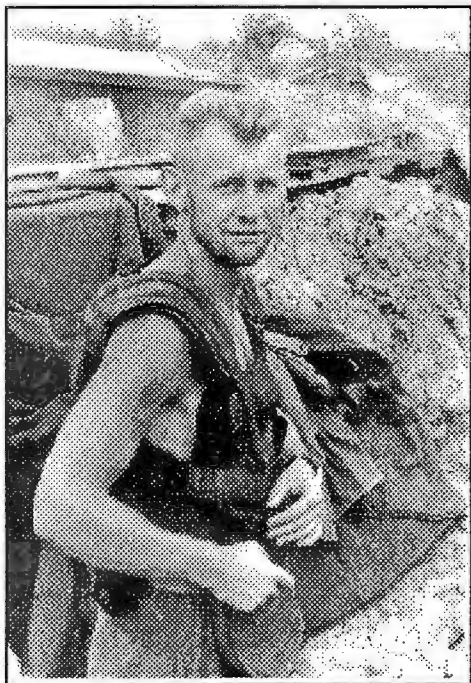
Разве не про наше проклятое время писано? Или вот это:

*Не вылечить память,
Кровавую память,
На братских могилах,
Что в наших сердцах.
Она словно камень,
Кровавая память,
Нам снится, нам снится
Война без конца...*

Сейчас она не стала петь о войне и несколькими "нейтральными" песнями смогла разрядить мрачное настроение, царившее в вертолете.

— Светочка, а вот это специально для тебя песня. — Боевую машину сразу наполнил ее чудный голос:

*Нас от костлявой всю ночь охраняет
Машенька, Маша, сестра постова.
Бережно гладит затекшие руки,*

*Лаской врачау бессонные муки.
Раны и боль — ее табель о рангах,
Мы перед нею равны, словно братья.
Тихо склонилась она над кроватью,
Машенька, Маша, палатный наш ангел!*
После первого куплета Света еще держалась, но было видно, что она на пределе. А потом:

*Нет, не в бреду мне привиделось, снилось,
И не с небес она к нам опустилась.
Машенька — наше спасенье от смерти.
Стало святым ее сердце, поверьте.
Знаю, как плачет она после смены,
Знаю, что просит отсрочить замену...
Словно молитву, шепчу ее имя:
Машенька, Машенька, Аве Мария!*

Света тихонько заплакала. И это, возможно, было ей во благо. Пусть выплечется, хоть немного облегчит душу в кругу друзей. Наверное, так все же лучше, чем плакать в одиночку, наедине с собой.

Мужчинам на войне бывает тяжело, страшно, больно, горько, тошно. Один уважаемый всеми в Чечне генерал как-то в неофициальной обстановке признался, что от всего пережитого здесь у него обуглилась душа... А сколько приходится выносить женщинам, по природе своей более обостренно воспринимающим всю окопную грязь!

Утром следующего дня, просматривая записи в своем блокноте, наткнулся на строки, оставленные незнакомой рукой. Вспомнил. Тогда, в вертолете, борттехник Сергей в блокнот заглядывал.

Вот эти строки:

"Андрюха, это не исповедь. Пойми правильно. Но мужики здесь страдают. Каждый вылет — это страх. Когда забираем раненых бойцов, на них жалко смотреть. Единственное, мы их можем поддержать морально. Дальше слов нет..."

**Старший лейтенант А.РОДНОВ.
Фото старшего лейтенанта
Д.СЕМЕНОВА.**

Р.С. Рядовые Агадулин Данил Фанилович и Самохин Сергей Александрович посмертно награждены орденом Мужества. Этой же награды удостоены майор медицинской службы Хмелевский Александр Валентинович и майор Бирюков Александр Николаевич. Капитан Красильников Дмитрий Евгеньевич награжден медалью Нестерова.

По сообщениям пресс-службы внутренних войск МВД России

С наступлением осени обстановка в Чеченской Республике осложнилась. Несмотря на неоднократные заявления чеченской стороны о том, что она полностью контролирует действия полевых командиров и может влиять на совместно выработанный и кое-где начатый процесс разоружения, продолжались провокации, сводящие на нет достигнутые соглашения.

1 сентября. Во многих населенных пунктах прошли несанкционированные митинги сторонников Дудаева. Под видом беженцев в столицу Чечни прибывают боевики, стремясь легализоваться. Внутренние войска в ходе 11 обстрелов понесли новые потери: погиб рядовой Ренат ИБРАГИМОВ.

2 сентября. Полевые командиры получили указание на проведение акций к так называемому дню независимости — 6 сентября. В районе н.п. Серноводск зафиксирована группировка, насчитывающая более 400 боевиков. В ночное время здесь замечены интенсивные автомобильные перевозки грузов. В результате огневых налетов на позиции внутренних войск ранены два человека.

3 сентября. Согласованная на всех уровнях сдача оружия в н.п. Танги-Чу боевиками под командованием Ахмеда Закаева сорвана. Закаевцы заявили, что они готовы сложить 15 единиц стрелкового оружия и влиться в отряд самообороны, чтобы получить назад сданное и еще дополнительно — 5 автоматов от командования федеральных войск. Такой подход к разоружению противоречит достигнутым сторонами договоренностям. Об этом заявил заместитель командующего внутренними войсками МВД России генерал-майор Павел Маслов. В этот день позиции войск обстреливались 19 раз. Прицельным выстрелом снайпера убит рядовой Нурлан УКУБАЕВ. Четверо солдат получили ранения.

4 сентября. Процесс сдачи оружия затормозился. Чеченская сторона под всяческими предлогами срывает начатый процесс разоружения. Продудаевски настроенные агитаторы на митингах обвиняют в этом российскую сторону.

Продолжались огневые налеты на подразделения внутренних войск. От снайперской пули погиб рядовой Алексей МУРЗИН.

5 сентября. Подразделения федеральных войск обстреливались 21 раз, в четырех случаях открывался ответный огонь. Список жертв чеченской войны пополнился новым именем: получил тяжелое ранение прапорщик Сергей ПЕТУХОВ, который впоследствии скончался.

В районе н.п. Курчалой отбита атака отряда боевиков численностью до 150 человек. Нападение проводилось под прикрытием женщин и детей. Среди нападавших есть убитые. Вечером в районе станицы Ассиновская в течение четырех часов части федеральных войск подвергались интенсивному обстрелу. В 22.00 группа вооруженных чеченцев совершила нападение на город Аргун. Силами внутренних войск и местной милиции при поддержке Российской армии боевики были вытеснены из города.

6 сентября. Сторонники Дудаева пытались организовать массовые выступления жителей Грозного и других населенных пунктов Чечни. На центральной площади чеченской столицы собрался многолюдный митинг. Ораторы объявили об открытии первого чрезвычайного съезда чеченского народа в условиях невоенного времени. Съезд одобрил работу чеченской делегации на переговорах по мирному урегулированию конфликта в Чечне, признал полномочия Д. Дудаева.

Осложнилась ситуация в районах, прилегающих к н.п. Ассиновская, Орехово, Ведено, Курчалой, где отряды чеченских боевиков в течение дня неоднократно обстреливали позиции федеральных войск из минометов, зенитных установок и гранатометов.

7 сентября. Ночью одновременно с трех направлений был открыт огонь и предпринята новая попытка захватить районное отделение внутренних дел г. Аргун и местную военную комендатуру. Нападавшие численностью до 30 человек вели огонь из гранатометов, снайперских винтовок, автоматов и пулеметов. В ходе обстрела

ранены двое военнослужащих. Силами внутренних войск и местной милиции нападавшие вытеснены из города.

8 сентября. Группировка федеральных войск обстреливалась 14 раз. Никто из военнослужащих не пострадал.

9 сентября. В Заводском районе Грозного при обстреле пункта временной дислокации части внутренних войск ранен один военнослужащий.

При обследовании грунтовой дороги в трех километрах севернее н.п. Бачи-Юрт саперами обнаружено 2 фугаса. Один из них снят и обезврежен, другой подорван на месте.

10 сентября. На заседании специальной наблюдательной комиссии утвержден график разоружения незаконных вооруженных формирований, представленный чеченской стороной. Согласно ему разоружение будет проходить с 10 сентября по 5 октября во всех 12 районах Чечни. Сдано 1182 единицы стрелкового оружия. Из них 195 -- добровольно, 843 -- выкуплено у населения, 144 -- изъято. На закупку оружия у населения затрачено около 250 млн. рублей.

Группировка войск обстреливалась 5 раз. Стрельба зафиксирована в н.п. Самашки, Джалка, в Старопромысловском районе Грозного. В двух километрах севернее н.п. Вашиндарой при следовании с командного пункта полка обстрелян бронетранспортер. Был открыт ответный огонь. В бою погиб заместитель командира роты старший лейтенант Дмитрий ЯЦУК. Два офицера получили ранения.

11 сентября. На mine подорвался бронетранспортер внутренних войск. Восемь военнослужащих получили ранения различной степени тяжести. От разрыва гранаты при обстреле из подствольного гранатомета здания комендатуры в г.Аргун получили легкие ранения трое военнослужащих.

Стало известно, что Указом Президента Российской Федерации за мужество и героизм, проявленные при выполнении специального задания в условиях, сопряженных с риском для жизни, присвоено звание Героя Российской Федерации с вручением медали "Золотая Звезда" военнослужащим внутренних войск МВД России рядовому Виталию БАБАКОВУ, подполковнику Сергею ПЕТРУШКО (посмертно) и лейтенанту Евгению РЫНДИНУ (посмертно).

14 сентября. Говоря о готовности вести мирные переговоры, боевики проводят планомерную подготовку к затяжным бое-

вым действиям, активно передислоцируют свои отряды, осуществляют разведку военных объектов федеральных войск.

15 сентября. В н.п. Ачхой-Мартан боевики отказались выполнить требование совета старейшин о добровольной сдаче оружия. В Грозном нарастает процесс запугивания русскоязычного населения.

16 сентября. Провокации со стороны боевиков не прекращались. При невыясненных обстоятельствах произошел взрыв и возник пожар на временном складе боеприпасов одной из частей внутренних войск в Грозном. Имеются жертвы: погибли рядовые Ильнур БАКИРОВ, Андрей ПЕРЕРВА.

17 сентября. Участились случаи подрыва боевой техники и военнослужащих на минах, устанавливаемых боевиками в районах, прилегающих к контрольно-пропускным пунктам. Неизвестные лица обстреляли автомашину. От полученных ран в госпитале скончался рядовой Арслан ШАБАНОВ.

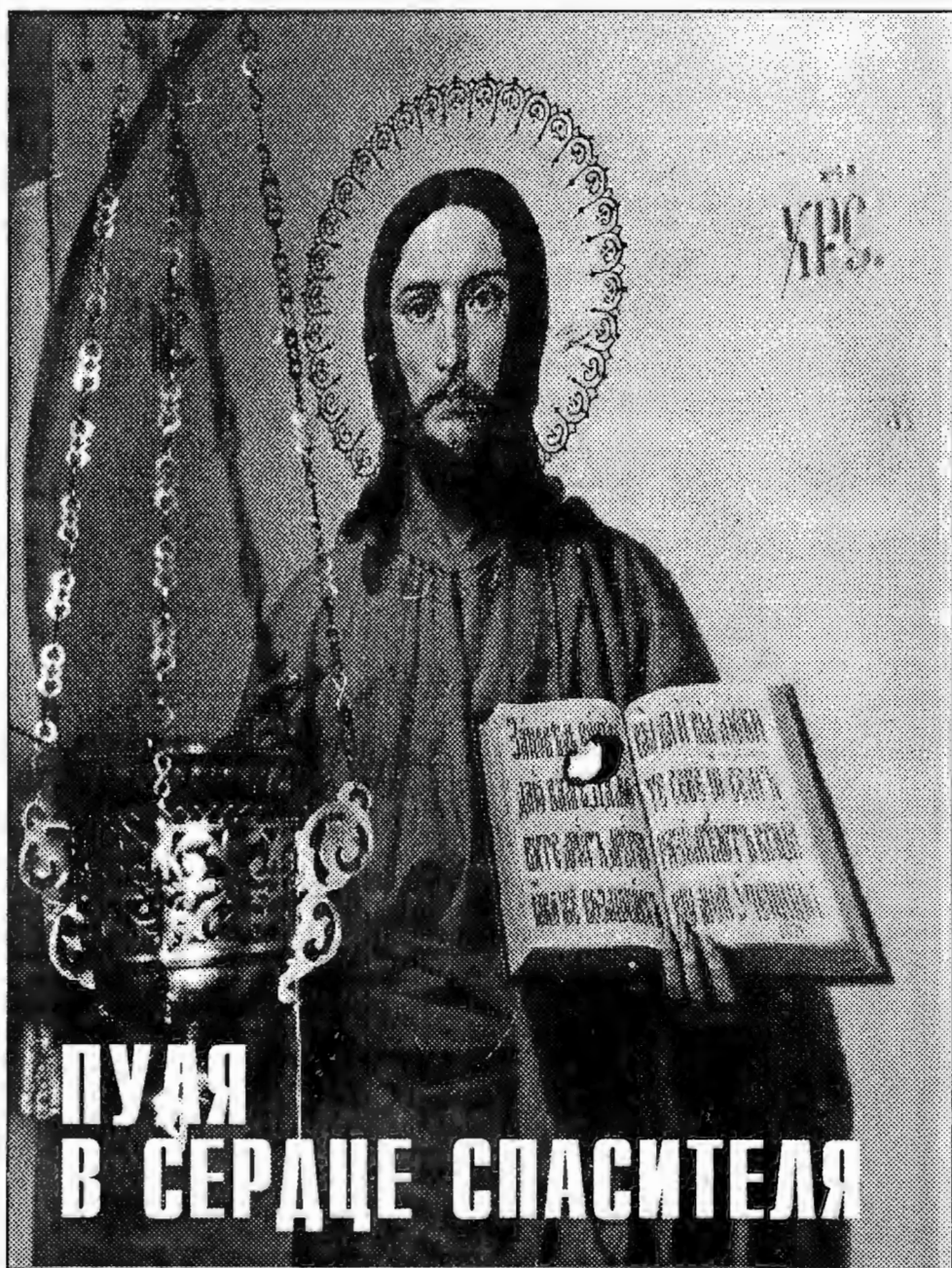
19 сентября. Объединенное командование федеральных войск в Чеченской Республике передало сопредседателю специальной наблюдательной комиссии А.Масхадову и председателю группы содействия ОБСЕ в Грозном Ш.Месарошу заявление, в котором говорилось, что вывод федеральных войск из Чечни будет осуществлен только после полного разоружения незаконных вооруженных формирований. Если чеченская сторона не примет решительных мер по выполнению Соглашения по блоку военных вопросов, то российская сторона будет проводить разоружение боевиков в одностороннем порядке.

20 сентября. Совершено покушение на полномочного представителя Президента России. Олег Лобов по счастливой случайности не пострадал.

24 сентября. Вооруженные нападения на федеральные войска становятся все более агрессивными. При обстреле колонны убит прапорщик Виктор РУДАКОВ. Подорвался на mine и скончался от ран рядовой Денис МОКИЕНКО.

На 25 сентября в Чечне внутренние войска потеряли 328 человек убитыми и 1668 ранеными.

Подборку подготовили
полковник В.АФАНАСЬЕВ,
подполковник В.ПАНЧЕНКО.

Чечня: на перекрестках беды

385

В храм Божий заходят в поисках умиротворения. Перелетая с восточного фронта чеченской войны на западный, задержались на денек в Грозном. Штаб, комендатура, блокпост, опять штаб... Кругом военный народ, техника, оружие. А в самом центре разбитого города — православная церковь. Тоже израненная, растерзанная войной. Заглянули, признаюсь, из журналистского любопытства, да простится нам это не всегда уместное рвение. А вышло так, что за полчаса и оттаяли душой, и воспряли духом...

Батюшка скромно трапезничал во дворике, под ветхим навесом. О его ноги терлась хромая кошка. Пожилые прихожанки собирали обломки кирпича, копошились на руинах, что-то ладили и прибирали.

Наши бойцы не стали входить под сень храма с боевым оружием, отдыхали в тенечке. Здесь же, на крыльце, висели и колокола, прежде звонившие с колокольни. Под снарядами стены рушатся, но не дух.

Пришли несколько человек полувоенного обличья — то ли строители, то ли беженцы. Просят батюшку покрестить, научить молиться, свечки за здоровье и за упокой возжигать.

— Как подготовиться к крещению?

— Надо молитвы знать. Символ веры. В нем заключается сущность нашей православной веры. Не обязательно наизусть знать, но вдумчиво читать. Само собой — исполнять правила православного христианина. Утреннюю и вечернюю молитву читать. В них все сказано. Если времени нет из-за работы вашей, можно хотя бы кратко помолиться, но помолиться от души. Потому что Господь Бог — дух святой, и Господь Бог слышит нашу душу, когда она молится, но не тело, которое просто лепечет языком. Когда Господа Иисуса Христа спросили ученики: "Иоанна ученики молятся, а как нам молиться, объясни?" — он им сказал самую распространенную молитву: "Отче наш, иже еси на небесах, да святится имя твое, да придет царствие твое, да будет воля твоя..." Коротенькая молитва, но все в ней заключается. От души надо молиться, а не от языка.

Господь душу слышит, а не тело. Тело наше греховно...

— Погибают ребята наши, славяне, некоторые некрещеные...

— Если они некрещеные... Есть у святых отцов многие мнения. Некоторые говорят: да, трудно, но по Божьему повелению может Господь спасти. Другие говорят: да, конечно, спасет, настолько Господь милосерден и человеколюбив, должен спасти, потому что человек, в войне раненный или убитый, омывается своей кровью от своих

**МОЛИТВА ПАВШИМ
ЗА ОТЕЧЕСТВО**

О, всеоблаженный и Богомудрый угодник Божий, подвиги своими землю Русскую освятивши и телеса своя, яко семя веры, в ней оставивши, душами же своими Престолу Божию предстоящии и непрестанно о ней молящися! Се ныне, в день общаго нашего торжества, мы, грешнии, меньшии братья твои, держим приносити вам сие хваление пение.

Величаем вашу великия подвиги, духовнии войны Христовы, терпением и мужеством до конца врага низложившии...

Укрепите нас в мужественном стоянии даже до крове за веру православную и обычай отеческия...

Осветите отечеству вашему всегда, якоже звезды светлыи, покрываете бо присно сие от пагубы врагов и избавляете озлобленна и вврии всякия. Тем же радостно празднует ежелетнюю память, блаженни, совершающе, берете и любовию пооща Господа, вас прославляшаго.

Увещаем вас, воины русские, и с теплотою любовию чтим вашу светлую память...

Аминь.

грехов. Как и при крещении. В общем, и те и другие говорят: да, спасение будет. У Бога милосердие уму непостижимое, он светит на всех — верующих и неверующих, светит солнцем и дает урожай, дает все свои благодеяния. Мы только молимся: "Господи, спаси, спаси, спаси! И прости за наши грехи, вольные и невольные!".

У человека может так жизнь сложиться, что по каким-то причинам не принял он обряд крещения в свое время. Еще в тех веках, прошедших, святые отцы сказали: да, человек омывается своей кровью, предает душу свою Богу. Велико милосердие Божье. Если человек прожил жизнь свою праведно или хотя бы в маленьком стремлении к этому, и богопочитанию...

Сейчас война отходит за город, подальше. Сейчас русских меньше становится. Чеченцы, видно, едут из сел, где бои идут, сюда. Подъезжают сюда с детьми.

— А с мусульманскими священнослужителями вы не общаетесь?

— Испокон веков у нас это как-то не принято. Как-то так повелось, что мы не очень-то друг к другу в гости хожи. Мы можем прийти в мечеть, поздороваться с людьми, а они вроде бы как не имеют права прийти к нам в церковь. Хотя некоторые и ходят, чеченцы, чеченки с детьми на особенные праздники — они их уже знают, они верят этим угодникам Божьим, которые им когда-то помогли. Приходят по секрету, можно сказать, сюда в церковь. Поятся, молятся, не крестясь, конечно, но благодарят святого угодника, Николая Чудотворца, допустим, вот он перед вами, который когда-то помог им в каком-то деле или спас от какой-то болезни. Я не имею права уговаривать их принять нашу веру.

Мы насильно не имеем права крестить. Если созрел человек для этого, попросил — пожалуйста, мы тебя покрестим.

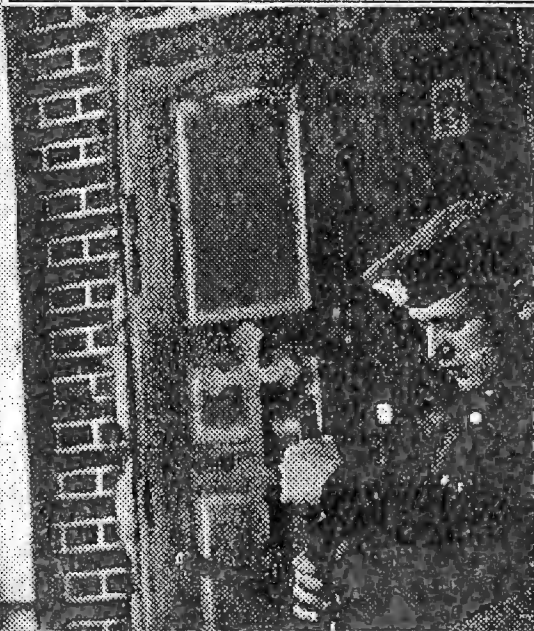
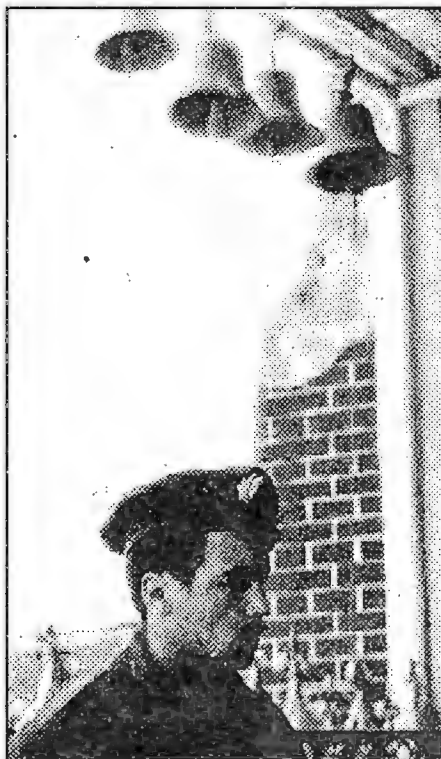
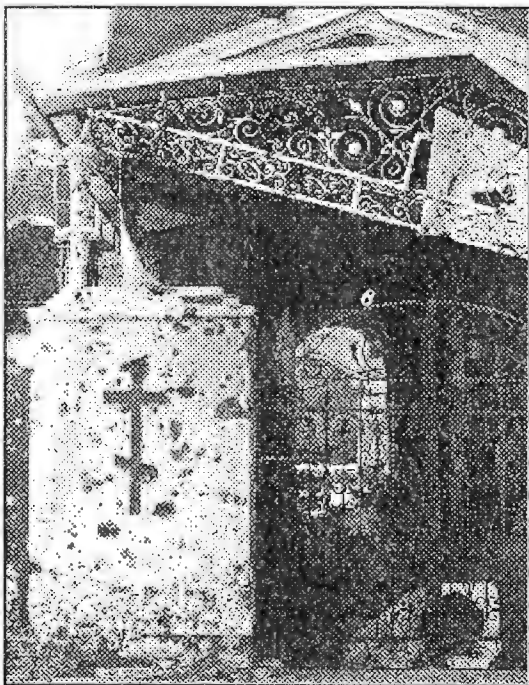
Наше православие не агрессивно, и экспансию религиозную мы не одобряем. А тех кришнаитов, которые у нас абсолютно не нужны, провожал бы в их Индию со словами: "Миленькие, дорогие, езжайте в свою Индию и проповедуйте там свою веру, а Россию нашу не поганьте". Так бы и сказал — по-честному.

— А матерей солдатских чем мы успокоим, какими словами? Если погиб наш товарищ?

— Погибших всегда надо успокаивать только одним: пожелать им царства небесного от Господа Бога, пусть земля им будет пухом. А матерям — чтоб много не плакали за своими сыновьями, потому что они уже унаследовали царство небесное. Наша жизнь земная — это мгновение. Я всем говорю и вам скажу: это мгновение перед вечностью. Этот миг человек ощущает, будучи уже престарелым. Говорит, что эти восемьдесят или даже девяносто лет прошли, как один месяц. Оглядываясь назад, уже имеет право на такую оценку. Но Господь дает нам эту жизнь, в которой мы живем праведно и неправедно, с законами и беззаконием. Господь дает

время и погрешить, но и покаяться. Потом только, если человек не раскаян, определяет его туда, ниже... Понятно, куда? В ад кромешный. Или, если человек заработал, в царство небесное, во святая святых. Так что наша земная жизнь — это Божий экзамен.

Отец Александр советует, как лучше сфотографировать икону Спасителя, про-

стреленную пулей. "Это какое-то знамение нам, какое-то предзнаменование, может быть. Чтобы мы долго помнили, что случилось и зачем это все. Многие говорят — это за грехи наши. Другие говорят — а как без войны могло быть спасение людей? Ну как можно было спасти людей тех, которые вообще никогда в жизни — при мирной жизни, я имею в виду — не спаслись бы, не омывшись своей кровью? Понимаете, бывает так на свете. Вот Господь спас некоторых, которых невозможно было спасти при жизни, Господь спас именно таким путем. Тех людей, которым возможно спастись, он оставил здесь в городе, на земле, живыми. И плюс дал в руки дело, чтоб восстановить свою церковь, вот эту, сожженную. Именно восстановить и тем самым заработать царствие небесное себе..."

Вы представьте себе — кто был в этой церкви, ни убит, ни ранен не был, все уцелели. Ранило одну прихожанку, когда она домой к себе ходила.

А некрещеному на войне страшно. И мне страшно за вас. Лучше бы покреститься. Это было бы спокойнее для души, и ангел-хранитель рядышком был бы, охранял бы и от шальной даже пули...

Валентина Михайловна, которая торгует в церковной лавочке свечами, иконами,

показывает нам почерневшего ликом Николая Угодника. Женщина плачет:

— Какую скорбь перенес! Образ весь почернел. У меня аж мурашки по телу, когда я смотрю на все это.

У Валентины Михайловны в Грозном стореда квартира. 10 января ее вывезли на "скорой помощи" МЧС. Лечилась в Москве после контузии. Вернулась в родной храм. Здесь и живет...

В станице Ассиновской дудаевские бандиты ворвались к местному священнику, открыли стрельбу. Батюшка едва спасся. Прихожане поддерживают духовную жизнь станицы всеми силами. А силы иссякают — молодежь бежит из Чечни. Слава Богу, не уходят пока солдатики российские!

Нам вручили тетрадный листок с текстом, озаглавленным "Молитва о помощи". Просили опубликовать. Простые русские люди умоляли:

*Пошли нам, Господи, терпенье
В году буйных мрачных дней
Сносить чеченские гоненья
И пытки черных палачей.
Дай крепости нам, Боже правый,
Злодейств бандитам не прощать.
И крест тяжелый и кровавый
С твоею кротостью держать.*

Спаси нас, храбрый русский воин! Помоги ему, Христос Спаситель! Благослови русского солдата! Дай покой его душе смиренной в страшный час! Вдохни в души героев-россиян силы! Будем молиться всегда за наших сыновей!

**Полковник Б.КАРПОВ.
Фото О.СМИРНОВА.**

Чечня — Москва.

Сухой натужный кашель взрыва распорол тишину, точно выцветшую ткань ситца. Комья земли, измельченные в воздухе дыханием сработавшей мины, взметнувшись к облакам, долго оседали серой ничтожной пылью. У края овальной, словно циркулем прочерченной воронки, остались лежать два изуродованных тела. Старичка и бабульки...

Русские, простодушные, наивные, разве могли они помыслить, что сосед-чеченец так легко, без зазрения совести пошлет их, обездоленных, беспомощных, на погибель. Доверчиво семенили, поддерживая друг друга, по дорожке в направлении, указанном небрежным движением смуглой руки. Туда, где, по заверению соседки, выдают гуманитарную помощь.

Дошли.

Через минное поле та тропка вела...

Прибывавшие к месту убийства саперы из подразделения капитана Валерия Чугурова, парни бывалые, всякое повидавшие, застыли, онемев от жалости и боли. Долго терли набухшие соленой влагой глаза, не в силах поверить, что минное ограждение, выставленное для защиты от боевиков, взрывчато отозвалось на шаркающую поступь своих же, мирных...

Проклятая война с непредсказуемо жестокими коленцами огненно пляшущей смерти. Четыре месяца инженерно-сапер-

ная рота бригады оперативного назначения внутренних войск шла по ее дорогам.

Четыре месяца изнурительной, испепеляющей нервы работы. Затаив дыхание, до миллиметра выверяя каждое движение пальцев, ежедневно по многу часов кряду колдовали бойцы над обнаруженными в земле вражескими сюрпризами. Нежно, подобно опытному танцору, кружащему партнершу на руках, относили прочь от жилых домов неразорвавшиеся снаряды. И снова возвращались во мрак сырых подвалов, нашпигованных растяжками и минами-ловушками. Чтобы в сотый, тысячный раз вызвав на танец, обезвредить хищную кавказскую шансонетку с пустыми глазницами...

И вот впервые она переиграла искусных партнеров, продемонстрировала изуверское па, будто в отместку за свои поражения в тех поединках, когда солдаты и офицеры хладнокровно гасили энергию готовых сработать взрывателей. Признавая бессилие одержать верх в открытой схватке с профессионалами роты Чугурова. А ведь как только не изощрялась костлявая, пытаясь обмануть военных: невидимым джином проникла в солдатскую флягу, соблазнила яркой пачкой американских сигарет, хоронилась среди пружин диван-кровати... Тщетно. Все уловки дудаевских минеров, насылавших на военных курносую, саперы раскрывали "без шума и

пыли". Будто семечки лузгали... Не зря еще год назад, в период ратного становления, подняли учебную планку до самой высокой отметки, словно предчувствуя грядущие испытания в танцах со смертью на подмостках, сколоченных войной...

“**Н**аша рота станет лучшей в войсках, дайте срок, — сразу же взял с места в карьер командир новоиспеченного подразделения. — Докажем, что инженерно-саперная — это не штатная рабсила, пригодная лишь для рытья окопов, а мобильная боевая единица. И служить у нас будет так же почетно и престижно, как в спецназе или разведке”. — “Что ж, поглядим!” — с сомнением качали головами скептики, хорошо знающие, как трудно по жизни выполнять такие обещания.

Да, любая ошибка в выборе путей к намеченной цели могла обернуться болезненным ударом по командирскому самолюбию. Случись неудача с реализацией заявки на лидерство, вмиг бы повернули пойманного на громком слове капитана лицом к сермяжной прозе: гладко было на бумаге, да забыли про овраги. Однако молчалива Чугуров изначально пошел верной дорогой. Стал искать и приглашать к сотрудничеству людей, способных дать солдатам специальные знания в объеме, превышающем даже его, ротного, профессиональные возможности. Чтобы запаса прочности у подчиненных хватило для преодоления самых крутых обстоятельств.

Ему повезло найти талантливых мужиков, для которых в нынешнее меркантильное время любовь к армии и Родине — святые неразделимые понятия. Таким проявил себя военнотрудовой заплата Виктор Афонченко — замечательный специалист, прошедший школу спецназа ГРУ и ВМФ. Под его руководством саперы начали осваивать азы водолазной, десантно-штурмовой, горной подготовки. Тонкостям же взрывного дела их взялись обучать подкуленные энтузиазмом Владимира асы инженерного искусства из предприятия “Форт”. Многие его сотрудники несли тяжкий крест в Афгане, работали в системе госбезопасности. Потом, в Чечне, их не раз вспомнят добрым словом.

Одновременно с обеспечением высокоуровня профессиональной подготовки ротный поставил задачу привить саперам оздоравливающий дух спецназа. Солдату, вечно спящему на ходу, — грош цена, его глаза должны гореть молодецким за-

дором, увлеченностью, отвагой. Дабы задать тон подчиненным, Чугуров предложил перевестись к нему в подразделение младшему сержанту Алексею Будкину и сержанту Николаю Михайлову, отслужившим к тому времени год в учебной роте специального назначения. Объяснил: есть интересная работа, нужна ваша помощь. Поразмыслив, они дали согласие. И не пожалели.

Вот так зарождались традиции, сроднившие бойцов и командиров. Во-первых, отбор... Представьте подрывника с дрожащими руками, слабой психикой. Это потенциальный смертник: в опасную минуту и себя угробит, и товарищей за собой в могилу потащит. Нет таких в роте. Потому как разработан комплекс мероприятий по проверке кандидатов в саперы. Причем осуществляется он на разных уровнях: новобранцев испытывают на прочность по утвержденной программе и офицеры, и сержанты, и наиболее подготовленные рядовые. Во-вторых, экзамены на право ношения маскировочного костюма “Ночь”. Великолепное средство воспитания профессиональной гордости и чести. В-третьих, заветный краповый берет... Валерий Чугуров мечтал о том дне, когда его лучшие ребята смогут на равных со спецназом и разведкой пройти трудный путь посвящения в элитную дружину внутренних войск...

В этом году не сбылось. Их ждали другие пути-дороги. Не полигонные. Фронтные.

Осваивать учебную программу, готовиться к экзаменам на берет оставили молодых солдат. На войну ушли одни “старички”. Во главе с командиром.

И в первые же дни пребывания на неласковой чеченской земле по самые ноздри хлебнули лиха. Оттого что снаряжение — ни к черту. Только слюнки глотали, глядя, как классно “упакованы” бойцы ОМОНа. Оттого что техника, будь она неладна, подводила в самые критические минуты. Те же миноискатели взять. Реагировали, сволочи, на любую железяку в земле. К тому же фонили неимоверно: мина ли, консервная банка — все едино. О средствах связи и говорить нечего. Самое что ни на есть большое место у саперов. Да и не только у них.

Посмеиваясь, рассказывал мне Чугуров. В ходе операции в одном из кварталов Грозного заместитель командира взвода сержант Алексей Будкин вышел на штаб боевиков. Взорвал массивную металлическую дверь и, перекрестив на всякий случай автоматной очередью помеще-

ние, ворвался внутрь. Оглядевшись, приставил от удивления. На столе громоздилась внушительных размеров радиостанция. Судя по всему, немалой мощности. Рядом — сложенные стопкой листы с радиоданными. На спинке стула — форма чеченского полковника. Посреди комнаты, воинственно задрав хоботок, стоял заряженный АГС-17.

Неслабые, в общем, трофеи. Как бы доложить о них командованию, чтобы плюс инженерно-саперной роте поставили, зря стараемся, что ли, в задумчивости почесал затылок Леха. По уму, у каждого командира отделения должна быть портативная радиостанция. А их даже у замкомзвода нет. Сейчас о находке сигнал подать нечем, а ежели завтра, не дай Бог, вляпаются пацаны, действуя, предположим, в отрыве от группы... Панихиду заказывать? Невеселые размышления сержанта прервал заскочивший в дверной проем омоновец. Не обращая внимания на сапера, он достал "Мотороллу" и, присвоив себе лавры победителя, бодро отрапортовал о том, что обнаружил командный пункт дудаевцев. К покинутому штабу тотчас же примчались на бэтре высокие начальники. В адрес отряда милиции посыпались дифирамбы: мол, вот они какие красавчики, наши профессионалы. А главного виновника торжества, скромно стоявшего поодаль Лешку Будкина, даже и не заметил никто.

Ну да ладно, сочтемся с ОМОном славою. А вот насчет радиостанций завязать бы командованию узелок на память. Одной на взвод — маловато будет. Грех экономить на самом необходимом, расплачиваясь потом солдатскими жизнями. Таково пожелание подчиненных капитана Чугурова.

Впрочем, дефицит материальных средств не стал для них помехой в совершенствовании боевого мастерства. Матеро научились работать парни из ИСР. (Этим словечком пользуются саперы, когда хотят выразить одобрение товарищу, первоклассно выполнившему опасную задачу.) Даже в мелочах стараются держать марку. Ну и шикануть не прочь, блеснуть подрывным искусством. Скажем, нужно проделать проход с таким расчетом, чтобы не пострадал сам объект. Будете уверены, подготовленный ими взрыв не сдвинет с места ни одного кирпича за пределами пролома. Замок необходимо открыть? Сделают блестяще: запорный механизм разлетится вдребезги, а дужка останется висеть на щеколде. (Пер-

вым этот трюк продемонстрировал Чугуров, потом и другие наловчились.)

А какие сюрпризы подбрасывают боевикам — мороз по коже. Одна "адская машина" чего стоит — тоже, кстати, командирское изобретение. Начало экспериментам положил случай: одна мина МОН-50, поставленная на растяжку, не сработала. Капитан Чугуров вместе со взводным лейтенантом Николаем Лаевским стал выяснять причину неполадки. Оказалось, резак взрывателя не перекусил пластину мягкого металла, помешав контакту ударника с капсулом. Сначала пластину попробовали уменьшить, а потом и вовсе убрали. Плюнь на такую мину — тут же рванет как миленьяка.

Другая "рационализация". Наставления требуют прикреплять огнепроводный шнур к капсулю-детонатору на расстоянии вытянутой руки специальным обжимом. Саперы Чугурова выполняют эту процедуру одним движением челюстей.

Но все это детские забавы по сравнению с техникой "короткого шнура". Вот где настоящая саперная классика. Когда подразделение испытывало трудности, связанные с дефицитом "огнепроводки", поневоле пришлось урезывать положенные по инструкции для одного подрыва полметра до семи-десяти сантиметров. Так сказать, для экономии. А заодно — и выигрыша во времени, что колоссально важно в бою, особенно наступательном, где каждая секунда на вес золота.

Правда, с таким "новшеством" можно запросто отдать Богу душу или остаться калекой: чуть замешкался, и... Но разве думает об опасности матерый профи, поглощенный боевой работой? Щекоучущее нервы чувство риска заворачивает, как наркотик, притупляет инстинкт самосохранения.

"Перестал бояться — уходи из саперов", — не устает повторять солдатам капитан Чугуров. Парни кивают, соглашаются. А сами по примеру командира продолжают экспериментировать. Не бравады ради — пользы для. И затрудняясь отыскать ту грань, которая отделяет смелость от безрассудства, свое отношение к смерти на передке определяют фаталистически: суждено — не суждено.

У каждого из них свой индивидуальный почерк. Если младший сержант Николай Михайлов работает как заведенный, крутится юлой, то старший сапер-подрывник Андрей Романов предпочитает действовать с подчеркнутой неспешностью, его профессиональное кредо — хирургическая точность. Рядовой Алексей Назаров,

идя с миноискателем впереди наступающих, никогда пулям не кланяется, и они его не берут — словно заговорен от свинца. Ну а хладнокровие сержанта Алексея Брюшинина — просто тема для легенды; сам слышал, как искренне восхищались им сослуживцы — парни тоже далеко не робкого десятка.

Однажды к командованию части обратились тележурналисты агентства "Рейтер" с просьбой разрешить им заснять работу подрывников. Показать товар лицом доверили младшему сержанту Михайлову. И Колян сделал рекламу, превзошел самого себя. Так шаманил над взрывным устройством, что выдавшие виды иностранные репортеры рты разинули. Продемонстрировал и "короткий шнур", и "обжим зубами", и другие фирменные фокусы. Знай, мол, наших! Хваленых рейнджеров — не хуже. К счастью, гости не врубались в содержание непарламентских выражений, которыми подогревал себя сержант, воспринимали их как уставные команды. Окажись среди них мало-мальски знающий русский язык, пришлось бы поломать голову переводчику при расшифровке славянских боевых присловий.

В общем, съемка прошла на ура. А то! Есть с кого брать пример солдатакам. В Аргуне вон капитан Чугуров и лейтенант Лаевский схлестнулись: кому разминировать обнаруженный склад боеприпасов. Один: "Я — ротный! И точка. Пацанов подставлять не хочу. Моя это задача". Люминий, стало быть. А другой ему в ответ: "Не царское это дело — головой рисковать, и помладше специалисты есть". В конце концов поделили участки, в спарке бросили вызов курносом. При таких-то починах командиров бойцам сам Бог велел держать хвост пистолетом. Недаром говорят: рать сильна воеводой.

Оценят ли эту силу? Сколько раз писали воеводы представления на награды отличившимся в боях ратникам! Коль нет средств для достойного материального поощрения тех, кто живота своего не жалеет, радея о державных интересах, хоть бы на "железо" не скупились. Куда там! Будто черная дыра поглотила командирские ходатайства. Ну и ладно. Главное, народ благодарит, кланяется своим избавителям...

Символический эпизод. Выносят саперы на руках очередной нераззорвавшийся снаряд, медленно вальсируя со смертью, а из дома вслед бабуля семенит, стакан тыквенных семечек протягивая: "Спасибо, родимые... возьмите... чем богата..."

Господи! Они эти семечки так вспоминают! Так...

Семечки, семечки...

Ночью установить мину под самым носом у противника. Лихо?! А сержант Алексей Брюшинин близ Бамута во тьме кромешной два десятка таких "семян" — закусочку для абреков — аккуратно посеял.

Не забудут Лешкино геройство командир и боевые побратимы.

Не забудет рядовой Михалев, как из-под минометного огня его, окровавленного, выносил однополчанин — сапер рядовой Богданов.

Будут помнить все сержанта Алексея Будкина, рядовых Игоря Скачкова и Юрия Коншина. За них, троих, — теперь каждый третий тост.

"Трижды ошибается сапер, — хохмили перед командировкой на войну "старики". — Когда женится, выбирает профессию и допускает роковой просчет при разминировании". Игорь, Леха, Юра не ошиблись ни разу. Первую (шутка) по молодости совершить не успели. Вторую — считали за счастье (беседовал с ними — знаю). И третьей не было: обезвреживая бандитские сюрпризы, действовали на пять с плюсом.

Оступился Юра во время операции: напоролся на растяжку... В горячке боя за Самашки обознался Леша. Следуя в первых рядах наступавших, увидел за забором людей, одетых и экипированных, точь-в-точь как бойцы отряда милиции особого назначения. Не рискнул с ходу открыть огонь: а вдруг свои. Крикнул: "Вы из ОМОНа?". В ответ — прицельные очереди... Игорь, контуженный, вытащил двоих раненых танкистов из подбитой машины, полез за третьим и, сраженный пулей, упал на броню...

"Трижды ошибается сапер", — хохмят теперь молодые солдаты, подражая ушедшим в запас двадцатилетним ветеранам чеченской войны. И чтобы не ошибиться всерьез, изо всех силенок наращивают профессиональное мастерство, готовясь к суровым испытаниям. Как их старшие товарищи — год назад. И так же гордятся традициями своей, инженерно-саперной.

— Достойная смена растет в роте, — говорит капитан Чугуров. — Отлично подготовлены, "дембелям" не уступят...

Какие "семечки" ждут их там, в Чечне?

Лейтенант А. ИСТОМИН.

ВСТРЕЧИ НА ВОЙНЕ

ЕСТЬ ТАКАЯ ГВАРДИЯ

Наша "вертушка", прижимаясь к земле — на такой высоте и при такой скорости вести по ней огонь из стрелкового оружия очень сложно, трудно поразить ее и из ПЗРК, перепрыгивая линии электропередачи и огибая встречающиеся по курсу аулы и станицы — береженого Бог бережет, летит над Чечней.

Ко мне подходит знакомый офицер — специалист по авиационному оборудованию, кричит в самое ухо, иначе ничего не услышишь:

— Готов?

Еще на земле Евгений пообещал, что попросит командира экипажа майора Георгия Б. — по его словам, пилота номер 1 среди всех вертолетчиков, работающих в небе Чечни, — показать мне "кусочек" высшего пилотажа.

Киваю головой: готов, как пионер!

Женя заглядывает в пилотскую кабину, что-то объясняет командиру. Тот оборачивается ко мне, смеется: мол, держись!

И началось. Первым делом "вертушка" заложила крутой вираж, так что в дверном проеме осталась видна одна лишь черная пашня. Потом вертолет стал переваливаться с борта на борт, как ванька-встанька... Здрава нос, круто взмыл в облака и оттуда камнем упал вниз. В этот момент у меня дух перехватило. Тело на какое-то мгновение оторвалось от сиденья. Руки судорожно вцепились в переборку.

На командира роты разведки старшего лейтенанта Руслана М. — он сидит у дверного проема за пулеметом — эволюции вертолета, похоже, никакого впечатления не производят. Ротный как ни в чем не бывало продолжает отслеживать проплывающую за бортом на расстоянии вытянутой руки (Женя говорит: "Как на машине едем!") "зеленку", заброшенные кошары и

забитые раскученной техникой бывшие эмтэзсовские подворья.

Последнее время разведчики работают на огневом прикрытии вертолетов. Задача, в общем-то, им не свойственная. Куда привычнее чувствуют себя разведчики на земле. Но приказ есть приказ. Начальство знает, чем кому заниматься.

С подчиненными старшего лейтенанта Руслана М. знаком чуть более суток. Кажется — всю жизнь. Рядовой Виктор Р. Рядовой Эдуард А. Рядовой Андрей С. Командир отделения рядовой Вячеслав П. Рядовой Дмитрий С. Заместитель командира роты по работе с личным составом лейтенант Андрей Б.

Мы сидим на травке возле бетонки. Ведем неторопливый разговор — летчики сказали, что до обеда вряд ли куда полетим. Но едва начатую беседу пришлось прервать на полуслове. С КП прибежал командир экипажа:

— Хватит загорать, ребята. Есть работа!

Разведчикам дважды повторять не надо. Парни расходятся по "вертушкам" — в Чечне они работают парами.

Разведчики занимают свои места. Рядовой Вячеслав П. садится за кормовой ПКТ. Поправляет коробки с лентами. Рядовой Андрей С. устраивается на откидной скамейке у дверного проема. Крепит на кронштейне ПКМС. Как верхолаз, защелкивает на талии страховочный пояс, надевает на голову наушники внутренней связи с экипажем.

Рядовой Эдуард А. крепит в "уключину" свою "эсвэдэшку".

Летчики запускают движки. Лопасты винта вращаются все быстрее и быстрее. Винтокрылая машина задрожала всем своим железным телом — есть отрыв. Контрольное зависание. Теперь вниз, к земле. Только после выполнения предусмотренного инструкцией ритуала "вертушка" бесповоротно переходит на набор вы-

389

соты. С каждым мгновением она все дальше и дальше от бетонки. Разворот на заданный курс и — вперед!

Как там ребята? Они оставили все свои земные проблемы за бортом. Внимательно наблюдают за обстановкой внизу. Наблюдают через прорезь прицела. Для них началась боевая работа, цель которой не допустить внезапного огневого нападения на винтокрылую машину. Но попробуйте-ка разглядеть с высоты притаившегося с оружием в руках боевика. Да еще на такой сумасшедшей скорости.

Вертолетчики в Чечне летают много — перевозят различные грузы, эвакуируют раненых, доставляют на фильтрационные пункты задержанных по подозрению в совершении преступлений. Разведчиков летчики считают членами своего экипажа. Что ни говори, а с ними спокойнее.

Подчиненные старшего лейтенанта Руслана М. излетали Чечню вдоль и поперек. Маршруты вертолетов проходят через Бамут и Самашки, Орехово и Грозный. Ребятам есть что вспомнить, есть о чем рассказать. Без работы остаются лишь по вине погоды.

В один день только в Бамут вылетали дважды. На дежурстве тогда стояли «вертушки» с экипажами майора Георгия Б. (летчик-штурман лейтенант Александр С., борттехник старший лейтенант Вячеслав Ш.) и майора Владимира С. (летчик-штурман капитан Сергей Ч., борттехник капитан Сергей З.). Классные экипажи, считающиеся одними из лучших в составе группировки внутренних войск. Вначале изпод Бамута вывезли задержанных по подозрению в пособничестве боевикам. А едва вернулись на базу — разведчики только и успели что оружие разрядить, новая вводная: немедленно вылететь на точку, забрать врачей и следовать курсом... на Бамут. Там армейцы на фугасе подорвались.

Взлетели в 20.30. В указанный квадрат пришли затемно. Минут 15 кружили над местом встречи, высматривая сигнальные огни на земле. Когда, потеряв уже всякую надежду отыскать своих, собрались уходить домой, в ночи вспыхнули четыре факела. Не раздумывая пошли на посадку. Без бортовых огней, с выключенным внутренним освещением. Опасались боевиков. И не зря. Дудаевцы обстреляли барражировавший над площадкой вертолет прикрытия. Дырявили «трассерами» черное полотно ночи, пытаясь нащупать за ним вертолеты.

Приняли раненых на борт — включили свет. Врачи попросили.

Спаси, к сожалению, удалось не всех. Уж слишком тяжелыми оказались ранения.

Два дня спустя разведчики перевозили пленных — снайпера из Белоруссии и чеченца, у которого оказались поддельными документы. Передававший задержанных офицер сказал: есть факты, подтверждающие их участие в боевых действиях против федеральных войск.

Если задаться целью описать все боевые вылеты разведчиков, то материала наберется на добрую книгу. Их работа по огневой поддержке вертолетов — лишь эпизод в служебно-боевой деятельности. Некоторым из них пришлось и раньше работать в Чечне. Но только на земле. Вернулись из командировки в Грозный сержант Дмитрий Б. и рядовой Николай Ц. Работали там бок о бок с ребятами из «Витязя». И как работали! За особые заслуги перед отрядом сам командир спецназовцев вручил сержанту Дмитрию Б. краповый берет. Краповый берет, и тоже за Грозный, получил рядовой Николай Ц.

Отдельная строка в послужном списке подразделения — выполнение заданий в зоне осетино-ингушского конфликта. Эта горячая точка до сих пор еще не остыла. Ситуация в регионе — взрывоопасная, а потому есть там работа и для разведчиков.

Тот полет с ними, о котором я рассказывал, закончился благополучно. А спустя какое-то время мне вновь довелось встретиться со старшим лейтенантом Русланом М. и его ребятами. Но радостной нашу встречу не назовешь. Разведчики в тот день только вернулись из-под Орехова — привезли раненых и убитых из соседней части. Также разведчиков. Я видел, как стояли они над телами своих погибших товарищей, как бережно поднимали парни своих братишек в кузова машин.

В тот черный день я летел бортом, где огневое прикрытие обеспечивали рядовой Иван М., рядовой Сергей Г. и мой старый знакомый рядовой Андрей С. Командовал десантом сам ротный.

До места назначения добрались без приключений. Спустившись на землю, я стал прощаться с Русланом. Он на мгновение задержал мою руку в своей:

— Напиши, что сегодня погиб мой брат — лейтенант Сергей Анатольевич Николаев.

Эта страшная подробность происшедшей трагедии потрясла меня. Не помню точно, как долго простояли мы молча.

Руслан смотрел куда-то вдаль. По щеке его скатилась горькая слеза:

— Я смотрю на него, лежащего на аэродроме, и не могу поверить, что это — он, мой брат...

Мы с ним последний раз 9 месяцев назад виделись на сборах разведчиков. Я искал его в Назрани. Не застал — часть осталась, а он уехал домой по замене. Зимой в Грозном искал. Как ни приеду, он на задании. Так и не застал. Думал, в отпуске уж точно встретимся. Опять ничего не получилось. Я к родителям, а он к теще поехал.

В общем, напиши, погиб гвардеец-лейтенант. Хотя, знаешь, у нас в войсках гвардии нет.

Тогда я не стал спорить с Русланом — не тот случай, чтобы вдаваться в дискуссии. Но в душе с ним не согласился. Гвардия во внутренних войсках есть. Ведь она, гвардия, это не только гвардейская ленточка на бескозырке и гвардейский значок на груди. Гвардия — это, прежде всего, состояние духа. Когда человек, невзирая ни на какие трудности и условности, готов выполнить свой солдатский долг до конца.

БЕЗ ВОДЫ — И НИ ТУДЫ И НИ СЮДЫ

— Товарищ подполковник! — Сухощавый, в выцветшем под лучами жаркого чеченского солнца, стираном-перестираном камуфлированным комбинезоне солдат методично "доставал" своего начальника. — Товарищ подполковник! Разрешите машину у омовцев ставить.

— А чего так к ОМОНу-то тянет? — интересуюсь у парня.

— Так меня там все как облупленного знают. Я с ними и в разведку ходил — за водителя БРДМ. Они мне говорят: "Вовчик! Бэтээр на прикрытие нужен — только скажи!".

Рядовой Владимир Новиков — военнослужащий одной из специальных моторизованных воинских частей, свой срок в Чечне отбыл. Родной батальон ушел домой. Без него. Его попросили остаться. Пообещали: "Как только будет замена — ни минуты не задержим".

Володя уже смирился со своей незавидной участью, но никак не может согласиться с решением начальства — закрепить его за одной из воинских частей, разлучив тем самым с земляками-омовцами, с кем и жили по соседству, и воевали вместе.

Рядового Новикова здесь многие знают, потому что — водовоз. Но не многие догадываются, как она, водичка, нелегко достается. Задача поставлена — конкретнее

некуда: направляться в Куртате или Ассиновской. Но вот заваyka: в воде солдату там частенько отказывают. И вроде причины веские находят — в Куртате говорят, что самим воды не хватает — коров на ферме поить нечем. В Ассиновской света через раз не бывает. Качать воду нечем. Однако...

Что делать? Отправляться домой несолоно хлебавши?

Нет! Не такой рядовой Новиков человек — еще ни разу его машина без воды на базу не возвращалась. Надо — всю округу облетит, но воду из-под земли достанет.

Самый счастливый момент для рядового Новикова, когда, заслышав его машину, ребята вываливают навстречу:

— Пацаны аж впереди колес скачут!

Сколько ходок за водой сделал Володя в течение двух месяцев командировки — никто не считал. Об этом лучше знает его верный "зилок". В каких только передрыгах ему со своим хозяином побывать не пришлось!

— Ласточка моя прошла огонь, воду и медные трубы, — с гордостью говорит солдат. — На такие подъемы забирались — масло из "воздухана" (воздушного фильтра. — Авт.) через край лилось. Бэтээры сдавались, а мы все лезли вверх. Есть в районе 15-й заставы крутые горки.

А вообще, машине на отдых пора. Еще немного — и ей как!

Как удается рядовому Новикову, почти не вылезая из-за баранки, поддерживать свой "стотридцатый" в рабочем состоянии? Известно это только ему самому да его товарищам — помощникам. В армии ведь как — ночь не спи, две, но к утру — в строю! И все равно, как ни ухаживает за техникой Владимир, поломок избежать не удается. Нет, наверное, в России таких полигонов для испытаний автомобильной техники, которые сравнились бы с Чечней... Ее дороги душу из водителя и машины вытрясут.

— Как-то раз, ранней весной еще, — вспоминает рядовой Новиков эпизод из своей шоферской жизни, — отправились за водичей. Грязи на дороге — по самую подножку. Машина в колее болтается — туда-сюда. И вот, в один ответственный момент, даю руля вправо. ЗИЛ мой — влево прет. Оказалось, тяга рулевая — в два пальца толщиной! — оборвалась.

Два часа с Там Тамычем под дождем в грязи провалялись. Наше счастье, что болото кругом непролазное. Только ногу с педали газа убрал — машина как вкопанная стала.

390

— А кто это такой, Там Тамыч? — интересно.

Оказалось, водитель с БРДМ сопровождения. Но почему такое странное имя у парня?

— А у него привычка была — через слово "там... там..." вставлять. Фамилии его спросить не успел — недосуг было. Знаю, Валерой звали. Тоже из батальона СМВЧ... Да! Еще он медалью награжден — "За отвагу".

Тягу-то, обрвавшуюся, приварили — новую где взять? Она до сих пор на моей машине стоит.

После того как батальон ушел, рядовой Новиков частенько отправляется за водой в гордом одиночестве. Бывает, что все "коробочки" в разгоне — как сегодня. Не дай Бог, поломка какая.

— Ничего! У меня граната под сиденьем. Живым "духам" не дамся.

Володя признался, что если чего и боится на этой войне — так только плена. А так... Он даже автоматчика с собой в кабину не берет:

— Смысла не вижу! Очередь — и двое готовы. Погибать, так одному.

Если бы в Чечне провели исследование с целью определить, какая воинская специальность самая опасная, то водители наверняка в числе первых оказались бы в этом рейтинге риска. Мины. Засады. Обстрелы — от них никто на трассе не застрахован. Между 13-й и 14-й заставами бензовоз накрыли. И Володину машину один раз граната из РПГ чуть не сожгла. А вот случай из разряда курьезных:

— Вернулся я как-то вечером, — рассказывает рядовой Новиков. — Отворачиваю кран. Что за ерунда — вода не сливается! Вначале подумал — врачаха удружила. Сыпанула хлорки от души — вот кран и забился. А утром разобрал его — ба! Да в нем граната из подствольника застряла! Через открытую горловину залетела.

Рядовой Владимир Новиков из тех, кто никогда не унывает. Когда оказываешься рядом с такими ребятами, и войну, и все сопутствующие ей трудности переношишь легче.

Володя на судьбу не жалуется. Ему бы для полного счастья к землякам-омономцам перебраться. Хотя, если честно, воевать ему надоело. Домой хочется. Там жена Анжела, сын Юра, в которых души не чает. И они по папке соскучились. Он им уже давно по ночам снится. Недавно Владимир письмо получил. Жена пишет, сыну сон приснился, как отец в командировке на машине развезжает. Утром Юра подошел к маме и заявил: еду папке помогать.

— Эх, Юрка, Юрка, сынок мой родной! — вздыхает солдат. — Когда же обниму я тебя?!

И неожиданно предлагает:

— Хотите посмотреть, какой пацан замечательный у меня растет?

Володя достает бумажник. В нем — целый семейный альбом!

Вот Юрка — совсем еще маленький мальчонка, несколько месяцев от роду. Тут уже постарше. А вот на снимке вся семья Новиковых в сборе. Юрик сидит за рулем детской машины — опять машина! Наверное, ему, как и отцу, на роду написано крутить баранку. Володя словно читает мои мысли:

— Машины — обожает! — с удовольствием рассказывает он про увлечение сына. — У меня дома "газон". Как домой приеду, сынуля мой — тут как тут! Дай за рулем посидеть — ничего больше пацану не надо! Чует мое сердце, шофером будет!

Володя бережно передает мне фотографии. Его лицо сияет от счастья. Как только взгрустнется, достает их солдат, посмотрит на жену и сына — как будто дома побывает. На душе сразу полегчает.

Но не только по семье, по дому родному скучает рядовой Новиков. Грустно одному без ребят, без командира родного. При нем жил как у Христа за пазухой: кормежка классная, баня регулярно, белье постельное чистое.

Есть у рядового Владимира Новикова мечта — вернуться домой на своей машине боевой. Ему бы только времени чуток на ремонт. Но не дают на прикол встать. Вода нужна каждый день — и в будни, и в праздники.

Простившись со мной, Володя направился к машине — пора за водой. И завтра в пять утра он будет уже на ногах — как это было в течение всей командировки. И воду он обязательно привезет. И машину отремонтирует. И въедет на ней в родной город, как на белом коне.

НАМ ТРУБА БЕЗ ВАС, ДЕВЧОНКИ!

Ранним утром по пути на аэродром нам повстречались две военные санитарные машины — "шестьдесят шестой" и "таблетка". Они следовали в город с зажженными фарами и включенными мигалками. Сердце сжалось от недоброго предчувствия: "Раненых повезли?". О худшем думать не хотелось...

На аэродроме было неуютно. Небо затянуло хмарью. Дождя вроде бы не было, но

в воздухе столбом стояла водяная пыль. И в нем пахло бедой.

Возле двух крайних "вертушек" расхаживали люди, и среди них — две женщины в камуфляже, с санитарными сумками через плечо. Одна светленькая, другая темненькая. Они только прилетели откуда-то или собирались улетать.

На дальней от нас кромке бетонки стояли два грузовика...

— Вы не из города? — спросили девчата.

— Угадали.

— Записочку передадите?

— Если только с Володей, с водителем нашим.

Темненькая тут же на капоте нашего "уазика" чиркнула несколько строк на тетрадном листке. Сложила его вчетверо и сверху пометила — где и как найти адреса:

— На словах передайте — у нее все в порядке. Улыбается.

И действительно печально улыбнулась.

— А вы откуда хоть будете, девчата?

— Со "Штока". Раненых привозили, — вздохнув, добавила: — И убитых.

Сержанты медицинской службы Алла К. и Света В. рассказали нам о трагедии, которая произошла всего несколько часов назад. Разведчики возвращались с задания и подорвались на mine. Это их тела грузили сейчас солдаты на машины.

В 6.20 вертолеты вылетели со "Штока". В бригаде "скорой помощи" вместе с Аллой и Светой — начальник полевого госпиталя майор медслужбы Владимир Ф. и хирург лейтенант медслужбы Игорь С. В 6.35 были уже под Ореховом.

— На нашем борту — двое тяжело раненных под капельницами и еще солдатик, которого лишь слегка зацепило, — рассказывает Алла. — Один раненый стал засыпать — много крови потерял. Растолкала его: "Не спи, родненький!". И потом глаз с него уж не спускала.

За двое суток до трагедии Алла и Света со своими товарищами вывезли из района боевых действий 20 человек.

Для них, военных медиков, работа не прекращается ни на минуту. Там боевики обстреляли заставу. Там снайпер ранил зазевавшегося солдата. Там бэтээр подорвался на mine. Днем и ночью идут сигналы о помощи. Днем и ночью спешат к "вертушкам" врачи.

Нагрузка на медперсонал — колоссальная. 3-4 вылета в сутки — обычное явление, а день, когда делают всего два, считается выходным.

Как вы думаете, о чем мечтают сестрички на войне? Выспаться, зная, что никто не растолкает тебя: "Вставай, подружка, работа есть!". В бане помыться не спеша, чтобы никто над душой не стоял и не подгонял: "Давайте, девочки, скорее. Раненых привезли!" Мы смотрели на сестричек и чувствовали, как они чертовски устали. Физически — не каждому мужику-то такое по плечу. Морально — каждый день видеть страдания раненых. И не только видеть, переживать чужую боль как свою. Иначе какая ты сестра милосердия?! Видеть смерть.

Война опустошает женщину. Не место ей на войне. Но сегодня, к сожалению, без женщин нам никак не обойтись. Не хватает санинструкторов. Даже в подразделениях спецназа на должностях санинструкторов, как правило, женщины. Медбратья там — большая редкость.

Но при всем при том, вы нужны нам, сестрички. С вами чувствуем себя втрое сильнее, втрое увереннее. Знаем, что если зацепит пуля-дура или осколок, спасете, отведете костлявую свою легкой рукой.

Говоря о тех трудностях, что выпали здесь, в Чечне, на долю наших женщин, мы забываем, что почти все они — матери.

Оставив своих малышей на попечение мужей, которые сами-то порою в уходе нуждаются больше, чем дети, на матерей, бабушек и дедушек, сестер и подружек, они отправились на войну. Разрывается материнское сердце от тоски и тревоги, от постоянно терзающих мыслей: "Как там родная кровиночка?". Да и не все говорят о том, куда отправляются. Аллины родители до сих пор считают, что их дочь живет у сестры. Так она сказала им, уезжая на войну.

Сержанты Алла К. и Света В. буквально валились с ног от усталости. Но виду старались не подавать. Увидев зеркало на машине, подошли к нему и стали поправлять свои незатейливые прически, вытирать платочками уголки губ. И офицеры, и солдаты, заметил, ведут себя в присутствии девушек по-иному.

Милые наши сестрички, потерпите. Обязательно наступит день, когда вы снимете опостылевший камуфляж, наденете сносшибательные наряды, сделаете обалденные прически.

А впрочем, вы и сейчас в своих военных одеждах самые красивые.

Подполковник А. ПЕТРОВ.

Владикавказ — Грозный — Москва.

Рис. М. Лермонтова

«На Кавказ. В солдаты»

Две драматичные судьбы воинов-поэтов

Александр Полежаев:

*«Воспламенял я воображение свое
подвигами прошедшей битвы»*

«В рядах Московского пехотного полка, — пишет об этом времени историк Кавказской войны В. А. Потто, — с тяжелым солдатским ружьем, во всем походном снаряжении шел известный русский поэт Полежаев. Это был молодой человек, лет 24-х, небольшого роста, худой, с добрыми и симпатичными глазами. Во всей фигуре его не было ничего воинственного; видно было, что он исполнял свой долг не хуже других, но что военная служба вовсе не была его предназначением...»

На долю Полежаева выпало столько горьких дней, как никому из русских поэтов. «Жизнь сочинителя, — говорил А. И. Герцен, — есть драгоценный комментарий к его сочинениям». Каким же печальным может оказаться этот комментарий, если стихи, к которым он написан, носят названия «Осужденный», «Цепи», «Живой мертвец»!

За поэму «Сашка» царь отправил Полежаева, выпускника Московского университета, унтер-офицером в Бутырский полк. За побег из полка военный суд разжаловал его в рядовые. Потом — следствие по делу о тайном обществе, арест по доносу и заточение в сыром каземате в наручниках и кандалах. Туберкулез. Тяготы горной

войны на Кавказе. Страшная простуда и глухота. Тиски цензуры. Разбитая любовь. И черная полоса последних лет — пьянство.

Осенью 1837 года Полежаев самовольно оставил полк и пропил свою амуницию. Последовало жестокое наказание розгами, после которого поэт уже не поднялся. Несколько месяцев спустя он скончался в Лефортовском военном госпитале. Слово в насмешку, царь пожаловал ему чин прапорщика, и в день похорон на покойника надели офицерский сюртук, которого поэт никогда не носил. По свидетельству Герцена, само тело отыскали с трудом в подвале, заваленном трупами, крысы объели ему одну ногу. Могила поэта, не отмеченная памятником, затерялась. Как предрекал он сам,

*И нет ни камня, ни креста,
Ни огородного шеста
Над гробом узника тюрьмы...*

При жизни поэта свет увидели только три его книги: «Стихотворения», поэмы «Эрпели», «Чир-Юрт» и сборник «Кальян». Он успел подготовить еще две книги стихов: «Часы выздоровления» и «Разбитая арфа», но они были пропущены цензурой только после смерти Полежаева, причем слово «разбитая» не прошло.

В собрании Государственного музея-заповедника М. Ю. Лермонтова в Пятигорске хранится одна из этих бесценных рели-

квий — первое издание полежаевского "Кальяна". Отпечатана книга в типографии Лазаревых Института восточных языков, и видимо, небольшим тиражом. Может быть, именно этих страниц касались руки ее автора...

Сборник открывает большое стихотворение, одно из лучших в его кавказском цикле — "Герменчугское кладбище", запечатлевшее сцены "войны жестокой и кровавой", невольным участником которой оказался поэт:

*Минувший день, минувший гром,
Раскаты пушечного гула,
Картины гибели аула,
Пальба и сеча, прах столбом,
И визг, и грохот, и моление,
И саблей звук, и ружей блеск,
Бойщиц, завалов, саблей треск —
Все воскресит воображенья...*

В пламени Кавказской войны, опалившей судьбы Бестужева, Лермонтова, Толстого, поэт и воин Александр Полежаев одним из первых поднял голос против бессмысленной братоубийственной бойни:

*Да будет проклят нечестивый,
Излекший первый меч войны
На те блаженные страны,
Где жил народ миролюбивый...*

Предназначением Полежаева действительно была поэзия, а не война, все тяготы которой он вынес на своих плечах:

*Я сам, что делать, понемногу
Узнал походную тревогу,
И кто что хочет говори,
А я, как демон безобразный,
В поту, усталый и в пыли,
Мочил нередко сухари
В воде болотистой и грязной*

*И, помолившись потом,
На камне спал покойным сном!..*

Все события Кавказской войны, сквозь адское пламя которых судьба провела поэта, отразились в его стихах и поэмах. По названиям произведений Полежаева можно составить карту его кавказских походов: Эрпели, Чир-Юрт, Герменчуг, Акташ-Аух...

В октябре 1831 года Полежаев участвовал в штурме Чир-Юрта в Чечне и назвал эту битву "достойной примечания в летописях Кавказа". По возвращении отряда из экспедиции в крепость Грозную он в течение одиннадцати дней написал поэму "Чир-Юрт", в которой запечатлел картины минувшего боя.

"Среди ежедневных стычек и сражений при разных местах в Чечне, — сообщал он в письме к другу, — в шуме лагеря, под кровом одинокой палатки, в 12 и 15 градусов мороза, на снегу, воспламенял я воображение свое подвигами прошедшей битвы..."

По представлению генерала Вельяминова, в котором отмечалось, что Полежаев "находился постоянно в стрелковых цепях и сражался с заметной храбростью и присутствием духа", поэт был произведен в унтер-офицеры, но в дальнейшем повышении ему было отказано.

Участвовал Полежаев и в знаменитой, исключительной по перенесенным трудам и жертвам, гимринской операции, когда в отчаянной схватке с русскими погиб имам Кази-Мулла, а израненный Шамиль буквально чудом избежал пленения или смерти. О Кази-Мулле Полежаев пишет в иронических, если не сказать — карикатурных тонах:

*Он здесь, он здесь, сей сын обмана,
Сей гений гибели и зла,
Глава разбоя и Корана,
Бич христиан — Кази-Мулла!
"Пророк, наследник Магомета,
Брат старший солнца и луны..."
Вот титул хитрого атлета
В устах бессмысленной страны...*

Не будем винить русского поэта в том, что чужой пророк оказался для него гением зла, а чужая страна — бессмысленной. В "словах кавказского рассказа" резко звучат и трагические ноты. В дыму и грохоте сражений Полежаев сумел увидеть главное — жестокость кавказской драмы, в которой текли потоки горской и русской крови.

*Есть много стран под небесами,
Но нет той счастливой страны,
Где б люди жили не врагами
Без права силы и войны!*

Горьким, но справедливым укором звучат слова поэта и для нас, его дальних потомков...

Александр Бестужев:

*"Я плакал о друге и товарище по оружию,
плакал о себе"*

Блестящий гвардейский офицер Александр Александрович Бестужев начал литературную карьеру как острый критик и автор увлекательных исторических повестей. Белинский назвал его "первым нашим повествователем", "творцом, или, лучше сказать, зачинщиком русской повести".

Бестужев был в дружеских отношениях с Грибоедовым, Пушкиным, Одоевским, а вместе с Кондратием Рылеевым издавал литературный альманах "Полярная звезда". Дружба с Рылеевым сыграла решающую роль в политической судьбе Бестужева: в 1823 году он был принят в Северное общество и стал одним из самых активных его членов.

После событий 14 декабря 1825 года Бестужев был приговорен к 20-летней каторге с лишением чинов и дворянства и последующей ссылкой на поселение. Пострадали и другие братья Бестужевы. "Нас было пять братьев, — вспоминал один из них, Михаил, — и все пятеро погибли в водовороте 14 декабря". Старшие, Николай и Михаил, отбывали каторгу в Сибири, младшие — Петр, а потом и Павел — попали на Кавказ. Сам Александр Бестужев каторги избежал: после заключения в Петропавловской крепости он был переведен в один из финляндских военных фортов, а оттуда в 1827 году отправлен на поселение в Якутск.

Суровый климат Якутии угнетал Бестужева, там он не находил выхода своей творческой энергии. Все чаще и чаще он обращался мыслями к Кавказу. Этот край привлекал его своей пышной природой, там он надеялся встретить младших братьев, и еще была надежда, блеснув отвагой, заслужить офицерский чин и вернуться к литературной работе.

Хлопоты Бестужева о переводе на Кавказ увенчались успехом. Весной 1829 года он покидает Якутию и с дороги пишет братьям Николаю и Михаилу, оставшимся в Сибири: "Я солдат и лечу к стенам Эрзерума..."

Ссылный писатель не подозревал, что вместе с приказом о его зачислении в войска Кавказского корпуса на имя коман-

дующего графа И. Ф. Паскевича поступило указание: Бестужева, "сосланного в Сибирь на поселение, определить на службу в один из действующих против неприятеля полков... с тем, однако же, что в случае оказанного им отличия не был он представлен к повышению. Иметь за ним тайный бдительный надзор".

По Военно-Грузинской дороге Бестужев направился в Тифлис, в штаб Отдельного Кавказского корпуса. Кавказ поразил воображение писателя. "Я не мог наглядеться, не мог налюбоваться Кавказом, — восклицал он, — я душой понял тогда, что горы есть поэзия природы, чувства мои стали чище, думы яснее".

Надежды Бестужева на "обновленную жизнь" вскоре развеялись, как ружейный дым. Он получил назначение в действующую армию, участвовал в штурме турецкой крепости Байбурт и был одним из тех, кто через проломы в крепостной стене первым ворвался в город. Это отличие, как и было предписано царем, последствием не имело. С окончанием кампании Бестужев вернулся в Тифлис, где его ждала встреча с братьями и друзьями-декабристами. Один из них, Александр Гангеблов, впоследствии вспоминал: "Вист и шахматы среди всевозможной болтовни, анекдотов и рассказов (по части которых Александр Бестужев был большой мастер) не прерывались; шуму и хохоту было много".

Может быть — слишком много. И шум, и хохот дошли до ушей Паскевича, и веселую команду разжалованных быстро разо-

слали по полкам. Бестужев получил назначение в Грузинский линейный батальон, несший гарнизонную службу в дербентской крепости Рынкале. Всего лишь через несколько дней по прибытии в Дербент он пишет оттуда матери: "Неприятные обстоятельства гнетут меня. Дух падет под игом черных впечатлений и еще мрачнейшего будущего, ибо чего ожидать могу я здесь в гарнизоне, вдали от театра предполагаемой войны с горцами? Здесь истлею я без заслуги, бесполезно... если суждено мне остаться в этом краю, то погибель моя неизбежна".

Он стойко переносит все испытания, выпавшие на долю "государственного преступника": часы изнурительной караульной службы, придирки унтеров, издевательства начальства, солдатскую муштру, а главное — отсутствие умственной и духовной работы.

В это время в Дербенте с Бестужевым встречается сосланный на Кавказ студент Московского университета Я. Костенецкий. В своих воспоминаниях он так описывает внешность опального декабриста: "Это был мужчина довольно высокого роста и плотного телосложения, брюнет, с небольшими сверкающими карими глазами и с самым приятным и добродушным выражением лица... Я увидел его в солдатской шинели, которая, хотя и была из тонкого серого сукна и особого, довольно красивого, самим же Бестужевым изобретенного фасона, но все же она живо напоминала тяжкое его положение и делала наружность его вовсе уже не поэтичною..."

И только в одном Кавказ оправдал надежды Бестужева. В Дербенте он возвратился к активной литературной деятельности. Завязав переписку с издателями "Московского телеграфа" братьями Полевыми, он отправляет им свои первые кавказские произведения.

Рядовому Александру Бестужеву было разрешено выступать в печати, но без указания имени автора. Его очерки и заметки печатались без подписи, иногда ее заменяла пометка "Дагестан". Большинство своих кавказских повестей и рассказов Бестужев публикует под псевдонимом Марлинский. Очень скоро это имя завоевало всю читающую Россию. За восемь лет на Кавказе, среди походов и сражений, Бестужев создает свыше 30 произведений, в том числе и свои лучшие повести — "Аммалат-Бек" и "Мулла-Нур". Он пишет повести, рассказы, путевые очерки, критические статьи, стихи, выступает как переводчик.

Популярность Марлинского в русском обществе была огромной: издания его книг, по выражению В. Г. Белинского, "таяли на полках, как подмоченный сахар". Юный Лермонтов с увлечением перечитывал Бестужева и в свои первые стихи переносил образы и строки его стихотворений. "Белеет парус одинокий..." — эта знакомая каждому лермонтовская строка родилась именно у Бестужева. А когда в 1832 году в "Московском телеграфе" была напечатана повесть "Аммалат-Бек", юный Мишель создал к ней несколько рисунков.

И. С. Тургенев признавался, что когда-то в молодости "целовал имя Марлинского на обертке журнала". В какой-то мере увлечение его кавказскими повестями повлияло и на молодого Л. Н. Толстого в решении отправиться на Кавказ и поступить там на военную службу. "Когда-то в детстве или первой юности, — вспоминал Лев Николаевич, — я читал Марлинского и, разумеется, с восторгом..." Бестужев прекрасно изучил Кавказ, в свои произведения он вводит живописные картины дикой природы, сцены боевой жизни, описывает обычаи горцев. Читателей привлекала взволнованность повествования, занимательность сюжета, сильные и страстные натуры, нарисованные писателем.

К повести "Аммалат-Бек" автор сделал примечание: кавказская быль. В основу сюжета легла трагическая история горца Аммалата, которую Бестужев слышал от очевидцев. Об этих событиях упоминает в своих "Записках" и генерал А. П. Ермолов, в то время главнокомандующий на Кавказе. Суть истории такова.

Аммалат участвовал в нескольких набегах на русские владения и, попав в плен, не избежал бы суровой казни, но полковник Верховский, тронутый молодостью и красотой горца, упрощая Ермолова помиловать пленника. Он "взял Аммалата с собой в Тифлис, — пишет Бестужев, — учил его, воспитал его, любил его как брата. С ним, после многих походов, приехал Аммалат в 1822 году в Дербент, когда по смерти полковника Швецова Верховского назначили командиром Куринского пехотного полка". Вскоре Аммалат влюбился в дочь аварского хана Султанету, но за руку дочери хан потребовал у него голову русского полковника Верховского. Ослепленный страстью, Аммалат предательски застрелил своего благодетеля (именно эту сцену из повести воспроизводит один из рисунков юного Лермонтова) и доставил хану голову русского офицера. Для этого понатужился разрыть могилу, но в ночной тьме произошла ошибка: оскверненными оказались останки полковника Швецова, его труп вытащили и отруби-

ли у него голову и руку. Обещанной же награды за свое злодеяние Аммалат не получил: смерть помешала хану сдержать слово, Султанета вышла замуж за другого. Преследуемый муками совести, Аммалат скрывается в горах.

В Дербенте Бестужев провел около четырех лет. Здесь он принимал участие в боях с отрядами имама Кази-Муллы, и горские пули в клочья изорвали его шинель. Солдаты сами, по обычаю того времени, присудили ему награду — Георгиевский крест, но и в этот раз его имя было вычеркнуто из наградных списков. Впоследствии Бестужев был переведен в Ахалцих, потом исколесил Кавказ, воевал на побережье Черного моря, участвовал в закавказских походах генералов Засса и Вельяминова. Вновь был представлен к награде и к унтер-офицерскому чину, но, как и прежде, безрезультатно.

К этому времени здоровье Бестужева, подорванное еще в Петропавловской крепости, серьезно расстроилось. Он вынужден обратиться к генералу Вельяминову с ходатайством об отпуске. "Отчаянное состояние моего здоровья, — пишет Бестужев, — заставляет меня просить у вашего превосходительства последней милости... Измученный трехнедельной бессонницей и ухудшением сердца, я приведен на край могилы. Доктора единогласно советуют мне внутреннее употребление нарзана... На водах, по крайней мере, дыша горным воздухом и пользуясь советами искусных врачей, я мог бы, если не скорее ожить, то легче умереть".

Летом 1835 года Бестужев приехал на воды в Пятигорск, где познакомился и свел дружбу с доктором Н. В. Майером (будущим прототипом Вернера в лермонтовской "Княжне Мери"). Сюда же жандармским властям вскоре поступило и предписание графа Бенкендорфа: "Государь император получил, частным образом, сведения о неблагонадежном расположении Бестужева, которому хотя не дает полной веры, но не менее того высочайше повелел, дабы внезапным образом осмотреть все вещи и бумаги Бестужева".

Обыск произвел на писателя неприятное и тяжелое впечатление. Но в Пятигорске после шести лет кавказских скитаний Бестужеву впервые блеснул луч надежды: он получил известие о производстве в унтер-офицеры. Следующее повышение и офицерские эполеты могли означать царское прощение и возможность выйти в отставку, о которой он давно мечтал. Только не оказалось бы это слишком поздно... "Я хочу ехать поскорее в экспедицию,

— пишет Бестужев братьям. — Ей-Богу, лучше пуля, чем жизнь, какую я веду".

Его переводят в Геленджик, потом в Гагры, расположенные среди малярийных болот. Он обращается к Бенкендорфу с просьбой об отставке. Просьбу эту в личном письме к Николаю I поддержал генерал-губернатор Новороссии граф М. С. Воронцов, на что последовала резолюция царя: "Мнение графа Воронцова совершенно несостоятельно. Не Бестужеву с пользой заниматься словесностью; он должен служить там, где сие возможно без вреда для службы. Перевести его можно, но в другой батальон".

Мысли о близкой кончине не покидают Бестужева. Он устал бороться с судьбой. 1837 год, последний в своей жизни, он встречает в Тифлисе. Получив здесь известие о смерти Пушкина, он заказывает священнику отслужить панихиду на могиле Грибоедова по двум поэтам. Об этом он сам рассказал в письме к брату Павлу: "На рассвете я был уже на крутой дороге, которая ведет к монастырю святого Давида... Прибыв туда, я позвал священника и приказал отслужить панихиду на могиле Грибоедова, могиле поэта... Я плакал тогда, как плачу теперь, горячими слезами, плакал о друге и товарище по оружию, плакал о себе самом... Да, я чувствую, что моя смерть будет так же насильственной, необычайной и уже недалекой..."

Летом того же 1837 года Бестужев погиб при высадке русского десанта на мысе Адлер. Тело его после боя найдено не было, и могила осталась неизвестной.

В 1858 — 1859 годах путешествие по России и Кавказу совершил знаменитый французский романист Александр Дюма. В Дербенте, где когда-то солдатскую ляжку тянул Бестужев, автору "Трех мушкетеров" рассказали историю Аммалата. И Дюма настолько увлекся Марлинским, что вскоре выпустил роман "Султанета", представляющий собой перевод-переделку повести "Аммалат-Бек". "Постарайтесь воскресить во Франции то, что забыто в России!" — восклицал он, намекая на то, что имя декабриста Бестужева долгие годы на родине находилось под запретом.

Бестужев окончил свой путь в возрасте сорока лет, в пору писательской зрелости и расцвета творческих сил. Как и другие наши герои, он сгинул в огненном урагане бесконечной Кавказской войны, оставив о себе яркую память как об одном из лучших русских беллетристов прошлого века.

Н. МАРКЕЛОВ.

Пятигорск.

ника приравнивался к армейскому генерал-майору.

Кроме того, отмечено в официальной справке, высокий министерский чиновник был потомственным дворянином и владел имением в 400 десятин в Веневском уезде Тульской губернии. Естественно, человек с такой непростой родословной для новых властей предрешающих был "чуждым и социально опасным элементом".

Отказавшись от услуг чиновников старого режима в большинстве сфер государственного управления, "верные ленинцы" вынуждены были посадить на их места десятки тысяч людей, не имевших ни специальных знаний, ни элементарных навыков политической и государственной деятельности. И если в хозяйственном управлении эти горе-руководители, усвоившие лишь постулаты "классовой борьбы", с грехом пополам, методом кавалерийского наскока и административного нажима сумели наладить работу, то в области военного строительства в условиях запущенной гражданской войны без военспецов — высокообразованных офицеров и генералов — сложилось критическое положение. Поэтому многих из "бывших", с позором изгнанных со службы, вновь мобилизовали, теперь уже в ряды РККА.

В их числе оказался и генерал Лукьянов, уволенный в мае 1918 года с поста главного инспектора по пересылке арестантов и заведующего этапно-пересыльной частью Главного штаба.

Николай Иванович был военным специалистом в полном смысле этого слова. До того как стать шефом конвоиров, он пятнадцать лет прослужил на различных должностях в Главном Штабе Его Императорского Величества, обладал огромным опытом управленческой деятельности.

Возвратившись в армию, еще восемь лет своей жизни отдал бывший генерал укреплению обороноспособности нового государства. Всероссийский Главный штаб, затем Штаб РККА стали новым местом приложения его профессиональных знаний, энергии, опыта.

Должность, занимаемая Николаем Ивановичем Лукьяновым, была одной из ключевых в командном управлении штаба. Через него проходили вопросы назначения, перемещения, увольнения руководящих кадров высшего и среднего звена. В своей работе Лукьянов старался содействовать продвижению по службе действительно достойных командиров и начальников, которым были чужды карьеризм, чванство, высокомерие, стремление к личным выгодам... К сожалению, очень

скоро эти качества, присущие основной массе старого русского офицерства, утратили цену. Другие требования предъявлялись теперь к моральному облику защитника Родины. Вместо совести и чести — прочная идейная революционная закалка, классовая непримиримость, беззаветная преданность вождям...

Закончилась гражданская война, и бывший русский генерал со своими "старорежимными" взглядами на военную службу и кадровую политику перестал устраивать высоких начальников РККА. В 1926 году в послужных документах Н.И. Лукьянова появляется еще одна запись об увольнении — на сей раз окончательно. С формулировкой: "По предельному возрасту".

Отставной военспец поселился в Ленинграде. Получая минимальную пенсию от советской власти, занимал каморку площадью девять квадратных метров — чуть больше камеры-одиночки. На лучшее рассчитывать не приходилось...

После убийства С.М. Кирова в декабре 1934 года в Ленинграде прокатилась волна арестов. Сверхбдительные чекисты "железного наркома" Генриха Ягоды, выражаясь их профессиональным языком, проводили профилактические мероприятия по нейтрализации "социально опасного элемента". В категорию "опасных" попал и семидесятилетний Лукьянов.

3 марта 1935 года в крошечной комнатке "потенциального террориста" появились мрачные личности в серых шинелях и надвинутых на глаза васильковых фуражках. Перевернув нехитрый скарб хозяина квартиры, сотрудники НКВД предъявили старику ордер на арест и, не церемонясь, отвезли его в ОДПЗ — особый дом предварительного заключения.

На следующий день Лукьянова допросили и отпустили восвояси. Однако его мытарства на этом не закончились. Самое страшное было впереди. Еще через четыре дня, 9 марта, судьба Николая Ивановича решилась окончательно и бесповоротно. Обратимся к уже цитированному нами официальному документу — письменному ответу Управления внутренних дел Санкт-Петербурга: "Постановлением Особого совещания при НКВД СССР от 09.03.1935 года как социально опасный элемент (бывший дворянин, помещик, генерал-лейтенант, сын владельца крупного поместья) был лишен права проживания в 15 населенных пунктах (крупных городах страны. — Авт.). В конце августа 1935 года выслан в Куйбышев".

Поиск следов кавалера ордена Белого Орла привел нас с берегов Невы на Волгу, в старинный русский город Самару, носивший несколько десятилетий имя одного из видных партийных деятелей. Надо отдать должное добросовестности и оперативности сотрудников Информационного центра областного УВД. По нашей просьбе они просмотрели массу документов, провели огромную и кропотливую исследовательскую работу, результатом которой явилось окончательное установление истины о судьбе репрессированного генерал-лейтенанта.

Вот что удалось выяснить. "...На запрос... по учетам сведений о регистрации смерти Лукьянова Н.И. поступила копия записи акта смерти... из которой следует, что он умер в Куйбышеве 15.06.1937 года от кровоизлияния в мозг в возрасте 77 лет... Установить место захоронения Лукьянова Н.И. невозможно вследствие перепланировки территорий кладбищ, отсутствия кладбищенских книг".

Казалось бы, на этом можно поставить точку. Перепланировка кладбищ должна была перепланировать сознание, лишить людей памяти. Но никак не удается уйти от вопроса: почему вся наша история — словно нескончаемая цепь тайн и загадок? Сплошь и рядом белые пятна. Особенно "плодотворными" в этом отношении оказались годы "революционного безумия" — смертельной борьбы за власть. Большевики и меньшевики, красные и белые, сталинцы и троцкисты, "враги народа" и его "благодетели"... Десятилетия непрекращающегося противоборства, миллионы смертей, потоки крови и слез, страх и беспамятство... Поверившие глашатаям "революционной целесообразности" и пошедшие за ними русские люди очень скоро стали пожинать плоды своего заблуждения. Оказался среди легковерных и генерал-лейтенант Николай Иванович Лукьянов, подписавший весной семнадцатого года приказ по конвойной страже, в котором были такие строки: "Не допускаю мысли о возможности дальнейшего пребывания в конвойной страже лиц, приверженных старому, губительному для государства порядку..."

Допускал ли он тогда мысль о том, что этим приказом подписывает себе исторический приговор?

Подполковник Н.СЫСОЕВ.

Календарь

Октябрь в истории войск

1917

В командах конвойной стражи состоялись перевыборы членов командных комитетов.

1919

Образован военный совет войск ВОХР.

1921

Приказом по войскам ГПУ конвойная стража переименована в корпус конвойной стражи ГПУ.

1924

Приказом ОГПУ учреждены Центральный и местные советы спортивного общества "Динамо".

1925

Образовано Центральное управление конвойной стражи (ЦУКС) СССР. Начальник ЦУКСа был подотчетен СНК СССР.

1941

Для усиления внутренних войск Московского гарнизона была сформирована 2-я мотострелковая дивизия особого назначения войск НКВД.

В составе НКВД СССР создан штаб охраны Московской зоны обороны.

Государственный комитет обороны ввел в Москве и прилегающих к городу районах осадное положение, обеспечение которого было возложено на войска НКВД.

1942

ГКО поручил НКВД СССР сформировать отдельную армию войск НКВД, которая после передачи в Наркомат обороны получила наименование 70-й (общевойсковой) армии.

1945

Сформирована Ташкентская школа усовершенствования офицерского состава интендантской службы войск НКВД. Расформирована в 1956 году.

1951

Президиум Верховного Совета СССР распространил награждение медалью "За отличную службу по охране общественного порядка" на личный состав внутренних войск.

1971

Создан образцово-показательный оркестр внутренних войск.

1991

Президент РСФСР подписал Указ "О передаче внутренних войск МВД СССР, дислоцирующихся на территории РСФСР, под юрисдикцию РСФСР".

Информация предоставлена
Центральным музеем внутренних войск
МВД России.

Исповедь из 38-го

"Я ТОЖЕ СКОРО БУДУ СУМАСШЕДШИМ..."

Большинство публикаций, касающихся трагических тридцатых годов, посвящены тем, кто оставил более-менее зримый след в истории нашего государства. А что знаем мы о простых гражданах, попавших в жернова репрессий, в пресловутые "ежовые рукавицы"? Почти ничего. До обидного мало известно и о рядовых чекистах — "винтиках" репрессивной машины. К этим людям сложилось настолько предвзятое, настороженно-презрительное отношение, что как-то даже забывается факт, что около 20 тысяч из них и сами стали жертвами творимого в стране произвола, причём зачастую по нежеланию нарушать соцзаконность, поступаться собственной совестью. Их судьбы в большинстве своем трагичны, ибо многие жили в плену иллюзий, наивно считая, что великая цель оправдывает неслыханные тяготы и лишения. Они и себя часто считали теми щепками, которые (никуда не денешься!) летят при рубке леса. Кто-то с годами, вероятно, прозревал, понимая, что в стране творится что-то неладное, другие продолжали слепо верить Сталину, считая, что вакханалия арестов и расстрелов не его вина, а тех "действительных" врагов советской власти, сумевших внедриться повсеместно, в том числе и в органы НКВД, для разоблачения которых не жалко и собственной жизни.

Письмо, которое мы сегодня предлагаем вашему вниманию, сохранилось чудом. Читать его трудно. И тем не менее именно такие уникальные документы помогут нам подняться до высокого понимания истины, утвердиться во мнении, что спасение от тоталитаризма в нас самих, отвергающих доноительство, предательство, конформизм, какими бы фигурками листочками ни прикрывалась вся эта мерзость.

Нач. отд. МЗ ст. лейтенанту госбезопасности тов. Богуславскому Е.А.

Уважаемый Ефим Анисимович!

1 апреля 1938 года я написал заявление о признании себя членом контрреволюционной организации правых в УНКВД, указал, что мне известны как члены данной организации Самойлов, Счастливец, Антонов и вы. 8-10 апреля я писал собственноручные показания, в которых также указал, что вы член контрреволюционной организации правых и назвал новое лицо — Энно. 15 апреля меня вызвал Боярский и предложил написать отдельные протоколы на каждого из названных мной и еще на Ермолаева. К 18 апреля я выполнил и это предложение.

Вас удивляет, как могло случиться, что я, не зная, причастны ли вы к контрреволюционной организации, более того, будучи уверенным в вашей честности и невиновности перед партией и советской властью, возвел на вас эту гнусную клевету? Об этом и хочу написать. Из нижеизложенного вы увидите, что я принял меры к реабилитации вас от клеветы, но увидите также и то, что начинаю терять уверенность в успехе и потому решил применить эту небольшую хитрость — послать вам письмо под видом закрытой жалобы. Кто знает, может, мои показания не сегодня-завтра вам поставят в счет. Пусть это письмо будет у вас документом, подтверждающим фальшивость моих показаний. Пользуйтесь им как вам угодно и когда угодно. Клянусь, все, что здесь написано, только правда, и если бы мне дали возможность (а я жду и надеюсь) доказать эту правду, я докажу ее бесспорно.

Я арестован 5 августа 1937 года, четырнадцать месяцев назад. Основанием к моему аресту послужили, кроме тех материалов, которые вам известны (родственник и знакомый оказались врагами народа), еще и показания сотрудника УНКВД Казанского о том, что я, Сиротин, — член контрреволюционной организации правых. Когда мне представили эту ложь, я был потрясен. Никаким

членом контрреволюционной организации я не был, даже о ее существовании не подозревал, с Казанским не знаком, и вам известно, как далек я был от Решетова и какую незначительную роль в аппарате УНКВД играл.

Фальшь была настолько груба, что я морально оставался совершенно спокоен: доказать абсурдность обвинений мне ничего не стоило. Судите сами: Казанский занимал заметное положение, и вот, вербуя его, Решетов говорит: "В организации уже состоят Счастливец, Плахов, Моряков, Кореев и... Сиротин". А я в тот момент всего лишь оперуполномоченный ЭКО. Неужто для Казанского это величина, человек, за которым можно идти? Казанский меня не знал, если Решетов что и говорил обо мне, вряд ли запомнил. Да если бы я был членом контрреволюционной организации, то был бы выдвинут на такой участок, где нужно бы в интересах правых вредить. Например, военной промышленности, машиностроению, меди и пр. Меня бы Решетов выдвигал в оперативном, и в партийном отношении. Разве делала погоду одна из двадцати шести партгрупп, которой я руководил? Члену организации место в парткоме.

Еще пример: якобы я пропагандировал правую теорию о несовместимости партийной работы с оперативной. Во-первых, о такой "теории" я не слышал. Речь идет о собрании парторганизации УНКВД осенью 36-го года, где, очевидно, были и вы. Я, выступая, критиковал упадок партработы в ряде групп и неприятные мер со стороны парткома, говорил, что не случайно вышел приказ начальника УНКВД, обязывающий начотделов не срывать регламент партжизни. Меня слушали внимательно, бросали реплики. Никто, однако, не заметил в моем выступлении ничего контрреволюционного. Так что обвинять меня в антибольшевизме — абсурд. Но меня изумило и другое: почему Казанский заведомо ложно показал на меня? Сначала я объяснял это только одним: он психически ненормален, не случайно же за шесть дней до ареста его сняли с работы и вытравивали по болезни на пенсию. А потом я подумал: он нарочно скрыл истинных виновников, обманул следствие, указав на меня в расчете, что ему поверят, т.к. я в тот момент прорабатывался парторганизацией за свои "знакомства с врагами народа".

В марте-апреле 1938 года я наконец-то понял, как могли возникнуть такие показания, потому что сам написал такую же ложь, если не хуже — гнусную ложь.

Дело мое до марта 38-го вел 4-й отдел УНКВД. За девять месяцев меня три-четыре раза вызывали, предлагая "дать показания". Я неизменно отвечал, что невиновен, лжи на себя принять не могу. Написали "изобличительный" протокол. Таким образом вели дело, но никаких незаконных мер принужде-

ния не применяли, если не считать, что я полгода провел в одиночках, за девять месяцев получил всего лишь три передачи, в связи с болезнями ослаб так, что едва волочил ноги.

Когда мне другие заключенные рассказывали о том, что следователи открыто предлагают подписать вымысел, якобы потому, что это нужно партии и правительству, я не верил, я говорил: вы лжете, вы — враги, этого быть не может. Но вот 16 марта 1938 года мое дело передали в 3-й отдел в отделение Литвакова (родственника начальника УНКВД Дмитриева), следователю Гайде. В тот же день меня навестили в камере Гайда, Харин и Хальков. Отрекомендовались, что теперь они являются группой лучших следователей в УНКВД и поэтому все дела на бывших сотрудников передали им. Сообщили, что некоторые уже дали показания.

Меня изумило, что именно они — лучшая группа следователей. Вы же знаете, сколь ограничены и безыдейны эти люди. Гайда — человек морально разложившийся, пьяница, развалил работу Кировградского РО, разложил аппарат, на глазах населения водил дружбу с врагами народа — бывшим секретарем Кировградского РК ВКП(б) Пермиковым и бывшим директором Невьянского военного завода. Именно благодаря ему наши враги — пятакосские наймиты — безнаказанно орудовали в кировградской медной промышленности, отравляя и заваливая в шахтах рабочих. Гайда никогда не вел сколь-нибудь серьезных дел. Когда его сняли, он пришел в мою партгруппу, я его проработал, к сожалению, не зная тогда, что люди, с которыми он сресся в Кировграде — враги, а "работа" его — прямая помощь врагам. И этот человек стал лучшим следователем, и ему поручили мое дело! Он понял, какими глазами я на него смотрел, сам заявил: "Ты не думай, я теперь не пью, я другой стал".

Харин — человек с кулацкой психологией. Когда его назначали партгором вместо меня, я возражал (Антонов это знает). Еще в 1933 году начальник Верхотурского РО Ваганов сообщил о том, что Харин в разговоре с ним вел контрреволюционную пропаганду о голоде в деревне, о развале колхозов и пр. Материал этот имеется в делах партгруппы. Харин, разумеется, все отрицал. Тогда сочли, что одного заявления Ваганова для того, чтобы сделать выводы, недостаточно. В том же 33-м году Харин был одним из главных участников провокационного следственного дела по Надеждинскому леспрому, которое впоследствии замяли. Я ставил вопрос о партийной ответственности Харина. Харин активно выступал против меня буквально на всех собраниях.

А вот Халькова я знаю мало. В передовых он никогда не ходил. Вот, пожалуй, и все.

И этим людям попало мое дело! Вот кто

нынче в управлении НКВД лучшие! И ведь не поустоловят — у них на груди ордена. Это меня тоже изумило.

17 марта 1938 года Гайда мне заявил в разговоре: "Мы знаем, что ты не виноват. Но обстоятельства таковы, что ты должен дать показания. Можешь считать их ложью — это твое дело. По показания ты дашь, я тебя уверяю. Мне поручено от каждого из вас получить показания любой ценой, любыми средствами. Допрашивать будем в подвале, где и расстреливают".

На мой вопрос: "Зачем вам нужна ложь?" — он сказал следующее: "Когда мы с Хариным работали в бригаде Дашевского в Березниках, где сконцентрировано множество иностранцев, так за сутки у каждого следователя создалась человек по девятьсто. Прямо в очередь становились. Неужели ты думаешь, что все они и впрямь виноваты? Но это нужно для подтверждения слов товарища Сталина, что иностранная разведка засылает к нам массу шпионов. Вот, например, Польша прислала к нам пять тысяч человек. Из них четыре с половиной тысячи сознались, что шпионы. И Литвинов в Женеве заявит об этом".

Я возразил, что нашей партии ложь никогда не была нужна и не будет нужна, и то, что они таким образом делают вредное для партии дело. На что Гайда показал мне протоколы допросов Плахова и Файнберга (Файнберг прямо заявляет, что знает меня как члена контрреволюционной организации правых в УНКВД) и показания Костина о том же. Вы представляете, до какой степени все это меня изумило?!

Гайда отправил меня в камеру "хорошенько подумать". Не зная, являются ли Плахов, Файнберг и Костин в действительности членами контрреволюционной организации, я не мог оценить обстановки. А Гайда уже на четвертый день зашел узнать, надумал ли я давать показания. Я ответил отрицательно. Он заявил: "Хорошо, доложу выше".

На следующий день меня вызвали с вещами и посадили в пятую камеру КПЗ милиции на режиме смертника. На полу, на стенах, на постели — всюду кровь. На стене надписи, что под пытками давали фальшивые показания Плахов, Файнберг, Горбак, Другов. Костин тоже до меня сидел здесь.

Я связался с соседними камерами, где сидели люди из различных гражданских организаций области. Узнал, что все в камере испятнано кровью Другова, который после побоев пытался вскрыть вены. Перестукиваясь по паропроводным трубам, связался с сидящим в первой камере бывшим нашим сотрудником Курсевицем. Он сообщил, как его избивали на допросах и как вот уже сорок дней он сидит на режиме смертника, ожидая новых истязаний.

Избивают резиновыми дубинками Гайда,

Харин и Хальков в помещении, где производится расстрел, очевидно, чтобы и тебе было страшнее, и другим менее слышно. И все же я уловил стоны, доносящиеся из шестой камеры, где на режиме смертника содержался, по-видимому, Бахарев.

Пят слов, чтобы выразить мое моральное состояние в то время. За восемь дней я многое передумал и многое понял. Я по-другому взглянул на вещи. Ясно мне стало, почему "лучшие" именно люди отделения Литвакова, почему им передано мое дело. Я поверил многим из тех заключенных, которым не верил раньше. Например, Романов, бывший секретарь парткома из Кировграда, говорил, что подписался под ложью только потому, что Гайда (его старый приятель и собутыльник), оказавшийся следователем по его делу, посоветовал ему как другу подписать лжу, т.к. это "нужно ВКП(б)". Я вспомнил, что Вейзагер говорил о Дмитриеве как о любимце Ягоды, вспомнил, что до Свердловска Дмитриев работал замом у Миронова и Молчанова. Я понял, как возникли "показания" на меня Казанского. А главное, я понял, что начальник УНКВД Дмитриев — сам скрытый враг партии и народа — умышленно уничтожает честные, беззаветно преданные партии кадры, путем обманов, провокаций, ложного направления следствия и избиений создает ложные дела в расчете, что люди, подписавшие ложь, будут расстреляны, словом, о способе вымогательства никто и знать не будет. Из камеры смертников никакой жалобы никуда не пошла. А люди, способные выбивать из тебя показания, не остановятся ни перед чем, в том числе и перед подделкой протоколов.

Я понял: в глазах общественного мнения я буду врагом, а действительные враги — Дмитриев, Боярский и др. — будут продолжать свое страшное, вредное партийное дело. Для их разоблачения СТОИТ ПОЖЕРТВОВАТЬ ЖИЗНЬЮ! Преданный партии человек обязан именно так поступить.

Вот к каким выводам я пришел в течение этих восьми дней. Я решил: если меня поведут бить, я не допущу этого, подпишу все, что потребуют. За это получу послабление режима и попытаюсь сообщить ЦК ВКП(б) и лично тов. Ежову о творящихся делах.

1 апреля в 2 часа ночи за мной пришли Харин и Хальков. Привели меня в комнату исполнения приговоров высшей меры наказания. Там уже ждал Гайда. Начался разговор откровенный до цинизма. Они советовали мне "как бывшему своему товарищу" не доводить дело до битья, т.к. и мне этого не выдержат, и им не хотелось бы "пачкать руки о товарища". Рассказывали, кто как вел себя при избиениях (Файнберг, Костин, Другов, Бахарев), обзывали их фашистами и пр. Убеждали, что к таким методам прибегают не только они, а и Шишилин. Харин гово-

рил: "Неужели ты думаешь, что нам приятно это делать? Разве мы по своей воле так поступаем? Нас представляют так делать". А потом он напомнил мне слова Маркса: "Лучше ужасный конец, чем ужас без конца".

Они требовали от меня быть разумным, не поступать, как Бахарев, который в своих показаниях указал на Гайду как на члена контрреволюционной организации (что не только возможно, но и очевидно!), но Литваков и Боярский вычеркнули это из протокола.

Я пытался их убеждать, что посылать на такое дело их могут только враги, что этих врагов рано или поздно раскроют, а вместе с ними съдут и они. Я просил их политически выиграть в эту тактику. Но они только отмахивались.

Наконец им, видимо, надоело слушать меня. Было около 5 утра. Хальков приготовился бить, а Гайда и Харин встали по бокам. Я остановил Халькова, сказал, что все подписано.

Дали перо и бумагу. Гайда продиктовал, и я написал заявление. Указать фамилии Самойлова, Счастливецова, Антонова и вашу предложили они.

— Как же буду клеветать на честных людей? — спросил я.

— А на тебя разве не писали клевету? — последовало в ответ.

— Но я не смогу изобличить их на очных ставках, — возразил я.

— А у тебя с оговорившими разве были очные ставки? — возражали они. — Это, брат, теперь не в моде.

— Так они что, уже арестованы?

— Первые двое сидят, вторые двое — кандидаты. И потом: как ты будешь давать показания о партработе, не касаясь Антонова и Богуславского — бывших секретарей парткома? К тому же у Богуславского жена полячка. Уже выписан ордер на ее арест. Просто решено воздержаться ее брать до ареста самого Богуславского.

У меня больше не было вопросов. Я стал писать, а они протелефонировали об этом Боярскому.

4 апреля мне изменили режим, перевели в корпус, где я смог связаться с Плаховым. Узнал, что от него тоже требовали показаний на вас. Начали с Плаховым обсуждать, что делать дальше. Единственная надежда — заявить обо всем на военной коллегии. Но поверят ли? Если кроме заявления ничего больше сделать не удастся, опять попадем к смертникам, и уж больше облегченного режима не дадут.

От Плахова узнал, что Дмитриев был особенно зол на Морякова за разоблачительную критику на партактиве. Теперь понятно, почему он так "постарался" в деле Морякова.

Оказывается, на того получено 18 показаний и все "со слов". Подписавшим прежде давали читать развернутые показания якобы самого Морякова, чтобы людям легче лгалось. Узнал я и о том, что Венсовский на свидании с женой сказал, что Кричман создал такую обстановку, которая вынуждает его писать ложь.

Плахов высказал мнение, что Дмитриев решил уничтожить в три приема старые чекистские кадры. Сначала это будут Моряков, Костин, Плахов и др. Затем — Добан, Греккер, Бахарев, Другов, Файнберг и др. Наконец, подготавливает аресты Богуславского, Энно, Антонова, Калугина и др. Сам Плахов безоговорочно пишет все, что от него требуют, и тоже обдумывает, как сообщить о происходящем в ЦК. Выход один: притупить бдительность Гайды, заслужить его доверие, чтобы при первой возможности послать жалобу тов. Сталину и Ежову.

8 апреля меня вызвал Гайда. Дал как образец читать показания других арестованных. Затем обозначил, под каким углом зрения мне следует писать свои показания. Указал дела, которые я якобы по заданию контрреволюционной организации должен был приглушить. Сделать это ему труда не составляло: мои архивы у него в руках, успехи и промахи известны. Перечислил тех, на кого я должен показывать: Энно, Калугина, Петухова, Абаимова. Гайда даже не скрывал, что с Абаимовым у него личные счеты.

Я отвечал, что на Абаимова, Петухова, Калугина я писать не могу: это неестественно, никто не поверит, ведь у меня с ними не было никаких точек соприкосновения, я с ними не знаком.

8-10-го с помощью Плахова сочинил протокол. 15 апреля меня вызвал Боярский и заявил, что я слабо описал контрреволюционную деятельность Антонова, вашу и совсем упустил Ермолаева. Он потребовал, чтобы я написал протоколы на каждого. Когда я рассказал об этом Плахову, то выяснилось, что и он с Файнбергом получили такие же задания.

Что делать? Обстоятельства сложились так, что если мы выполним "заказ", то может быть, удастся переслать жалобу в ЦК (а вечером она уже была написана химическим карандашом на обратной стороне плаката). Обсудили и решили — выполнять. Вот так и возникли наши на вас показания.

Дальнейшие события протекали так. 1 мая нам удалось послать свою жалобу. 11-го она была сдана коменданту в комендатуре ЦК. 26 мая нас вызывал Дмитриев, расспрашивал по жалобе, почему, дескать, не жаловались ему и т.д. 27 мая меня вызвал Боярский для допроса, я отказался давать ему показания как известному мне участнику избиений.

3 июня опять вызвал Дмитриев. Я кратко

обо всем ему рассказал. Он же стал писать, что я "испугался избивания и решил рассказать о своей контрреволюционной деятельности". Такую чепуху я отказался подписывать, а на его вопрос, почему все-таки не жаловался ему, я прямо ответил, что считаю: все происходящее санкционировано им, Дмитриевым.

Посадили в одиночку. Лишили всего, даже права писать заявления. 3 августа меня вызвал особоуполномоченный лейтенант Калугин, сообщил, что дело находится у него, выслушал накоротке, пообещал изучить материалы и допросить. Повот до сего дня "изучает" мое дело, а я продолжаю сидеть пятнадцатый месяц.

Я слышал, что организаторы фальшивых дел, а также те, кто применял незаконные методы на допросах, арестованы (в частности Боярский). Но почему гуляют на свободе их лучшие агенты — Гайда и др.? Вот что меня угнетает.

Дмитриев называл мои показания "правдоподобными" (назвать их правдивыми даже у него не хватило нахальства). Он говорил: "Поверил бы вам, если бы вы написали, что сожгли завод, который фактически не горел". Но все мои показания не трудно расшифровать, и будет понятна их несостоятельность. Только бы дали возможность все рассказать! Жду не дожусь. Ведь, посылая жалобу в ЦК, я был уверен: если дойдет — буду на воле, а палачи займут мое место в тюрьме. Но... я все еще в тюрьме, а они — на воле. Вот что меня гнетет. Сознательно или несознательно, но следствие играет на руку палачам, затягивая с нашими делами...

Между прочим. В апреле-мае Гайда бывал в камере, фальшиво изумляясь, как иные инженеры пишут, что они травили рабочих и уничтожали чуть ли не целые заводы, веря, что эта ложь нужна партии, а им дадут 2-3 года для проформы, а на самом деле переведут с одного завода на другой, и они будут жить со своими семьями. Вот какой цинизм!

Вас, вероятно, теперь удивляет: как же это Дмитриев собственноручно вас сделал своим помощником. Не удивляйтесь: видимо, такова тактика. Плахова тоже прочили в помощники, а меня, чтобы начать избивать, повысили по службе.

Ну вот и все. Извините, что много написал. Хотел, чтоб вы поняли меня правильно. Не знаю, была ли контрреволюционная организация и состояли ли вы ее членом, но знаю, что кроме меня на вас по заказу давали показания Плахов и Файнберг. Были избиты: Костин, Файнберг, Другов, Бахарев, Курсевич. Бахарев и Другов в результате свихнулись. Не стали этого дожидаться Плахов и я по указанным выше мотивам. Были Другов

сидит со мной и жутко действует на меня. Я тоже скоро буду сумасшедшим.

Уважающий вас и известный вам
И. Сиротин.

10 сентября 1938 г.

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

Тот, кому предназначалось это письмо — Е.А. Богуславский, можно сказать, по счастливой случайности избежал печальной участи И. Сиротина — руководителя 6-го отделения Свердловского УНКВД, так и скончавшегося в заключении. Однако до конца своих дней Ефим Анисимович не знал душевного покоя: из ночи в ночь ждал рокового стука в дверь, обмирая при каждом внезапном скрипе ступеней, сплосхе света на ночном окне, задетом лучами фар проезжающей машины... А ведь был этот человек неробкого десятка: участник гражданской войны, с 1921 года — сотрудник Симферопольской ЧК. В областном управлении НКВД в Свердловске, куда был переведен в 1926 году, занимал пост начальника отдела мест заключения. Он был награжден медалью "20 лет РККА", знаком "Почетный чекист".

Надо заметить, что во второй половине 30-х годов органы госбезопасности "вычищались" радикально и регулярно. Следуя той самой поговорке о лесе и щепках, вчерашние "лесорубы" и сами легко обращались в "щепу", занимая те же камеры, где они еще вчера сами пытали и расстреливали своих товарищей. Такова была судьба, например, начальника Свердловского УНКВД Дмитриева...

Богуславского в 1939 году уволили из НКВД "за невозможностью дальнейшего использования", а фактически за то, что не был слепым орудием беззакония. Он целел действительно чудом, тогда как Самойлов, Счастливец, Антонов, на которых облыжно показал Сиротин, пропали в недрах ГУЛАГа.

В годы Великой Отечественной Ефим Анисимович работал директором Свердловского деревообделочного комбината, затем — в управлении легкой промышленности. В честь 50-летия Октября был награжден орденом Красной Звезды "за активное участие в гражданской войне и борьбе за установление Советской власти". Умер в 1970 году.

Письмо публикуется с разрешения дочери Богуславского — Наталии Ефимовны.

И. СЕМЕНЧИК,
участник Великой Отечественной войны.

Екатеринбург.

С точки зрения историка

ДЕПОРТАЦИЯ: ПРЕСТУПЛЕНИЕ ИЛИ НАКАЗАНИЕ?

Депортация, интернирование — эти слова приводят в бешенство некоторых правозащитников, ратующих за справедливость, защиту малых наций и народностей, прав человека. Еще больше эмоций выплескивается наружу, когда они слышат, что целые нации и народы объявляются изменниками Родины, предателями. Согласен, слова малопривлекательные. Да и политикам не хватало такта, чтобы в официальных документах избежать оскорбительных обобщений и унижающих эпитетов. Но эмоции — плохой помощник в попытке разобраться в хитросплетениях истории. Факты — вот кирпичики прочного здания исторической правды. Тем более что в этом печальном опыте мы не одиноки. И в странах "подлинной демократии" нередки случаи, когда правительства вынуждены были поступать подобным образом в отношении своих граждан. В отдельных случаях еще жестче.

Известно, что в Бельгии, из-за угрозы выступления так называемой пятой колонны, по подозрению в причастности к агентуре врага силы правопорядка арестовали несколько тысяч немцев. Среди задержанных были абсолютно случайные люди, навлекшие подозрение только тем, что несколько раз проехали на лифте или переставляли вещи с верхнего этажа на нижний и этим якобы привлекали внимание немецких летчиков. Священников арестовывали просто на том основании, что "все духовенство могло оказаться переодетыми парашютистами". Задержанных переправляли в переполненную тюрьму города Абвиль. "Среди населения царил паника, военные власти не знали что делать — в любую минуту на вершинах холмов восточнее города могли показаться немецкие танки. Двадцать два арестованных были расстреляны на месте, неподдающему от эстрады оркестра..."

Во Франции более 30-тысяч политических эмигрантов из Германии и Австрии в сентябре 1939 года на всякий случай поместили в концентрационный лагерь. В Лу Верне около шести тысяч человек находились в жутких, антисанитарных условиях. "Когда Италия напала на Францию, туда были доставлены еще несколько тысяч итальянцев, проделавших недельное путешествие в вагонах для скота..." В этом лагере можно было встретить представителей всех национальностей балканских и прибалтийских государств, Польши.

В Англии, куда так и не сумели попасть немцы, интернировали неблагонадежных эмигрантов из Германии и Австрии — примерно три с половиной тысячи женщин с детьми переселили на остров Мэн. Почти восемь тысяч интернированных перевезли в Канаду и Австралию. Одно из судов, перевозивших переселенцев, было торпедировано подлодкой и затонуло.

Все эти примеры меркнут на фоне "форпоста демократии" — США, на территорию которых не только не ступал вражеский солдат во время второй мировой войны, но даже бомбы и снаряды не падали. После удара японцев по Перл-Харбору в декабре 41-го морской министр США выступил с обвинением ста шестидесяти тысяч японцев, жителей Гавайских островов, американских граждан. В чем бы вы думали? В диверсионной деятельности. Член палаты представителей американского конгресса Рэнкин, выступая на заседании, кричал: "Будь они прокляты, предатели!"

Вскоре после этих событий обвинения стали выдвигаться против более чем ста тысяч американских граждан японского происхождения, проживавших в Калифорнии. Говорили, будто эти люди каждую ночь подают световые сигналы японским подлодкам, либо держат с ними связь при

помощи тайных раций. И более того, располагают цветочные клумбы, грядки помидоров или кормушки с сеном таким образом, что условно указывают расположение аэродромов и авиазаводов. Враждебные настроения против местных японцев усилились до такой степени, что весной 1942 года власти всех их интернировали, разместив до конца войны в лагерях внутренних районов США.

Исследуя проблему, связанную с депортацией народов в СССР в годы Великой Отечественной войны, следует увязывать ее с теми целями и задачами, которые пыталась решить фашистская Германия. В секретном плане "Барбаросса" было отнюдь не двусмысленно определено: внешнеполитическая цель — сформировать общественное мнение, что в СССР ведется борьба с большевизмом изнутри, внутривнутриполитическая (для Советского Союза) — разжечь национальную вражду между народами, подорвать веру в политические цели и идеалы, доверие к руководству страны, командованию Красной Армии. В более позднем документе, плане мероприятий РСХА (управление имперской безопасности) под условным названием "Унтермен Цепеллин" ставилась цель разложения советского тыла.

Шла война, немецкое командование ставило перед абвером (разведывательный, диверсионный и контрразведывательный орган), РСХА вполне конкретные задачи: разведка объектов Красной Армии, тыла, нарушение управления, коммуникаций, распространение слухов, проведение террористических актов. Готовиться к этой работе немецкие подрывные органы стали задолго до начала войны. К ее организации были привлечены специалисты из различных областей, хорошо знавшие Советский Союз, состояние его экономики, армии и, что очень важно — народонаселение и особенности национального вопроса. Так, к примеру, в абвер-2 (отдел диверсий и саботажа) были направлены и служили: профессор Кох, руководитель Института Восточной Европы, профессор Оберлендер, руководитель Союза германского Востока, доктор Маркерт, управляющий делами общества изучения Восточной Европы и другие авторитеты науки. Разведчиков и диверсантов готовили из представителей коренного населения СССР, особенно выехавших за рубеж из Прибалтики, Западной Украины, жаловали бывших белогвардейцев, не гнушались уголовниками.

В первые дни войны ущерб от подрывной деятельности фашистских спецслужб был весьма ощутим. По признанию маршала Г.К.Жукова, потеря управления в армейском и фронтовом звеньях, из-за чего и Генеральный штаб не имел реального представления о событиях на фронте, во многом была обусловлена деятельностью диверсантов.

Имея значительный опыт агентурной работы с местным населением в странах Западной Европы, где фашистам удалось из числа немцев, проживавших в этих странах, создать пятую колонну, они пытались применить его и на Восточном театре военных действий. И действительно, в некоторых районах Западной Украины, Прибалтике, умело используя буржуазно-националистические подразделения, им все-таки удалось поднять мятежи в первые дни войны. В них проявили себя диверсионные отряды из украинских и эстонских националистов "Нахтигаль" и "Эрна", ставшие в дальнейшем карательными отрядами и соединениями.

Допустив серьезные просчеты, недооценив возможности противника вести подрывную деятельность в тылу войск, советское правительство хоть и с опозданием, но все-таки приняло срочные и, как показала история, вполне эффективные меры. В городах и районах были созданы штабы для борьбы с диверсантами и парашютистами противника, истребительные отряды и батальоны. Непосредственно на НКВД СССР эта задача возлагается с 24 июня 1941 года. А уже к концу этого же года разработана целая система мер по противодействию подрывной деятельности противника. По признанию высокопоставленных чинов абвера и РСХА, довольно надежная. Учитывая уроки Восточной Европы — в Польше судетские немцы после соответствующей работы с ними агентов абвера поддержали наступление немецких войск, предатель норвежского народа Квислинг организовал помощь захватчикам с опорой на немцев, проживающих в этой стране, — из-за опасения получить пятую колонну первая депортация в СССР была предпринята в августе 1941 года в отношении немцев, компактно проживающих в некоторых районах страны. Переселение граждан, которых противник мог бы использовать в подрывных акциях в советском тылу, следует рассматривать как меру организационного порядка наряду с оперативной работой, режимно-ограничительными и военными мероприятиями.

Из материалов исследований Луи де Йонга ("Немецкая пятая колонна во второй мировой войне"), мемуаров одного из руководителей РСХА Вальтера Шелленберга следует вывод, что абверовскими подрывным органам не удалось установить связь с немцами Поволжья, Северного Кавказа и других регионов. На оккупированных территориях представители "немецкого национального меньшинства" не шли на контакт с завоевателями, и, следовательно, отношение к ним со стороны оккупантов довольно скоро стало таким же, как и к остальному коренному населению.

В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 28. 08. 1941 года ГКО было предложено "во избежание кровопролития выселять немецкое население из указанных районов в отдаленные области СССР, обеспечив их кредитом, землями, угодьями в районах переселения и оплатив стоимость имущества, оставленного на месте". Примечательно и то, что солдаты войск НКВД в течение двух недель на территории Саратовской области помогали немцам собрать урожай, а лишь потом эшелонами их отправляли в Казахстан.

Совсем по другому сценарию развивались события в районах Северного Кавказа. Там обстановка во многом осложнялась тем, что за годы советской власти были допущены перекосы в коллективизации, репрессии в отношении местных руководителей, духовенства, интеллигенции, которые и приводили к вооруженным мятежам в Чечено-Ингушетии в 1929, 1932 и 1940 годах. И, естественно, эти особенности не ушли из поля зрения немецких спецслужб. "С первых дней Великой Отечественной войны, — доносил в Ставку военный совет Северо-Кавказского военного округа, — резко активизировались националистические элементы на всей территории Северного Кавказа, в особенности в Урус-Мартановском, Ачхой-Мартановском и Советском районах Чечни". С тревогой отмечалось, что местное население в основной своей массе не желает участвовать в войне против немецких захватчиков.

Подверженные такому настроению, две трети мужчин, подлежащих призыву, уклонились от него. При этом чеченцы и ингуши выступали с нападками на соседнюю Осетию, мужское население которой практически поголовно было мобилизовано. Недвусмысленно заявляли, что если в войну вступит Турция, то они вырежут все

русское население. Мужчины уходили в горы, где создавали банды, численность которых доходила до 600-700 человек. Совершенно естественно, что их существование в горах было возможно только благодаря поддержке родственных кланов. Нередки были случаи, когда уже призванные в армию чеченцы и ингуши с оружием уходили в горы, вливаясь в эти отряды. Руководили бандами, как правило, бывшие партийные или государственные работники из местных органов власти, были даже бывшие сотрудники НКВД.

В феврале 1942 года в Шатое и Итум-Кале поднял мятеж бывший прокурор Чечено-Ингушетии Майрбек Шерипов, который объединился с ранее действовавшей бандой Хасана Исраилова. Был создан объединенный штаб и повстанческое правительство. В июле этого же года сепаратисты приняли воззвание к чеченской и ингушской нациям, в котором говорилось, что кавказские народы ожидают немцев как гостей и окажут им гостеприимство взамен на признание независимости Кавказа.

Вот строки из исторических формуляров некоторых частей внутренних войск, дислоцированных в этом регионе. 66-й полк войск НКВД по охране железных дорог, город Грозный, июль 1941 года: "Бандой уничтожена разведывательная группа полка". Обратите внимание на дату — июль 41-го. В это время враг дошел до Луги, Киева, окружил Смоленск. Январь 1942 года (шло наступление советских войск под Москвой): "На ликвидацию банды выделяется две роты в сводный отряд... в марте еще сто человек".

Фашисты не преминули использовать огромный моральный перевес после первых побед для психологической обработки военнопленных, которых к этому времени уже было значительное количество, и последующего использования их разведывательными органами в различных подрывных акциях. 17 июля 1941 года нашими контрразведчиками впервые были отмечены случаи массовой вербовки агентуры из числа плененных красноармейцев и командиров и заброски ее в советский тыл.

В июле 41-го адмирал Канарис, шеф абвера, подводя итоги боевых действий первых недель, ориентировал своих подчиненных на длительную войну. А ведь Гитлер и высшее немецкое военное руководство в эти дни еще и не помышляли о крахе плана "Барбаросса". После этого сообщения стала разворачиваться сеть разведывательных и диверсионных школ. В

лагерях военнопленных инструкторами полка специального назначения "Бранденбург-800" началась вербовка выходцев с Северного Кавказа и из Закавказья. Формировались целые роты из представителей коренного населения этого региона. Осенью 1941 года в лагере "Штранс" было сформировано специальное воинское подразделение — батальон "Бергман" (горец), предназначенное для подрывной работы на Кавказе. Личный состав батальона насчитывал полторы тысячи человек и был разбит на пять рот. 1-я и 4-я были укомплектованы грузинами, 2-я — карачаевцами, кабардинцами, осетинами, ингушами, чеченцами, 3-я — азербайджанцами и 5-я — армянами. К осени при батальоне были сформированы два кавалерийских эскадрона. Усилия абвера по организации подрывной деятельности сосредоточиваются на юго-западном направлении и в районе Северного Кавказа.

В июле 1942 года батальон "Бергман" прибыл в Таганрог. 1-я и 3-я роты были приданы 23-й танковой дивизии и действовали в районе Моздока, 2-я рота — 13-й танковой дивизии в районе Майкопа, 4-я рота действовала в районе горы Эльбрус. Из состава 2-й и 4-й рот были агенты для назначения бургомистрами и старостами в оккупированных районах Северного Кавказа. Перед 5-й ротой была поставлена задача по захвату Военно-Грузинской дороги. Кавалерийские эскадроны действовали в тылу советских войск в долине реки Баксан.

Подразделения специального назначения перебрасывали в тыл наших войск диверсионные группы для разрушения коммуникаций и создания паники. Одной из таких групп под видом отходящих раненых красноармейцев удалось захватить мост в районе Майкопа. Кроме того, все роты проводили операции по захвату языков, разбрасывали листовки за линией фронта, выступали по радио с призывами переходить к немцам.

Две трети от численности полка (затем дивизии) "Бранденбург-800" с лета 42-го были задействованы на Северном Кавказе.

В штатах 4-го батальона в июле 41-го была развернута, но готовилась отдельно особая команда Ланге, условно именованная "Предприятие Ланге", или "Предприятие Шамиль" (интересное название, не правда ли?). Этот лагерь среди агентов был известен под названием "Кавказский орел". Подчинялась команда непосредственно отделу абвер-2 управления "Абвер-заграница". Агенты по принципу земляче-

ства были сведены в три учебные группы по 30-35 человек. В конце июля 1942 года группа агентов-адыгейцев, карачаевцев, кабардинцев, черкесов под руководством фельдфебеля Морица была переброшена в район Майкопа. Спустя месяц группа капитана Ланге в количестве 30 человек, укомплектованная главным образом чеченцами, ингушами, осетинами, была переброшена в районы селений Чишки, Дачу-Барзой и Дуба-Юрт Атагинского района (административное деление того времени) для совершения диверсионно-террористических актов, организации повстанческого движения, захвата грозненских нефтепромыслов. В сентябре 42-го на территорию Чечено-Ингушетии забрасывается вторая группа диверсантов в количестве 12 человек под руководством унтер-офицера Реккерта. Обе эти группы были довольно быстро уничтожены органами и войсками НКВД. Такой плотности диверсионно-разведывательных сил, какую создал противник в это время на Северном Кавказе, он больше никогда не имел ни на одном участке советско-германского фронта до конца войны.

В борьбе с диверсантами-разведчиками учитывались недостатки, имевшие место в 41-м году. Во всех крупных городах и населенных пунктах прифронтовой полосы создавались гарнизоны войск НКВД, принимались под охрану важные объекты тыла и транспорта, создавались подвижные резервы для борьбы с забрасываемыми парашютистами, велась оперативная работа органами НКВД по своевременному выявлению вражеской агентуры и бандитских групп, активно проводилась работа с местным населением.

В книге доктора исторических наук В. Ф. Некрасова "Тринадцать "железных" наркомов" приводятся показания Л. П. Берии на суде, из которых явствует, что мероприятия по переселению чеченцев и ингушей планировались еще в 1942 году. Уже тогда эта задача встала довольно остро, но помешала ей осуществиться ситуация на фронте.

Вот лишь некоторые примеры того, какую опасность представляли банды в тылу наших войск. 27 июля 1942 года резервная рота в 150 человек от 66-го полка попала в засаду в районе горы Кур-Кумас и была блокирована бандой. Через четверо суток с помощью прибывшего 114-го полка войск НКВД роте удалось вырваться из мешка.

А это строки из другого документа — боевого донесения 145-го стрелкового полка войск НКВД: "На территории Бено-

евского сельского Совета Ножай-Юртовского района Чечено-Ингушетии банды терроризируют местное население, грабят колхозы, убивают партийных и советских работников. В ходе проведенных облав в населенных пунктах Ланкарцы, Беной, Ведено убито 33 бандита, задержано 15, бандпособников — 82. Изъято: винтовок — 9, карабин — 1, гранат — 10, ружей — 6, радиоприемник — 1".

Любопытны выдержки из письма ветерана Великой Отечественной войны, опубликованные в газете "Правда" 6 июля 1995 года: "Я не берусь утверждать, что депортация целого народа есть адекватное наказание за безусловную преступную деятельность части этого народа. Но то, что поведение чеченцев было наглым, предательским и подлым, — это мне известно и по личному солдатскому опыту, и по всем разговорам, которые велись на фронте... (Часть стояла в Гудермесе. — П.С.) Солдат из части отпускали не меньше, чем тройками. В нашем батальоне были зарезаны в боевом охранении три солдата, их оружие украдено... В чеченских селах прятались немецкие парашютисты-десантники. Прятались они в основном в домах местного партийного, советского, колхозного начальства. На требования выдать десантников те утверждали, божились, что никого нет, ничего не видели... Воду из колодцев пить нам не разрешали. Во время обороны в Ищерской, Наурской, Малгобеке и других местах копали "копанки". Вода была вонючей, но не отвратительной".

Ветеран, который до боевых действий на территориях, прилегающих к Чечне, отзывался о народах Кавказа только восторженно, вдруг свое мнение меняет на совершенно противоположное: "По-другому сложилась обстановка в Чечне. Мужчины ушли в горы. В селах остались женщины, старики и дети. Немецкие листовки стравливали народы Кавказа, обещая каждому из них земли соседей. В каждой листовке напоминали об обидах столетней давности, причиненных русскими. Чеченцев призывали уничтожать "русских захватчиков" и помогать "Великой Германии". (Чувствуется опытная рука знатоков народов России из абвера.) Не отступая от правды, скажу, что мы были готовы к провокациям с тыла... В боевом охранении, на снегу нейтралки, лежали: один солдат — в сторону немецких окопов, другой — в нашу сторону(!)".

Работая в архивах МПВО НКВД, я обратил внимание на такую особенность: летом 1942 года город Орджоникидзе не-

сколько раз подвергался жесточайшим бомбардировкам немецкой авиации, были большие жертвы среди местного населения, а в Грозном бомбили только аэродром Ханкала. Любопытно, не правда ли? Да и содержание листовок, сбрасываемых над Осетией и Чечено-Ингушетией, было разным: одним — угрозы, другим — обещания и посулы.

Вполне естественно, что все это послужило серьезным основанием к выселению чеченского и ингушского народов 23 февраля 1944 года. Специальная операция проводилась как одна из общих задач по депортации народов; в той или иной степени поддержавших оккупантов. Действия войск были тщательно спланированы и всесторонне обеспечены. В операции принимали участие 19 тысяч оперативных работников НКВД, НКГБ и Смерша, до ста тысяч военнослужащих внутренних войск, запасные части Красной Армии, части и подразделения тыла, местные органы власти. Всего было вывезено 650 тысяч человек.

Вот результаты работы одной только дивизии им. Дзержинского, принимавшей участие четырьмя полками. Изъято оружия: винтовок — 442, ротных минометов — 50, автоматов — 23, пистолетов и револьверов — 107, ручных пулеметов — 6, охотничьих ружей — 2042, патронов различных — 45496, гранат — 56. Многим, надеюсь, понятно, что смириться с наличием в тылу наших войск таких вот, как мы их сейчас называем, "незаконных вооруженных формирований" руководство страны тогда, естественно, не могло.

Если верить книге Анатолия Приставкина "Ночевала тучка золотая", то получается, что войска НКВД действовали при выселении чеченцев как фашистские каратели против абсолютно мирных стариков, женщин и детей, творя жестокость и бесчинства. Как свидетельствуют участники этой операции в своих воспоминаниях, жителям, подлежащим выселению, давалось на сборы 3-4 часа, они имели возможность взять личные вещи весом до 30 килограммов на человека, продукты питания, деньги и организованно сопровождались на железнодорожные станции погрузки. Не удалось в документах обнаружить и намеков на ту жестокость при погрузке в эшелоны и в пути, о которой пишет А. Приставкин. С депортированными обращались как с гражданами своей страны.

Необоснованно обвиняет в жестокости при депортации чеченцев бывшего министра внутренних дел С. Н. Круглова известный историк Рой Медведев. Речь идет об уничтожении войсками одного из чеченских аулов, якобы отказавшегося подчиниться указу о выселении. В своих последних трудах В. Ф. Некрасов, ссылаясь на архивные данные, пишет, что не нашел подтверждения этого факта. В изученных документах не удалось обнаружить поданных фактов и мне.

Справедливости ради давайте взглянем на эту проблему под другим углом. Что выгоднее для государства, ведущего самую жестокую из всех войн с самым сильным хищником в мире, напрягающего последние силы? По примеру стран «цивилизованного Запада» посадить несколько сотен тысяч человек трудоспособного возраста в лагеря и обеспечивать их всем необходимым или выселить в безопасные районы, где они будут трудиться на фронт, на победу? Ведь все депортированные работали, учились, растили детей, то есть несмотря на все тяготы и лишения военного времени жили все-таки вполне нормально, не за колючей проволокой. Кроме чеченцев и ингушей в разное время были депортированы крымские татары, калмыки, турки-месхетинцы.

Линия фронта постепенно откатывалась на запад, но в горах все воевали. Одна из крупных банд в январе 1944 года сковала выдвижение целой стрелковой дивизии, которая горной дорогой шла в район Нальчика. Постоянными были обстрелы колонн войск, передвижавшихся по горным дорогам, нападение на железнодорожные составы, угоны скота, террор. Тем не менее за лето 44-го года войсками НКВД были уничтожены наиболее крупные — каменномоостское, куркуженское бандформирования, банда, контролирующая Черкесское ущелье. Не имея поддержки в населенных пунктах, особенно в горных селениях, они быстро распались на мелкие группы, которые ликвидировались войсками или органами НКВД, истребительными отрядами.

Абвер, РСХА пытались всячески стимулировать деятельность этих бандгрупп, понимая, что для борьбы с ними в горных условиях советская сторона вынуждена будет отвлечь от фронта значительные силы и средства. Была предпринята попытка создать воздушный мост для доставки бандитам оружия, боеприпасов, продовольствия. Но в этот период немецкая авиация утратила господство в возду-

хе, так что от этой затеи пришлось отказаться. За лето и осень 44-го года для оказания помощи бандам немецкое командование забросило диверсионные группы общей численностью свыше 80 человек, подготовленных из числа представителей местных народов, в район Нальчика, Военно-Грузинской дороги. Практически все они были уничтожены либо пленены.

К концу 44-го года все крупные банды на Северном Кавказе были ликвидированы или рассеяны. Однако борьба с мелкими группами бандитов продолжалась еще и после войны.

Отечественный и зарубежный опыт использования в борьбе с бандитизмом, диверсионной деятельностью противника в условиях второй мировой войны такой вынужденной меры, как депортация населения, которое поддерживает врага, или потенциально в массовом масштабе может быть им использовано в подрывных акциях, можно считать вполне оправданным с точки зрения военной необходимости. События показали, что депортация населения из региона привела к гораздо меньшим людским и материальным потерям, нежели привлечение значительных военных сил для борьбы с неуловимыми бандгруппами в особых условиях леса и гор.

Эр акты депортации населения Чечено-Ингушетии — это история, ее не переделать. Это одна из трагических страниц Великой Отечественной. Война не ограничивается только сражениями на театре военных действий, победами и поражениями. Сталин нашел такой выход из тяжелого положения, трудной ситуации.

Остается лишь сожалеть, что правду об этих событиях вначале замалчивали, потом стали искажать, показывать обратную, малопривлекательную сторону, напроць убирая из поля зрения то, ради чего это все-таки проводилось. Да, во время войны терпят лишения не только солдаты в окопах, но и люди в тылу. Сегодня, поднимая на щит депортированных, надавливая на больную мозоль кавказского самодлюбия, определенные политические круги наживают себе политический капитал. А публикации ряда печатных изданий сродни фашистским подстрекательским листовкам, игравшим на обидах вековой давности, насаждавшим вражду между нациями и народностями.

Подполковник П. СМЕРНОВ,
кандидат исторических наук.

ВОЛКИ ПРЕСТУПНОГО МИРА

Документальное повествование

8. Внук и его время

Зареченный в честь деда и отца Володей, Слепцов-младший лет с девяти начал таскать все, на чем только останавливался взгляд. У соседей, одноклассников, вообще у ребят из школы. Когда его ловили на краденном, не краснея заявлял, что все это он нашел (да и зачем, мол, ему красть, если и так все есть?!). Увещевания старших, битье на него не действовали. Видимо, сказывалась сама атмосфера родного дома: воровские застолья, картежные баталии... Пацан жадно впитывал сладкие рассказы, не упуская случая запустить руку в карман зазевавшихся отца, деда, их гостей.

В 15 лет вместе с приятелем он заработал первый свой срок за четыре квартирных кражи и покушение на убийство. До совершеннолетия сидел в малолетке, и там, в воспитательно-трудовой колонии, его окрестили Лосем за силу и напор, за дерзость и упрямство. Ко времени его вхождения в преступный мир многое там изменилось по сравнению с ранее слышанным дома.

Оживление воровской идеологии в местах не столь отдаленных пришлось на 70-е годы. Тому были свои причины. Прежде всего, именно на эту пору пришлось смена поколений сотрудников ИТУ. На заслу-

женный отдых уходили фронтовики — люди многоопытные, как правило, переступившие порог ИТУ в 1956-1957 годах в связи с сокращением Вооруженных Сил на миллион двести тысяч. Теперь на их место пришли другие.

Введение оплаты за воинское звание, зачет партийной, советской и комсомольской работы в стаж службы в органах МВД привели к тому, что на ловлю чинов и повышенной пенсии в ИТУ потянулись функционеры всех мастей, причем, разумеется, далеко не самые лучшие. Именно они принесли с собой неумное желание строительства собственных дач, банек и саун, охотничьих домиков; именно они начали раздавать жилье родственникам и нужным людям, создавать сувенирные фонды, проводить бесчисленные помпезные мероприятия с непременно итоговыми застольями. Именно их стремление к концу службы непременно увенчать голову папахой привело к укрупнению колоний, а в конечном итоге — к потере управляемости заключенными, локализации жилых зон, бурному расцвету двойной жизни правонарушителей.

В эти же годы происходило, говоря казенным языком докладных записок и распоряжений, постоянное "вымывание" мало-мальски "положительного контингента" из ИТУ на стройки народного хозяй-

ства, в колонии-поселения трех типов. Широко практиковалось и условно-досрочное освобождение. В то же время ИТУ все больше пополнялись осужденными за имущественные преступления, соединенные с насилием над личностью, за преступления против личности (убийства, нанесение тяжких телесных повреждений), за преступления, связанные с наркотиками. Концентрация и локализация рецидивистов ни к чему хорошему привести не могли. Они способствовали распаду общественных формирований осужденных, которые долгое время противостояли распространению воровских традиций.

Если к началу 80-х годов актив осужденных состоял в основном из "мужиков", то теперь даже в секции общественного порядка (а позднее — профилактики правонарушений) стали проникать приспособленцы: уклоняющиеся от работы на производстве, бывшие злостные нарушители режима, преследуемые неплатежеспособные должники, стремящиеся к досрочному освобождению и т.д. С введением локальных участков в ИТУ они же стали привлекаться администрацией к надзору (несению дежурства по периметру жилых и производственных зон; контролю за входом и выходом осужденных на территорию локальных участков; к обысковой работе). С их помощью администрация лишала осужденных различных льгот (за невыполнение норм выработки на производстве, за опоздание в строй, за несоблюдение формы одежды и т.п.).

А преступный мир тем временем переходил в новое качественное состояние. Уже не существовало специально установленного стажа для вступления в воровскую касту, допускался прием в нее тех, кто ни дня не "повалялся на нарах", не ощутил "запаха зоны". Для этих уже не требовалось и поручительств авторитетов, деньги — вот наивысший авторитет. Уже никого не удивляло и то, что воры официально расписываются в загсах, что они все реже "ботают по фене" (иные, напротив, даже еще и щеголяют знанием иностранных языков). Таких на воле можно нередко видеть в шикарных костюмах с "дипломатами" в руках, а то и за баранками престижных иномарок. Современному ворю уже нет нужды прикидываться законопослушным. С отменой уголовной ответственности, предусмотримой ранее 209 статьей УК РСФСР, отпала необходимость в сокрытии своего паразитического образа жизни.

За каждый край, каждую область воровское сообщество назначило ответствен-

ных. "Воровские губернаторы", в свою очередь, определили "смотрящих" за конкретным местом лишения свободы или за несколькими сразу, если те расположены в одном населенном пункте. "Смотрящие" из своего ближайшего окружения подбирают "объектовых зрителей": за отрядами, ШИЗО и ПКТ (помещения камерного типа), локально-профилактическими участками, оперативной частью и службой безопасности, производственными цехами, комнатами свиданий и передач, магазинами, столовыми и т.д.

Система "смотрящих", зародившаяся в Красноярском крае, оказалась способной парализовать деятельность низовой администрации. Достаточно сказать, что ни одна бригада, несмотря на указания мастера, бригадира, не приступала к работе до тех пор, пока команду не продублирует "смотрящий".

Лось стал одним из них. Несмотря на все потуги администрации, на взыскания, сыпавшиеся на него как из рога изобилия, он не становился на путь исправления. Знал, что его авторитет среди осужденных начал подниматься, и это приятно щекотало самолюбие. После нескольких отсидок в ШИЗО его на шесть месяцев препроводили в ПКТ. От безделья он пристрастился к чтению и, надо сказать, открыл для себя немало интересного. И не мудрено, ведь именно в это время с подачи вчерашних диссидентов общества с навязчивой настойчивостью стали внушать, что исправительно-трудовая система — оплот тоталитаризма, и поэтому с ней надо кончать. Стоит ли говорить, что в результате вышел очередной конфуз: преступность, почувствовав вкус свободы, замешанной на демагогии и популизме, стала неуправляемой.

Трудно ждать толка, коль всех подряд объявляют пострадавшими от прежней власти и выпускают на волю. Глупо предполагать, что освободившиеся будут стоять в стороне, не внося свою лепту в общий развал. И что же? Под лозунгом демократизации жизни начинают закрывать ИТК, ликвидировать спецкомендатуры и ЛТП, сыпать обвинения в адрес руководства страны в нежелании создавать достойные условия отбывания наказания, отпускать средства на обустройство мест не столь удаленных.

Прежде государство хорошо ли, плохо ли, но проявляло заботу о приобщении преступников к общественно полезному труду, к честному образу жизни. Как-никак, а половина заработанных на произ-

водстве денег шла не только на удовлетворение насущных нужд, выплату долгов государству и потерпевшим, но и откладывалась в расчете на последующую после освобождения жизнь. Теперь все не так. "Кто не работает, тот ест!" — вот лозунг наступившего времени. Тюрьма, как и все общество, разделилась на богатых и нищих. К последним относятся те, кто за время отсидок потерял связь с родней, кто воспитывался в детдомах и интернатах. Не имея возможности честно заработать на прожитие, они вынуждены и в зоне воровать, пытаться счастье в карточной игре, отбирать деньги у других или побираться. Иных из них (нужных) подкармливают воровские авторитеты, но большинство освобождается из заключения без гроша за душой, без перспективы разрешить вопросы трудо- и бытоустройства. По сути — без будущего. Выброшенные на улицу, они нужны разве лишь преступным группировкам.

И ведь что получается: пока исправительно-трудовая система сравнительно безбедно жила за счет труда осужденных, принося к тому же немалую прибыль в государственную казну, она была весьма кстати. Теперь же, погруженная в хроническое безделье, она стала негодна: власти снизу доверху отмахиваются от ее проблем, как от назойливых мух. Кому нужна система, способная лишь пожирать деньги налогоплательщиков? Никому. И она вынуждена теперь просить материальную помощь на каждом углу, не стесняясь принимать ее и от... авторитетов преступного мира, сделавшихся бизнесменами. И когда осужденным в виде благотворительной помощи перепадает по 50-граммовой пачке чая, по 2-3 пачки сигарет, они-то хорошо осведомлены о том, кто выступает в роли благодетелей.

Впрочем, сидеть в тюрьме стало признаком дурного тона, невеликого ума. Не случайно же в криминальной среде появилось суждение: "Сейчас, когда деньги лежат на дороге и их можно грести лопатой, только дурак или идиот будет мотать срок в тюрьме". Заметно изменился и сам характер преступной деятельности воровских авторитетов. Себя они называют не иначе как людьми управленческими. Эта публика избегает самолично совершать преступления, а делает это с помощью руководимых ею преступных групп. Оставляя за собой решение организационных вопросов, нынешние авторитеты порой даже не задумываются, что за некоторые из этих "вопросов" (к примеру, за связь с правоохранительными органами) 30-40

лет назад воровская сходка без особых прений любого бы приговорила к смерти.

Входя в воровской мир, Лось вполне осознавал, что вся воровская идея сводится к тому, чтобы жить за счет других. И для этого хороши любые средства. Воровское сообщество в те годы находилось в активной оппозиции к обществу "развитого социализма", имело яркую антисоциальную установку, свою философию жизни. Но с тех пор хоть и утекло воды не так и много, а вот в криминальном сообществе перемены хоть отбавляй, и причем явно не к лучшему.

Воры старой формации без особой нужды никогда не шли на мокруху, новое поколение об этом даже не задумывается. Оружие пускается в ход по поводу и без повода, середь бела дня, при большом скоплении народа и, стало быть, потенциальных свидетелей.

А все началось с беспрецедентного однажды принятого решения разрешить ворам пользоваться оружием, правда, только "изготовленным на зоне". С этого и пошло, а окончилось тем, что ныне воровская элита не только вооружена целым арсеналом (в том числе и автоматического) оружия, но и моторизована по последнему слову техники.

Воровское сообщество никогда не было однородным. Но теперь большинство авторитетов с головой окунулись в коммерцию, занимая в одной или сразу нескольких фирмах позиции второго ряда, однако отнюдь не второстепенные. Не случайно же то об одном, то о другом воре в законе стали проявлять заботу влиятельные, видные люди государства. Не секрет, что о досрочном освобождении из тулунской тюрьмы, что под Иркутском, Вячеслава Иванькова (известного больше по кличке Япончик) хлопотал Святослав Федоров. Дважды выносил протест по его делу заместитель председателя Верховного суда России А. Меркушев. В знаменитый "Белый лебедь" приезжал хлопотать за земляка Герой Советского Союза Мелитон Кантария, некогда водрузивший Знамя Победы над поверженным рейхстагом. И таких примеров множество.

Ни в царское, ни в советское время воровских авторитетов не хоронили с такой помпой, как сейчас. Недаром же в тюрьме шутят: мол, как только вора заруют на Новодевичьем кладбище, где лежит "крестный отец российской мафии" Ники-

та Хрущев, знайте: власть окончательно перешла к ворам, и ждите амнистии.

Еще с молодых ногтей Лось уяснил, что истинный вор приближает к себе только тех, кто жил кражами да грабежами и за это сидит, никого не предает, конфликтует с администрацией "из-за общего блага" (т.е. борется за смягчение режима содержания) и не допускает необдуманных поступков. Именно из таких волчат назначаются козырные фраера или "смотрящие". Воры всячески содействуют укреплению их авторитета среди осужденных, снабжают своего рода мандатами на исполнение порученных обязанностей.

При этапировании из одной колонии в другую Лось тоже получил "маляву" (рекомендательное письмо), причем писанную на материи. А значилось в ней вот что: "Пришедший этапом Лось пойдет к вам на положении фраера и будет отвечать в целом за постановку. Его слово законно при любом спросе при отсутствии вора". Ниже стояли подписи восьмерых авторитетов, причем указывалось, что "малява" согласована еще с тремя, но их подписей нет "из-за отсутствия дорог".

Постановку, за которую следовало отвечать, Лось, знал чуть ли не наизусть: "Братва, мужики, фраера! Вы все знаете, что у нас по Хабаровскому краю, по всему управлению воровские постановки. Это единое и нерушимое правило нашей жизни. Как постановки создаются и для чего они действуют? Они исходят от местных воров и касаются всех арестантов (воров, фраеров, мужиков), отбывающих срок в колониях края.

Воры в законе — люди, которых выбирают сами воры со всех областей и краев, республик России. Это люди управленческие, и в нашей жизни последнее слово за ворами.

Фраер — человек, отстаивающий идеалы воров, живущий воровскими законами, делающий все, что в его силах, на благо братвы. Он следит за порядком, чтобы не было беспредела, ведет за собой других, учит, воспитывает в рамках арестантской жизни, то есть воровских идей.

Мужик — человек честный, трудолюбивый. И так как основную массу составляют мужики, то это еще и фундамент нашей жизни. Долг фраера обеспечить его покой, благополучие, ибо без мужиков ничего не будет, и это надо помнить всем.

В нашей жизни есть и обиженные. Но это не значит, что на них можно ездить. Раз мы за справедливость, то каждому должно

быть отведено свое место и даны свои права.

Интриган — самый опасный элемент в нашей жизни. Долг каждого — пресекать интриги, ибо от них не только вред, но и беда.

Мы непримиримы к нашим врагам и к тем, кто их покрывает. Ясно, что ментам это не нравится, а значит, за наше святое дело приходится страдать нашим братьям. Поэтому мы не должны их забывать и обязаны им помогать во всем: физически, морально, материально.

Вот почему мы сплотились в единый круг и зовемся братвой. Вместе любую беду легче перенести. Силой к себе никого не тянем и не переубеждаем. Главное — все вопросы, касающиеся братвы имеют право решать люди, находящиеся на местах. Последнее слово за ворами. Если его нет — за фраером, который является ответственным и несет этот груз.

Такова единая постановка для всего Хабаровского края. Кто отступится от нее, окажется у нас на дороге — тот наш враг. Исключение составляют только те, кто не с нами, но и не лезет, не мешает нам".

Лось хорошо усвоил, что решение вора осужденному не подлежит. Его выполняют беспрекословно. Хотя, разумеется, и между ворами бывают конфликты, порой доходящие до драки. Но вмешиваться в разборку никто, кроме вора, не имеет права. Вору же не возбраняется унижить достоинство фраера, оскорбить его, правда, в присутствии исключительно воров (за это никто из них не имеет права оскорбившему предъявить претензии). Вор вправе изменить или отменить любое решение осужденных, принятое без его согласия, организовать массовое неповиновение, однако прежде чем идти на такой шаг, он должен посоветоваться с другими авторитетами; если же такой возможности нет, за все последствия он несет персональную ответственность. Вор не имеет права распоряжаться человеческой жизнью, но, если такое происходит в силу стечения обстоятельств, он будет находиться "под выяснением", пока не докажет, что иного выхода не было. В противном случае ему могут "дать по ушам" (лишить титула). В присутствии осужденных воры и фраера не вступают в конфликт с администрацией. Другое дело — в кругу собратьев. Тут они могут вести себя как заблагорассудится, но не допуская хули-

ганских выходок даже в нетрезвом состоянии.

Наказание провинившемуся определяется на сходке. Тут могут и зарезать (по обычаю, если кара касается вора, то эта миссия выпадает на долю самого близкого к приговоренному). Покарать фраера может любой вор. Причем за одну и ту же провинность могут и лишить жизни, и "дать по ушам", и поставить на вид и даже оправдать. Все зависит от обстоятельств, от того, насколько хорошо знают оступившегося, как характеризируется "его личность по воровской жизни".

С прибытием в колонию вора или его доверенного лица многое здесь меняется и довольно-таки круто. "Отрицаловка" начинает проявлять завидную активность в сборе денег, приобретении спиртного и наркотиков. Вокруг вора моментально спланируется группа, которая всячески его оберегает и улаживает. С помощью этих добровольных помощников в его руках сходятся все нити управления внутренней жизнью осужденных, устанавливается контроль за каждым изготовителем ширпотреба (на продажу или обмен), за игроками, за нелегальной связью с волей, за осваивающимися из ИТК. Осужденным начинают внушать, что, если каждый будет делать так, как того требуют воровские законы, жизнь непременно изменится к лучшему.

Выступая в роли верховного судьи, вор единолично рассматривает все спорные вопросы между осужденными и выносит свой приговор. Как это происходит, Лось почувствовал на собственной шкуре.

Режим в ШИЗО не сравним с тем, что в ПКТ. Молодой организм требовал калорий, но тюремная пища скудна. Дело дошло до того, что, оголодав, Лось ни о чем и думать не мог, кроме жратвы. Это навязчивое чувство терзало его днем и ночью. Все кончилось тем, что однажды он не устоял и тайно съел общаковую пайку. А это — тяжелейший проступок.

Сокамерники обратились к авторитету: как поступить? Одни требовали опустить (изнасиловать) его, другие — удавить. Базарили, пока не поступила воровская шкурка (записка):

"Суть не в куске хлеба, — писал в ней авторитет, — а в самом проступке. Наркомовская пайка неприкосновенна, тем более общаковая. Это должен знать каждый начинающий нашу жизнь, а Лось — не новичок. Он заслуживает самой суровой кары, но не будем кровожадны. Учитывая, что и пользы он раньше приносил немало,

а также то, что его дед и отец провели свою жизнь чисто плотно, поставьте его перед братвой в камере. Пусть скажет: осознает ли тяжесть своей вины? Получите же с него по-воровски воровской пощечиной. Кончится фунт, пусть едет туда, куда будет отписано, и помнит: от поступков, от правильной жизни будет зависеть в дальнейшем его судьба. Если он даст маху еще раз, спрос будет по всей строгости, без всяких скидок на прошлую жизнь и заслуги предков".

Из-за происшедшего конфуза авторитет Лось оказался сильно подмоченным и восстановиться его можно было только рвением в защите воровской идеологии и борьбе с самозванцами. А с такими Лось довелось столкнуться буквально в тот же день, как только с тюремного режима был он переведен в одну из хабаровских зон.

Прибывший вместе с ним осужденный заявил, что он вор по кличке Каин. Поскольку о его предстоящем приходе никаких сведений не получали, самый авторитетный на зоне, Дед, отписал Джему и Нузгару: прошу подтвердить, тот ли это, за кого себя выдает. Ответ не заставил себя долго ждать: "Когда-то Каин был вором, но отошел. Это — сухарь". Выходит, что он должен быть "размочен" кровью. Эту задачу Дед и поручил Лосю. Однако Каин в тот раз перехитрил судьбу: ему удалось срочно уйти на этап...

Но ведь от судьбы не убежишь. А в том, что у воровских авторитетов длинные руки, свидетельствует хотя бы вот эта полуполюгендарная история, приключившаяся в следственном изоляторе Владивостока.

Тогда в одну из камер блока, где содержались приговоренные к высшей мере наказания и куда нет доступа хозяйственной службе из осужденных, администрация поместила бывшего хранителя общака, умудрившегося его промотать. Вскоре "смотрящему" за СИЗО пришла "ксива": во что бы то ни стало "поднять" виновного в общую камеру и там "погасить" его. И ведь что примечательно: практически одновременно с воровской постановкой в СИЗО появляется прокурор по надзору за местами лишения свободы. И хотя он обладал информацией, почему такой-то незаконно содержится в камере блока ИВС, тем не менее он потребовал от администрации действовать "согласно установленному порядку и правилу".

Бывший хранитель общака прекрасно понимал, что за этим последует перевод в общий корпус и, стало быть, неминуемая

расправа. Он уже однажды совершал дерзкий побег из колонии и теперь, видя, что терять-то нечего, решил на подобный шаг в СИЗО. Накануне в консервных банках ему были переданы в камеру... три гранаты и два заряда пластиковой взрывчатки (это стало возможно потому, что под прессингом правозащитников осужденным разрешили получать консервы в посылках, а вот оснастить работников колоний и СИЗО аппаратурой, позволяющей проверять содержимое "жестянок", никто не позаботился). Задумка преступнику не удалась, но бросить гранату в сотрудников изолятора он успел, как успел при помощи взрывчатки разнести и две металлические двери...

Следственные изоляторы — своего рода ворота в преступный мир. Здесь кипит тщательно укрываемая от посторонних глаз напряженная работа: идет очистка воровского общества от "недостойных", налаживается и поддерживается "дорога" на волю и обратно. Но кто же руководит ею? Понять это не так-то просто. А между тем там есть свой ответственный, которому подчинены отвечающие за каждый корпус. Ими определены общаковые "хаты" (камеры, которым поручается "треть", или, иначе говоря, оказывать материальную помощь карцерам, больничным камерам, обеспечивать всем необходимым "достойных", этапиремых в "крытку", т.е. тюрьму), налажена межкамерная связь (сверлением "кабур" и т.п.), назначены ответственные "за положение" в каждой камере, главной обязанностью которых является разъяснительная работа среди попавших сюда впервые и особенно молодежи.

В камерах четко выясняется, кто есть кто. Отсюда уходят на этап с определенным каждому статусом, прочно зная иерархическую лестницу ИТК: где вор, а где фраер на положении (т.е. отвечающий за зону в соответствии с полученным на то "мандатом"), где телохранители, казначей, советник, воровской ученик, а надо сказать, что на свободе у каждого вора имеется воспитанник, сопровождающий его во всех поездках по стране. Это позволяет засветить волчонка на встречах с другими авторитетами, и когда тот попадает в ИТУ, то после коронования числится уже молодым вором.

Основная масса этапиремых — "мужики". Как правило, они не нарушают неписанных норм уголовной среды. И хотя большинство из них осуждают поведение

воров и их окружения, но побаиваются тех и открыто им не противостоят, волей-неволей оказывая материальную поддержку и иную помощь. Впрочем, есть среди "мужиков" и "хорошие парни" (отрицательно настроенные по отношению к администрации осужденные), есть "козырные", или "воровские мужики" (имеющие непосредственные контакты с воровскими авторитетами и выступающие в качестве связующего звена между ними и всей массой осужденных), есть "серые мужики" (люди с отклонениями в психике, частично деградировавшие, неспособные следить за собой).

Уходят на этап и "отверженные" (провинившиеся воры, самозванцы, фраера, карточные должники, уличенные в краже личного имущества арестантов, давшие показания в качестве свидетелей, участвовавшие в работе секций профилактики правонарушений, стукачи и т.д. и т.п.), уходят "опущенные", или "обиженные", или "девки" (пассивные гомосексуалисты).

Уходят все, и неписанный кодекс арестантской чести тяжелым бременем довлечет, регламентируя ежедневно, ежечасно всю внутреннюю жизнь, контролируя взаимоотношения.

Форменная одежда в ИТУ для всех одинакова, но существует тюремная мода, выделяющая авторитетов из общей массы. Им перешивали одежду, перекрашивали в черный цвет. У них измененная форма головного убора, обуви. В нагрудном кармане непременно носовой платок... Это времечко Лось захватил и все видел собственными глазами. С тех пор с либерализацией режима многое изменилось. Нынче авторитеты легко распознаются по фирменным тренировочным костюмам, в которых щеголяют, по импортным дорогим сигаретам, по богатству заморских продуктов на их столе...

Каждый более-менее видный вор, учитывая постоянно меняющуюся обстановку в ИТУ, стремится проявить себя, сочиняя указания или настаивая на пересмотре иных норм поведения. Так, желание расширить влияние воровской идеологии привело к тому, что была пересмотрена даже норма присутствия на сходке. Прежде посторонним вход туда был строго-настрого воспрещен. Ныне допускаются все, кому "не безразлична воровская честь". Бывало, любого жестоко преследовали за контакты с представителями правоохранительных органов, теперь, если грозит суровая мера наказания, это не возбраняется. И совсем уж не осуждается, даже

считается полезным общение с журналистами, учеными, военными, предпринимателями.

До последнего времени каждому осужденному было положено отчислять в общак по 20 процентов от зарплаты, приобретенного в колонийском магазине, полученной передачи, посылки, нелегального перевода и по 30 процентов от выигрыша в карты. Собранные средства использовались для поддержки нуждающихся, но большая их часть тратилась на обеспечение безбедной жизни воровского авторитета и его окружения. Теперь практически в каждом подразделении существуют две общаковые кассы: воровская, которой распоряжаются авторитеты, и общая, для всех остальных осужденных. И на смену ранее сложившейся системе поборов приходит новая, куда более изощренная.

В связи с поразившей ИТУ безработицей появилась норма, запрещающая использовать насильственные меры для пополнения общака. Задача — подвести каждого осужденного к пониманию необходимости сознательного и добровольного участия в формировании общаковой кассы. По всей стране началось создание оргкомитетов с единой целью — "собирать с воли средства на общак". Каждый отбывавший срок, если относит себя к истинным арестантам, обязан отчислять определенный процент от заработка для поддержки тех, кто сидит за колючей проволокой. Надо отметить, что это консолидирует преступный мир. В обществе фактически сложилась тесно взаимосвязанная криминальная прослойка, являющаяся основой существования организованных преступных группировок, все больше приобретающих черты мафиозных формирований. Отнюдь не случайно и то, что вопросами трудового и бытового устройства освобождаемых (при условии, что они блюли кодекс арестантской чести) все больше занимаются авторитеты преступного мира, разгуливающие на свободе. Криминальному сообществу нужны свои бойцы.

Не только Лось, но и другие сидельцы успели подметить, что члены организованных преступных формирований, попавшие за решетку, привнесли кое-что новое в жизнь ИТУ.

Прежде всего усилилась разведывательная деятельность в среде осужденных. Если раньше воровской мир больше заботило выявление стукачей, а также оружейных мастеров и ювелиров, то теперь выискиваются "денежные мешки",

подходы к ним для контроля за доходами и регулирования отчислений в общак. Активно работают и распространители ложных слухов, дезинформирующих главарей соперничающих группировок, натравливающих одну на другую для ослабления, уничтожения, для налаживания собственного контроля за выгодным делом.

Совсем не случайно воровские и иные уголовные авторитеты занялись созданием ассоциаций по защите прав осужденных. Они не упускают ни малейшей возможности для ослабления режима содержания, улучшения материально-бытового положения арестантов.

Вовсе не стихийными были и недавние потрясения ИТУ противоправные действия осужденных (голодовки, бунты, захваты заложников, отказы выходить на работу и т.д.). Они тщательно готовились и осуществлялись по команде авторитетов. Все началось с писем — бурного потока писем заключенных буквально во все инстанции, в газеты и журналы, родным и близким с жалобами на нарушения исправительно-трудового законодательства, прав человека, на несвоевременное оказание медицинской помощи, плохое лечение и т.п. А дальше... Вот строки воровской постановки конца горбачевского правления: "Нужно срочно форсировать события. Работу не начинать ни под каким предлогом, что бы за это ни обещали толпе. Нужно пользоваться ситуацией в стране. Им сейчас не до нас, другие проблемы. Но на таких, как мы, делают ставку люди, что в оппозиции к правительству. Они тоже в высшем аппарате. Ну а пока пусть думают, что это бунт дебилов. Вот в таком плане и нужно жевать толпе мысль, что во всем виноваты "красные", засевшие в администрации. Это они довели "мужика" до выступлений".

Впрочем, не все воры разделяли эту точку зрения. Многие хранят верность традиционной аполитичности. Да, собственно, единого воровского мира сегодня и нет. Есть авторитеты, жестко придерживающиеся старого кодекса воровской чести (в уголовной среде они получили прозвание "непманских", т.е. наследующих традиции, существовавшие с 20-х годов), и есть иные — модифицировавшие прежний кодекс в связи с изменениями социально-экономических условий развития общества. Эти получили прозвание "лавровых", или "пиковой масти", поскольку среди них подавляющее большинство — выходцы из бывших южных республик Союза. Воров старой формации остается все меньше. Это, как правило, пожилые

люди, многократно судимые за преступные посягательства имущественного характера. Они противники единения с ворами новой волны, которых до последнего времени презрительно именовали не иначе как "сторожами расхитителей". Да и действительно, "лавровые" в большинстве своем молоды, судимостей у них раз, два и обчелся, а то и вообще нет. Они тесно взаимодействуют с преступниками от экономики, за счет которых и обогащаются. По сути, это порождение теневой экономики 70-80-х годов, особенно ярко давшей о себе знать на Кавказе и в Средней Азии. В силу связей новоявленной воровской элиты (в том числе и родственных) с сотрудниками местных правоохранительных органов, партийных и государственных структур администрация тамошних ИТУ было просто не под силу содержать этих осужденных в жестких рамках требований закона. Республиканские ИТУ оказались заложниками местных воровских авторитетов. И тогда было принято решение этапировать тех на территорию РСФСР. Так оздоровление криминальной обстановки нашего нынешнего ближнего зарубежья произошло за счет многострадальной матушки-России. Достаточно сказать, что из 190 известных ныне российскому МВД воров в законе 50 грузинских и 14 армянских проживают в Москве, а за 11 месяцев прошлого года только в нашей столице куголовной ответственности привлечено без малого две тысячи кавказцев.

И хотя воры старой формации считают, что "пиковая масть" часто попросту покупает воровское звание, тем не менее они и сами позволяют себя покупать, соглашаясь (разумеется, за солидное вознаграждение) выступить в роли свадебного генерала на очередном короновании, а то и набиваясь к "лавровым" на пенсион, поскольку воровским сообществом разрешен ныне "честный отход" от дела (в связи с преклонным возрастом и пошатнувшимся здоровьем). И еще. Попадая за колючую проволоку, "лавровые" по незнанию нередко совершали оплошности, роняющие воровской авторитет. Теперь практически у каждого есть рядом советник — опытный российский авторитет.

По нынешним временам авторитеты выходят из зоны с большой помпой. У вахты их поджидают кавалькады лимузинов, цветы, объятия, поцелуи. А за колючую проволоку всеми правдами и неправдами забрасывается спиртное, наркотики, про-

дукты, чтобы "достойные" могли отметить это событие...

Сегодня стало модным во всех сферах государственной и общественной жизни отыскивать секреты собственного благополучия... за рубежом. Российские чиновники колесят по странам и континентам, вот только зримых результатов от этих вояжей нет как нет. А казалось бы, при том дичайшем разгуле преступности, какого у нас не было даже в труднейшие послевоенные годы, только действуй. Почему бы лидеров преступных группировок, состоящих на учете в МВД и ФСБ России, для начала не посадить под домашний арест в порядке превентивных мер? Есть смысл пойти и дальше — учитывая итальянский опыт борьбы с мафией, разрешить судьям рассматривать дела без личной явки свидетелей, а на основании их письменных показаний. Или неужто так трудно решительно запретить пропаганду воровской романтики в кино, на радио и телевидении, с подмостков эстрады? Ну и наконец, что мешает надежно изолировать элиту преступного мира и их свиту от общей массы осужденных? Разве так сложно выделить одну-две тюрьмы, куда направлять воров сразу после вступления в силу приговоров, и там держать их до "идейного разоружения" и только после этого направлять отбывать наказание в обычные колонии? Вопросов, как всегда, больше, чем ответов.

Конечно, развенчать воровского авторитета не так-то просто. Нужна филигранная работа сотрудников оперативных служб, причем не пацанов, а людей многоопытных. Но где они, эти умудренные жизнью оперы? Нет их, кругом — молодежь, которая к тому же тяготеет своей работой, все больше поглядывает в сторону коммерческих структур, где оплата труда не соизмерима с их нынешней.

Отсутствие опытных работников нынешние руководители ИТК компенсируют стремлением при первой возможности этапировать вора куда-нибудь, только с глаз долой. Вот и катаются волки и волчата туда-сюда, благо Россия велика.

...Стучат колеса, мелькают зарешеченные оконца столыпинских вагонов. Приглядитесь. В одном из них едет к месту новой отсидки Лось.

С. КУЗЬМИН,
доктор юридических наук

Юрий ДОЙНИКОВ — полковник милиции, участник проведенного недавно совместно с Союзом писателей России Первого совещания литераторов Министерства внутренних дел. Он профессиональный журналист, выпускник Московского Государственного университета. С 1979 года работал в журнале "Советская милиция", в настоящее время — редактор газеты "Щит и меч".

Юрий ДОЙНИКОВ

"Спой нам, парень, про лучшую долю..."

ЧРЕЗВЫЧАЙНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ

Чрезвычайное положение...
Только ты автомат не тронь!
В наши души на поражение
Двухсторонний открыт огонь.

Кто позвал нас? Какой мессия
Напророчил такое нам,
Что, как мать, голосит Россия
По убитым своим сынам?!

Дрогнет пламя свечей зажженных.
На мгновенье померкнет свет...
Нет на кладбище побежденных.
Победителей — тоже нет.

Мы России кровинки малые.
Ты не тронь автомата, друг!
От рябин иль от крови алая
Ах какая осень вокруг!

Равносильно самосожжению,
Если сын пошел на отца...
Чрезвычайное положение
Через наши легло сердца.

ПИСЬМО С КАВКАЗА

Жене и дочери посвящаю

1.

Сегодня ниже облака,
А гром как выстрел пистолета...
Блестят Теңгинского полка
Холодным светом эполеты.

Тоска — российский наш недуг,
Но не излечат этой раны
Ни надоевший Петербург,
Ни сердцу милые Тарханы.

Поручик, ваша ли вина,
Что мы в себя теряем веру,
Что наша жизнь — стакан вина,
А через час идти к барьеру.

Трепещут полы сюртука,
И руки на поводьях стыннут.
А конь к подножья Машука
Летит, где ждет уже Мартынов,

Чтоб на двенадцатом шагу,
Взведя курок неторопливо,
Ты молча встал лицом к врагу,
Спиной — к заросшему обрыву.

2.

Кавказ... Гостиница... Рассвет.
Машук синеет еле-еле.
Тускнеет отблеск эполет
И злослещет эхо тех дуэлей.

А время замедляет бег.
И вдруг припомнишь среди событий:
В Москве сейчас, наверно, снег,
И вы сейчас, наверно, спите —

Две женщины — жена и дочь,
Которых столько дней не видел.
Дай Бог вам, чтобы в эту ночь
Тяжелый сон вас не обидел!

Вчера в такой же смутный час,
Поднявшись в горы утром рано,
Мы крепко выпили за вас
С одним армейским капитаном.

За то, что, видимо, как встарь,
Как повелось во время оно —
Не любит Бог, не любит Царь,
А любят дочери да жены.

За то, что в море иль в горах
(Любому русскому знакомо)
В дузлях, войнах, на пирах
Догонит нас тоска по дому.

И вспомнишь: снег, Москва и ночь...
Там где-то, мучаясь, тревожась,
Две женщины — жена и дочь,
Жить без которых ты не сможешь.

ТЕ ПЕСНИ, ЧТО ПЕЛИ ОТЕЦ МОЙ И МАТЬ...

Поручик Голицын, раздайте патроны!..
(Из популярной песни).

Четвертые сутки...
А мне все не спится.
Не первую ночь
на куски разломие,
Плывет над Россией,
плывет над столицей
Конфетно красивый
надрывный мотив.

В нем кони шальные,
летающие к Яру,
Цыгане, вино
да взгрустнувший корнет.
В нем правят свой бал
господа комиссары,
Девуц-гимназисток
ведя в кабинет.

Ну что же,
поется красиво, не скрою.
Вот только б послушать
хоть чуточку мне,
Что пел мой отец-политрук
перед боем,
Навеки оставшись
на прошлой войне.

Каким они песням
тогда были рады,
Когда моя мать,
пересилив беду,
С путевкой райкома
точила снаряды
В голодной Москве
в сорок первом году.

Да кто ж это
так наплевал в наши души,
Кого мы пустили
к себе на постой,
Что выйти стесняется
наша "Катюша"
На берег высокий,
на берег крутой?!

Я знаю — лишь только
засвищут шрапнели,
Придется и нам
подниматься — "Вперед!",
И девушка наша
в солдатской шинели,
Как прежде,
горячей Каховкой пройдет.

Пусть нашу историю
нынче порочат,
Нас рыночным раем,
на Запад маня,
Я верю, что снова
в бою за рабочих
Боец упадет
с вороного коня.

И мне не сменять
на эстрадные стоны
Те песни, что пели
отец мой и мать.
Ну что же, поручик,
раздайте патроны!
Я тоже, поручик,
умею стрелять.

* * *

Воронье, непогода да порча...
Что ж так доля твоя нелегка?
А в душе все звенит колокольчик,
И дорога пылится слегка.

Этот звон никогда не ослабнет,
Лишь глаза растревожит до слез
Белый дым от есенинских яблонь
И чета белоснежных берез.

И кого невзначай ни спроси я,
Мы со школьных запомнили лет,
Как когда-то на деву-Россию
Загляделся проезжий поэт.

Есть в дороге тревожное что-то,
В поздних всполохах летней зари.
Не с того ль так спешат к повороту
Президенты, вожди и цари?

Спой нам, парень, про лучшую долю!
Только слышно в ответ сквозь века,
Как уныло по ровному полю
Разливается песнь ямщика.

Иван Козлов

В ЖИВЫХ ОСТАНУТСЯ БЕССМЕРТНИКИ

Повесть

Дневник сыщика Егорова

От безделья какие только мысли в голову не приходят!..

Вы пробовали почти полтора месяца, не вставая, лежать в кровати? "Вот вам судно, вот вам манка, вот вам какао..." После того как нежные девичьи ручки сунут под вашу задницу то, что носит гордое морское название, у вас будет большое желание что-нибудь жевать и пить? Нет, выпить — я понимаю, это можно, но в госпиталях официально это не поощряется, а я, как человек в погонах, не то чтоб уж очень, но все же лицо законопослушное и дисциплинированное.

За полтора месяца я сбросил пять с половиной килограммов. Теперь вот начал самостоятельно ходить в туалет, и у меня появился аппетит. Доктор говорит: это свидетельство того, что организм переборол свалившиеся на него неприятности и уже сам рвется к собственному укреплению.

Я знаю, что это не так. Все дело в суде. Но не будешь же делиться своим революционным открытием с тем, у кого тоже нежные ручки и наивные цикориевые глазки за стеклышками очков! Да, Светлана Алексеевна, киваю я, да, вы правы, все у меня там затягивается, зарубцовывается, пицца уже не раздражает желудок, и я скоро забуду,

что был у вас по не совсем приятному для меня поводу.

Может, раны мужиков и украшают, не знаю. Но они же разные бывают, одному гемморой вырезают, другому жировик... С этим у меня, на первый взгляд, все нормально — у меня пулю под ребрами вылавливали, но ведь и пуля пуле рознь. Одно дело схлопотать свинец от достойного противника, и другое — по собственному ротозейству от дурака.

Я от дурака схлопотал.

Копался в деле о торговле оружием — на Севере и на Дальнем Востоке горели военные склады, а автоматы и пистолеты, которые по идее должны были плавиться в огне пожара, целехонькими всплывали на Кавказе. Общался с такими сволочами — вспоминать тошно. Повязал. Вел себя прилично, паинькой, ни одной дырки от них на теле, а сопливый пацан, который и слыхом не слыхивал ни обо мне, ни о моих "клиентах", приобрел "макаров" по случаю, по случаю направил ствол в мою грудь и нажал на спусковой крючок...

Наверное, потому что стрелял дурак, и пуля душой оказалась, мимо сердца прошла. Так что полтора госпитальных месяца можно считать за счастье по сравнению с тем, чем история могла бы закончиться в худшем случае.

Ладно, что-то я растекаюсь мыслью по древу. Начал-то с чего? Не знаешь, куда себя

деть от безделья. Я вот только сегодня сообразил, чем заняться можно. Заведу дневник и буду в красивой литературной форме всовывать туда... нет, всовывать — это уже некрасиво и нелитературно. Буду излагать мысли, вот. Пока, правда, в качестве разминки пишу то, что взбредет в голову.

Сейчас полночь. Я смотрю в окно. Там идет начавшийся еще с вечера снег. Желтоватый свет освещает снежинки так, что они кажутся хлопьями "геркулеса", просыпавшимися прямо над госпитальным двориком из огромной пачки. Последнее сравнение, конечно, не очень подходит к низкому серому небу, но "геркулес" — это хорошо и точно.

Хорошо, точно, но не радует. Потому что по календарю сейчас конец апреля, и завтра меня выписывают. Если бы не этот весенний снегопад, мы бы с Лидой и Пашкой поехали в лес на шашлыки. Шмели, костер, горячая баранина, красное вино. Пашка ловит тритонов, я нюхаю траву, Лида готовит стол. Дело не только в том, что я лентяй. Для жены столовые хлопоты — дело святое, она меня просто не подпустит к кастрюлькам и тарелкам. Потому мое дело — заниматься шашлыками и нюхать траву...

Чего я размечтался, спрашивается? На улице валит снег, никуда мы завтра не поедем, в лучшем случае просто пошатаяемся по городу, и я буду лихорадочно, в зависимости от обстоятельств, сообразжать, куда на вечер сплавить Пашку. Все-таки полтора месяца видел жену только у, а не на кровати. Да и кровать-то какая: пахнет формалином, иодом...

Так, понесло меня. Пора ставить точку. Сейчас придумаю последнюю фразу — и баиньки. Хотя, если это дневник, то придумаю-

вать ничего не надо. Буду записывать только то, что вижу и что меня волнует.

Приятно волнуют меня думы о завтрашней встрече с Лидой, а вижу я, что за окном разыгрывается метель.

1.

В Александровском саду было слякотно и безлюдно. Внимание Егорова не рассеивалось, и он сейчас замечал главное: жена у него красивше всех встречных женщин. Он держал ее под руку, и она вроде бы нечаянно, невзначай разворачивалась так, что ладонь его то и дело скользила по упругой груди. "Надо было сразу идти домой, — вздыхал про себя Егоров. — Купить Пашке билет в кино, вытащить из бара бутылку коньяка, поставить на столик рядом с кроватью конфеты, апельсины..."

— Папа, ма, а вы мороженое не хотите? С орехами, в шоколаде... Если не хотите, то я бы и за ваше здоровье...

— Обойдешься! Не хватало, чтоб в конце учебного года с ангиной свалился.

— Па, ну хорошо: не три, а две порции. И то от одной вы по чуть-чуть откусите.

— Чуть-чуть? Думаешь, я рот разучился раскрывать?

Сын занял очередь к мороженщице, а Егоров продолжал охмурять жену:

— Хирург, значит, после операции мне так и сказал: функционально важные органы пуля вроде не задела, но как все обстоит на самом деле, покажет только практика.

— И что? — веселилась Лида. — Какого мнения о практике были медсестры?

— Они не в счет! С чужими женщинами и перебитые органы функционируют. В

Четверть века прослужил во внутренних войсках подполковник Иван Козлов. Выпускник Литературного института им. А.М. Горького, он хорошо известен нашим читателям как автор ряда повестей и рассказов, в разные годы публиковавшихся в журнале. В нынешнем году в "Черной кошке" — одной из самых популярных в стране серий книг детективного жанра, выпускаемой столичным издательством "ЭКСМО", вышла книга Козлова "Подсадная утка". А сегодня мы начинаем публикацию его нового остросюжетного детектива.

зачет идут только оценки жен, понимаешь?

— Понимаю. А не боишься, что я тебя так прозакламеную — опять в госпиталь сбежишь?

Егоров расправил грудь и собирался дать достойный ответ, но в разговор вмешался Пашка. Он догнал родителей и, отправляя в рот остатки мороженого, спросил:

— Па, не обидишься, если я вечером с классом в кино пойду, а? Боевик — блеск!

Сын, отметил Егоров, вытянулся, похудел. У него уже начали пробиваться усики и ломаться голос. А чего удивительного: шестнадцатый год ...

— Понимаешь, па, мы давно договорились, еще три дня назад. Я тогда не знал, что тебя сегодня выпишут. Но я не буду задерживаться, я после фильма сразу домой прибегу.

— Зачем? — вполне искренно стал отговаривать его от такого героического поступка Егоров. — Гуляй, сколько душа просит! Мне на службу не скоро, так что успею еще надоесть друг другу.

* * *

Уже дома Лида, одетая в одну коротенькую комбинашку, спросила:

— А правда, вырос Павлушка? Серьезный стал, рассудительный. Это после того, как ты в госпиталь загремел.

— Ага, — согласился Егоров. — А как у этого рассудительного дела с учебой?

— По-разному. Да, кстати, я у него в столе ревизию наводила, бардак там, как всегда, и знаешь, что среди учебников нашла?

— Фантики от жвачки? — попробовал угадать Егоров.

Она прыгнула с кровати, вошла в комнату к сыну и тут же вернулась оттуда с журналом. На глянцевой обложке была фотография обнаженной женщины с виноградным листом в руке. Листок целомудренная красавица держала, естественно, там, где он изображался еще древними.

— Традициям верны, — хмыкнул Егоров. — Текстовочка такая сюда напрашивается.

Лида рассмеялась.

— Ты, опер, лучше другое скажи: какие выводы можно сделать, глядя на эту фотографию?

— Что ты у меня не хуже. Только без винограда.

— Фу, подхалим! Нет, я вполне серьезно спрашиваю. Подключи логику, наблюдательность... Что вы там еще подключаете?

Егоров попробовал стать серьезным:

— Поскольку журнал ты нашла в книгах сына, то напрашивается один вывод: надо теперь покупать ему не мороженое, а резервативы. Правильно?

— Вовочка, ты в госпитале стал сексуальным маньяком. У тебя мысли работают только в этом направлении. Прошу, посмотри внимательно на снимок.

Егоров посмотрел, потом пожал плечами:

— Если ты намекаешь на то, что это одна из моих знакомых, то ошибаешься. Ты же знаешь мой вкус: я люблю худеньких, изящных, во всем похожих на тебя...

Лиде, видно, надоела болтовня мужа, и она без слов ткнула пальцем в подпись под снимком: "Фото Василия Плотникова". Егорову эта фамилия ничего не говорила.

— Неужели не помнишь? — удивилась жена. — Это же дядя Вася, мамин двоюродный брат. Он у нас на свадьбе был, фотографии делал.

— Фотографии? Ну-ну, вспоминаю. Тихий такой, на "вы" ко всем обращался.

Егоров вспомнил Плотникова. Вылитый Жан Марэ. Такой же квадратный подбородок, такие же умные глаза, густая темная шевелюра. Пальцы музыкальные, длинные. "Дядя Вася, ты что такой робкий? Не пьешь, не танцуешь". — "Я просто уставший, простите. Сегодня утром из командировки вернулся, и сразу к вам, поскольку Лиде обещал снимки сделать. Я вроде человек обязательный".

Примерно в таком духе состоялся их единственный диалог. Все. Больше о нем Егоров сказать ничего не может.

Он пролистал журнал. Сплошные голые бабы. Еще несколько фотографий — Плотникова. Только на них, пожалуй, и можно было смотреть. Все остальное — безвкусица. Наш российский "Плейбой" с запахом чеснока и лука.

— Его снимки здесь самые лучшие, правда? — спросила Лида. — Я его сколько помню, он все с фотоаппаратом ходил. Мы же вместе в коммуналке жили, он в многоэтажке работал, потом в фотоателье. Все деньги копил на какую-то особенную аппаратуру, но когда мама моя умерла — я тогда студенткой была, — все на похороны потратил.

Отец Лиды был военным летчиком, раз-

407

бился, когда ей и пяти лет не исполнилось. Три родных маминых брата умерли в войну. Дядя Вася остался ближайшим ее родственником.

— Они с мамой вместе дни рождения праздновали, потому запомнила. Я вот что надумала, Володя: купим подарок, бутылку, заглянем к нему в гости, а? Тебе пить можно? Как твои функционально важные органы, позволяют?

— Как и все остальные!

— Вот и хорошо. — Она потянулась к записной книжке, лежащей у телефона. — Так я звоню ему?

Василий Илларионович Плотников был дома. Звонку Лиды он очень обрадовался.

— Приезжайте, обязательно приезжайте! У меня утром съемки, где-то до одиннадцати... Потом приготовить кое-что надо... В два я вас жду, договорились?

Егоров всегда славился пунктуальностью. Ровно в четырнадцать ноль-ноль они с Лидой поднялись лифтом на седьмой этаж и увидели открытую дверь двадцать восьмой квартиры. В проеме ее стоял старший лейтенант милиции и курил. Лида еще улыбалась, принимая, очевидно, офицера за дядиного гостя, но Егоров уже нахмурился, рывком обошел жену.

— Сюда нельзя, — сказал старший лейтенант, но тотчас спрятал за спину сигарету и более учтиво добавил: — Извините, товарищ майор, не узнал сразу. Вы в нашем отделении зимой работали, помните? Моя фамилия Мяснов, старший лейтенант Мяснов.

— Да помню, Геннадий, помню. Что здесь у вас произошло?

* * *

Обнаженная женщина лежала на софе лицом вниз. Даже пышные волосы не могли скрыть того, что наделала пуля, вылетая из затылка. Кровь натекла на софу, густой, уже потемневшей лавой застыла на руке. Под пальцами белая-белая простыня топорщилась на изломах, как Кавказские горы, только Казбек тут был с тяжелой красной вершиной.

Одежда женщины сложена в аккуратную стопку на кресле, стоящем в дальнем углу комнаты у гармошки-ширмы, за которой, надо полагать, раздевались клиенты фотографа.

Посреди комнаты, на полу, вытянулся, задрвав кверху квадратный подбородок, мужчина. Черная густая шевелюра, чувственные пальцы карманника или музыканта. Пуля разворотила ему висок от левого

глаза до затылка. Егоров, хоть и видел многое в своей практике, быстро отвел взгляд от обезображенного лица.

Плотников тоже был голый. Брюки сброшены прямо на ковер, у софы. Под ними видна рубашка, мягкая, льняная, в крупную красную полоску.

— И как все это понимать? — спросил Егоров.

Мяснов вместо ответа указал глазами на дверь кухни, откуда слышались приглушенные голоса. Кухня была просторная, с обычным стандартным окном, выходящим во двор дома, но Егорову показалась почему-то сумрачной. Он с порога даже оглянулся на комнату, из которой только что вышел. Кроме трехрожковой люстры там горели еще две мощные лампы с отражателями. Они были стационарно закреплены прямо на стене и направлены на лежащую женщину.

— Наши фотографии включили? — Егоров кивнул на лампы.

— Нет, товарищ майор, все так и было.

За кухонным столом сидели двое: следователь с чудной фамилией Раскачаев — его Егоров знал уже лет шесть — и пожилой интеллигентного вида мужчина. Сквозь редкие седые волосы на макушке просвечивала розовая лысина — это первое, что бросалось в глаза.

Раскачаев привстал, протянул руку для приветствия:

— Здравствуйтесь, Владимир Владимирович! Не ожидал тут вас увидеть. Каким ветром занесло? Клиентура вроде не ваших интересов, мелковата.

Пожилой мужчина кивнул головой. Представительные очки в желтой оправе, аккуратная, ухоженная борода. Лицо не симпатичное, плоское. Пиджак из добротной замши — в таких лет двадцать назад любили щеголять, массивный перстень на пальце. Руки холеные, но ладони широкие, крепкие. Лет ему около шестидесяти.

— Я не по службе, Павел Тихонович, — сказал Егоров следователю. — По личному делу зашел. Выпить. Плотников — родственник моей жены. Вчера вот с ним созвонились и пришли с днем рождения поздравить.

— Пятьдесят пять, — сказал бородач, массируя пальцами лоб. — Васе сегодня пятьдесят пять лет исполнилось. Я с этой же целью к нему заглянул, на правах, так сказать, старинного друга... — Он цепким взглядом окинул Егорова. — Моя фамилия Лесняк, Анатолий Иванович. Писатель.

Лесняк как мог коротко пересказал Егорову то, что он надиктовал следователю.

Итак, писатель позвонил Плотникову часов в девять утра, поздравил с юбилеем. Договорились встретиться около двенадцати. "Родственницу с мужем жду, можешь на стол кое-что приготовить", — попросил Плотников. Лесняк пришел к нему без четверти двенадцать. Нажал кнопку звонка — никто не выходит. Толкнул дверь — открыта. Вошел и...

И прямо отсюда уже позвонил в милицию.

Женщина Анатолию Ивановичу знакома: актриса, жена театрального художника-декоратора Виля Серебровского, Ольга. В каких отношениях она с Плотниковым?

— Я так понимаю, теперь уже ни в каких. Раньше? Свечу возле них не держал, а для разговоров с Васей у нас были другие темы. Мы надумали с ним выпустить фотоальбом о писателях, текстовая часть моя, снимки, естественно, его. Все последнее время это и обсуждали.

— А мужа актрисы вы тоже знали?

— Виля? Конечно! Ему сорок в этом году исполнилось, он на восемь лет старше Ольги. Как художник талантлив, по характеру мягкий.

— Ревнивый?

— С виду — абсолютно нет. За ней мужики стаями увалились, а он только улыбался.

— Что значит "с виду"?

Лесняк помолчал, словно не зная, отвечать на этот вопрос или нет, но потом все-таки решился:

— Он был со мной откровенным. И как-то признался: если узнает, что жена действительно изменяет ему, то убьет ее не задумываясь... Но это был, скажем так, не совсем трезвый разговор, и принимать угрозы Виля за чистую монету вряд ли стоит.

— Что у трезвого на уме, то у пьяного на языке, — проворчал Раскачаев, а Егоров спросил:

— Так и говорил, что убьет?

— Ну да. У Серебровского... — Лесняк опять сделал паузу, как будто раздумывая: говорить или нет, но потом все-таки продолжил: — Не от меня, так от других вы все равно это узнаете. У Серебровского был пистолет, он достался ему от отца-фронтовика: хранил как память.

— Какой системы?

— Что? Системы? Я, знаете ли, далек от

этого... Но я убежден в другом. Виль не смог бы... никогда... Это просто исключено!

— Почему? — Раскачаев такому категорическому ответу даже удивился.

— Потому что Солоухин Володя писал: "Имеющий в руках цветы плохого совершить не может!" Вы не читали Солоухина? Так вот, Виль как раз — имеющий. Он художник, его дело кисть в руках держать, а не...

— Ну да, — кивнул Егоров. — Убивают только милиция и военные. Оружие в их руках. Черт! Надо эти стихи всем оперативникам выучить, а то, понимаешь, ломаем головы над каждым убийством.

Раскачаев, видя, что майор заводится, захлопнул папку с бумагами, сказал:

— Спасибо, Анатолий Иванович. Если понадобится — вызовем, уж не обессудьте.

— Понимаю, понимаю. У меня жена на даче, так что полоть-поливать грядки есть кому, к тому же у меня дела в издательстве... В общем, я буду дома.

— А далеко отсюда живете?

— Если пешком — минут десять. Соседний квартал.

— Всего хорошего...

Писатель вышел, а Егоров тут же уселся на широкий подоконник, сказал:

— Павел Тихонович, я вечером тоже буду дома, не в службу, а в дружбу — звякни и мне, а? Родственник все же Плотников-то. Пока ничего не накопили?

— Ну почему же. Есть гильзы. Убийца, видно, торопился: улик хватает. А может, профан... В общем, семь шестьдесят два, калибр ТТ. Это я к тому, что у Серебровского вполне мог быть ТТ, если отец фронтовик, офицер. Но точно лишь баллистики скажут, а им время нужно. Со свидетелями, к сожалению, хуже: рабочий день, разгар его, скажем так. Но, думаю, кого-нибудь найдем.

— Где сам художник?

Раскачаев развел руками:

— В театре его сегодня ждали к двенадцати, но он не приехал. Правда, там по этому поводу не очень шумят. Серебровский — человек творческий, запойный, стало быть, посему иногда днями на работе не появляется.

— И не увольняют?

Следователь хмыкнул:

— Так истинное мастерство ведь не пропешь, Владимир Владимирович. Он их устраивает.

— Устраивает так устраивает. — Егоров посмотрел на часы. — Ладно, не буду отвлекать. И жду звонка, договорились?

— О чем речь...

В комнате Егоров остановился возле одежды Плотникова. Присел. Брюки из светлой кашемировой ткани, довольно дорогие, шиты на заказ. Под ними рубашка, тоже не ширпотребовская.

Плавки лежат под ней, в самом низу. Ну, плавки как плавки. Шлепанцы у кровати, старые, потрепанные. Но тут нечему удивляться, у самого Егорова такие же. Для шлепок важно одно: чтоб в них нога себя хорошо чувствовала.

Старший лейтенант из дальнего угла комнаты молча наблюдал за действиями начальства. Он, видно, никак не мог взять в толк, чего это майор колдует над барахлом убитого.

— Гена, одежду Плотникова не перетряхивали?

— Нет, Владимир Владимирович, она лежит, как и лежала, когда мы вошли. А что?

— А то. Жены у тебя, насколько я знаю, еще нет, но подружки-то есть?

— Да вроде не импотент, Владимир Владимирович.

— Похвально, похвально. И штаны вот так, возле кровати, бросаешь?

— Ну так вам все и скажи!

— Да ты не красней, как красна девица. Лучше посмотри сюда.

Мяснов подошел, склонился над брюками. Потом поднял глаза на Егорова:

— А чего? Брюки как брюки.

Егоров скривился, словно от зубной боли:

— Когда пойдешь сегодня на randevу к Даше или Маше, ухитрись скинуть с себя все вот так же, а потом порассуждай, почему и как трусы могут оказаться под брюками и рубахой. Договорились?

Мяснов поднял край рубахи, уставился на плавки.

— Ты их еще на зуб попробуй.

Старший лейтенант смутился, но сразу высказал предположение:

— Плотников мог, когда уже голый лежал, сигареты из кармана доставать, вот брюки и попали наверх.

— Пепельница на столе, в ней три окурка "Даунхилла", у всех фильтры в помиде. Пачка с сигаретами и зажигалка тоже на столе. Не курил Плотников. А теперь,

Гена, дай мне пару вариантов того, как могла погибнуть эта пара.

— Даю. Убийца не был с ними в этой комнате — не могли же они при нем любовью заниматься? Значит...

— Ничего не значит. А может, тут группуха была? Двое мужиков, женщина... Конечно, подобные фантазии хороши для семнадцатилетних, но со счетов пока ничего сбрасывать не надо. Ладно, дальше сочиняй.

Мяснов на грубоватую манеру общения Егорова с людьми не обижался. Более того, он даже не замечал этой грубоватости, как не замечают, к примеру, что у лучшего форварда любимой команды кривые ноги. Болельщику это до лампочки, он следит лишь за финтами и ударами нападающего.

— Сочиняю. Убийца, допустим, Серебровский, мог выследить жену, потом позвонить в квартиру, вломиться сюда и... Но хозяин, прежде чем открыть дверь, хотя бы штаны натянул на себя...

— Логично, Гена, логично. Что еще скажешь?

— У вошедшего были ключи или отмычка. Он застучал любовников прямо на кровати. Отсюда и характер ранения Плотникова: он лежал, когда в него вошла пуля.

— Лежал на полу? В трех метрах от софы? Оригинальный, скажу тебе, секс.

— Нет, Владимир Владимирович, когда Серебровский появился, фотограф, естественно, вскочил, попробовал объяснить...

— Но пуля вошла в него, когда он лежал! Баллисты после экспертизы многое прояснят, но то, что пуля вошла в лежащего Плотникова, мы и сами утверждать можем. Так что версия с объяснениями отпадает. Все у тебя, или еще варианты есть?

Мяснов молча развел руками.

— Ладно, Гена, своими домыслами я тебя утомлять не буду, но пару слов скажу. Трахать при включенных софитах очень неудобно: то в спину печет, то глаза слепит. И эти плавки под штанами и рубахой... Будете раскручивать дело — обрати на это внимание.

— А вы, Владимир Владимирович, в стороне останетесь?

Егоров ответил уже с порога:

— Я на больничном, мне врачи рекомендуют не на трупы смотреть, а дышать све-

жим воздухом. Скоро на озерах карась брать начнет...

* * *

Лида целый день не находила себе места. "Дядя Вася не был бабником, понимаешь? У него была красавица-жена, она умерла очень рано, и с тех пор женщины его не интересовали. В тридцать пять лет не интересовали, а тут — пятьдесят пять!" Егоров не спорил с женой. Не ко времени получился бы спор, хотя аргументов для возражений было достаточно. Ну, во-первых, почему сразу бабник? А если Серебровскую он любил, и она была у него одна? Да, он мог быть долго верен памяти жены, но с годами зарубцевалась рана, одиночество угнетало. Да и вообще человек со временем меняется. Раньше Василий Илларионович беден был, а теперь — обстановка в комнате дорогая, фотоаппаратура офигенная, опять же штаны кашемировые.

— Лида, а у него что, детей не было?

— Был сын, Лорик, Илларион. По деду назвали. Ему лет двадцать пять, наверное. Где он, что с ним — даже не знаю.

Лида все никак не может успокоиться. Хорошо бы сейчас вытащить ее из дому, побродить по лужам — солнце все-таки растопило снег, но Егоров хочет остаться хозяином слова. Ему вечером будут звонить, а уже вечер, и надо быть у телефона.

— Володя, он всегда такой был... Как старых интеллигентов показывают: книги серьезные читал, говорил красиво. И за собой следил, знаешь как! Хоть и вдовцом остался, а всегда при галстук, воротничок чистый, пуговицы застегнуты...

Зазвонил телефон.

— Владимир Владимирович? — У Раскачаева была манера говорить как сквозь сон, лениво и тягуче. Егоров терпеть не мог такого тона. — Ну все, Владимир Владимирович. Нашли мы и пистолет, и Серебровского с ним. Картина почти ясна, одно только маленькое недоразумение.

— Что Серебровский говорит, сознается?

— Он ничего не говорит, он мертвый.

Егорову захотелось выругаться, сказать собеседнику пару таких слов, после которых он бы проснулся и начал изъясняться потолковее. Но Егоров сдержал себя и пусть по чайной ложке, но получил-таки нужную информацию.

Машина Вилля Серебровского была найдена примерно в тридцати километрах от кольцевой дороги, в небольшом карьере

на опушке леса. Она утопала в сугробе, но оттепель слизала снег с крыши, и она стала видна прохожим, идущим от деревни к остановке электрички. Сельчане-то и разглядели водителя, уткнувшегося окровавленной головой в рулевое колесо. Пуля вошла художнику в рот, вышла через затылок. В салоне найден пистолет ТТ.

— В общем, Владимир Владимирович, все ясно как Божий день. Серебровский выследил жену, ворвался в квартиру к фотографу, сделал там пиф-паф, а когда опомнился, выехал за город и пустил себе пулю.

Конечно же, в главном следователь вешал лапшу на уши, но Егоров раскусил его:

— Слушай, давай не темнить, а? Выкладывай, что там у вас за маленькое недоразумение.

Раскачаев разочарованно вздохнул:

— Да вы же и так все поняли.

Конечно, Егоров понял. Снег перестал валить к утру, следовательно, машину он мог замести только ночью. Плотников и Серебровская были убиты ближе к полудню, когда художник как минимум шесть часов уже был мертв.

— Что говорят эксперты — когда погил Серебровский?

— Около двух часов ночи.

Вот даже как! Не шесть — десять часов разницы.

— Он был пьян?

— Трезв как стеклышко. Но есть подозрение на изрядную дозу нервно-паралитического газа.

— Интересно. Траванул себя из баллончика, а потом еще и сумел застрелиться?

— Не только это интересно, — сказал Раскачаев. — Есть еще кое-что любопытное, Владимир Владимирович...

2.

На баранке "Москвича" Серебровского отпечатались только пальцы хозяина. Но странно отпечатались. Выходило, что Серебровский как вцепился в рулевое колесо с самого начала поездки, так даже пальцами не шевелил до того самого мига, когда въехал в карьер.

Как это получилось, ни для кого не было загадкой: тот, кто на самом деле вел машину, в конце пути протер баранку и наложил на нее ладони Серебровского, к тому моменту уже мертвого.

Из множества возникших вопросов, пожалуй, лишь на один можно было ответить

вполне определено: Плотникова и Ольгу Серебровскую застрелил не театральный художник. Прав оказался Солоухин: имеющий в руках цветы спусковой крючок ТТ не нажимал. Следовательно, дело, которое, если б не "маленькое недоразумение", было бы уже сейчас в стадии завершения, получает новое развитие. По всей видимости, глубокое и бурное...

* * *

— Па, слышь, па, нам сочинение задали на волную тему. Описать, что такое весна. Только Зоя Георгиевна говорит, надо не про траву и солнце, а что-то оригинальное придумать... Ты меня слушаешь, па?

— А как же. Я давно понял, что ваша литераторша — толковая учительница.

— Толковая, — покорно согласился Пашка, ударно работая ложкой. — Только что тут придумать? Вот ты бы что о весне придумал, а?

Чай Егоров заварил крепкий, терпкий, даже лимон не осветлил его. Только такой напиток помогает мозги прочищать.

Загадочка с пистолетом. Из одного ствола выпущены пули и в Серебровского, и в фотографа с актрисой. Но ТТ найден в машине художника, а голая пара застрелена через десять часов после того, как был убит Виль. Как это понимать? Убийца после выстрелов в квартире опять помчался к карьере, чтоб подбросить пистолет в машину? Это средь бела дня-то? Хотя все возможно...

— Па, так что для тебя весна?

— Весна? Ну, это... Это такое время года. Когда тает снег и становятся видны трупы.

— Трупы?

— Ну да. Тех, кого зимой убили. Земля же мерзлая, ее тяжело копать, вот трупы снегом и присыпают, а когда солнце пригреет... Когда пригреет...

Убийца не рассчитал, что снег продержится всего полдня. И если бы Серебровского нашли через неделю, к примеру, то вполне возможно, что могла пройти и версия о ревнивом муже. Виль убил любовника, жену, потом осознал, что натворил, и покончил с собой.

Но солнце в апреле уже жаркое, "Москвич" обнаружили быстро, и эксперты установили время смерти водителя.

И потом, включенные софиты, плавки под брюками. Даже если Виль каким-то образом ворвался в комнату, застучал пару за интересным занятием, разрядил в

нее пистолет, то зачем он перекладывал одежду Плотникова?

— Па, а ты с мамой не весной познакомился? На каком-нибудь цветущем лугу...

— С мамой я познакомился в июле. Недалеко от морга.

Все с этим ясно, ревность ни при чем, стрелял в доме фотографа не Серебровский. И его, и Ольгу, и Плотникова скорее всего убрали одни и те же люди. Или один и тот же. За что? Коротенький вопросик, простенький. Ответ только на него сложный ожидается.

— Папа, а вы что, каждую весну трупы находите?

— Естественно. На то она и весна.

Надо все узнать об этой троице. Как там классик писал? Если человек убивает, значит, это кому-то нужно... Нет, вроде не так немного. Но суть та же.

* * *

Под фототеку у Плотникова был выделен целый шкаф. Ячеистые коробочки для пленок, конверты разных цветов для отдельно вырезанных кадров.

На пленке, вынутой из фотоаппарата, которым Василий Илларионович работал накануне гибели, лишь три заснятых кадра. Ребята распечатали их. На двух обнаженная Серебровская сидит, поджав под себя ноги. Ракурс и освещение подобраны так, что лица почти не видно, но зато контрастно выглядит фигура. Высокая шея, округлые плечи, груди, может быть, несколько полноваты, но смотрятся очень даже привлекательно.

На третьем кадре Ольга закутана в простыню, одна нога спущена вниз, к полу, и оголена при этом почти до бедра. Открытая улыбка, веселые глаза. На этот момент Ольга не видела никакой опасности, не понимала, что ее ждет.

На пленке только три кадра, хотя на других, архивных пленках, по восемь-десять одинаковых кадров. Значит, Плотников лишь приступил к работе. Что помешало ее продолжить? Выстрел? А может, до него — привлекательное тело фотомодели?

Одно уже ясно. Медэксперты сделали заключение: в день, когда произошло убийство, между актрисой и фотографом постельных страстей не происходило.

Эту информацию выдал Егорову старший лейтенант Мяснов. Он сидит за столом, перебирает фотографии и негативы и делится своими выводами:

— Актриса — красавица, конечно. Все при ней: и бюст, и талия. Но Плотников ее почему-то не поимел... Вы что смеетесь, Владимир Владимирович?

— Нравится мне это твое "почему-то". Ты бы не упустил шанс, да?

— Если бы она ко мне пришла и разделась...

— Ладно, ты лучше продолжай на другую тему фантазировать. Что могло произойти после того, как Плотников снял третий кадр?

Мяснов продолжает.

Плотников и не собирался тащить в постель Ольгу. Он фотографировал, когда раздался звонок в дверь. Актриса на всякий случай набросила на себя простыню, хотя и не предполагала, наверное, что хозяин заведет кого-то в комнату. Но этот "кто-то" вошел...

— Я думаю, Владимир Владимирович, третий кадр сделан уже при постороннем. Вполне возможно, это женщина. При ней Серебровская не постеснялась оголить ножку. И еще обратите внимание: актриса смотрит не в объектив, а чуть выше и правее: видно, гостя или гость стоял рядом с фотографом. Логично?

Егоров вновь взял последнюю фотографию в руки, проворчал сам себе:

— У Плотникова минимум сто семьдесят пять, куда же выше смотреть-то? Точка съемки... Да, он или стоял на коленях, или сидел...

Мяснов заулыбался:

— Точно! Мы еще на месте определили, что пуля шла сверху вниз, от затылка к глазу, и решили, что стреляли в лежащего. А теперь получено заключение экспертизы: фотограф стоял перед убийцей на коленях. Легче всего предположить, что в такой ситуации он мог упасть на колени лишь перед Серебровским, но художника на тот момент уже не было в живых. Так что я затрудняюсь...

— Не затрудняйся, Гена, — сказал Егоров. — Мне кажется, Василий Илларионович просто присел в поисках точки съемки. Потому пуля и вошла сверху. Что было дальше?

— Дальше? Убийца, значит, стреляет в Плотникова, потом в Ольгу, быстренько срывает с Плотникова одежду, бросает ее у кровати.

— Зачем?

— Чтоб милиция поверила, что стрелял Серебровский! Застал жену с другим, ну и...

Егоров удовлетворенно закачал головой:

— Неплохо. За исключением деталей. Убийца действовал не быстренько. У Плотникова кровь из раны просто хлестала, а одежду с него сняли так, что и капли на ткани не оставили.

Значит, хозяин ТТ действовал обстоятельно, с умом. Плавки только не туда положил, и софиты не выключил... И гильзы не подобрал, — добавил он после паузы. — Гена, вы их долго искали?

— Да нет, они, можно сказать, под ногами валялись. Но я продолжу, Владимир Владимирович. Стрелявший сделал свое дело и поехал опять к карьерам, подбросил пистолет в машину Серебровского. Все!

— Это не все. Гена, это самое неприятное для меня. К обеду снег уже стаял, "Москвич" стал виден, его обнаружили жители деревни, так? Наверняка там крутилось уже много зевак, и на их глазах убийца не стал бы подходить к машине.

— Но пистолет-то оказался возле Серебровского! И то, что все трое убиты из одного ствола — тоже факт!

— Факт, — вздохнув, согласился Егоров. — Думать над ним будем, Гена. А вот тот, кто застрелил Серебровского, — как он мог добираться от карьеров к городу?

Мяснов оказывается, уже проработывал этот вопрос. От карьеров убийца мог пойти к ближайшей остановке электрички, там расстояние примерно с километр. Первая утренняя электричка на Москву идет в четыре сорок восемь. Старший лейтенант выяснил, кто из Фроловской, а это ближайшая от платформы деревня, выезжал в столицу в это раннее время. Муж с женой спешили на Ярославский вокзал встречать гостей, и еще один мужчина возвращался домой от матери. Эти трое утверждают, что на платформе больше никого не было.

Егорову приходилось бывать на этой платформе. Она примыкает к лесу, плохо освещена. В темень, да еще при снегопаде многое ли увидишь?

В общем, в деле пока — тьма египетская. Ничто не стыкуется и не выстраивается в логическую цепочку.

— Ты, Гена, хотя бы в порядке бреда, озвучь свою версию. Глупости будем отметать, а кое-что, может, и на ум пойдет. Кто мог стрелять?

— Я уже говорил, Владимир Владимирович, это могла быть женщина. Их общая знакомая. Причина — ревность. Она

любит Плотникова, узнает, что тот назначил встречу Ольге, после этого встречается с Вилем, уговаривает его поехать к фотографу и застукать там жену, тот отказывается, и тогда она решает мстить всем...

Егоров вздыхает. Нечего отметить — глупость сплошная, воистину бред. Будь у Плотникова такая пылкая и необузданная любовница, это бы уже выяснили. И потом, истеричка-убийца не стала бы раздевать окровавленный труп, для этого нужно большое хладнокровие. Да и физическая сила приличная. Гена-Геночка, тебе это надо уже понимать. Школы тебе, опер, не хватает...

Об этом Егоров вслух не говорит, но прерывает Мяснова почти бесцеремонно:

— Ладно, ставим точку, тут мы в тупике. Не интересовался: из квартиры фотографа ничего не пропало?

— Трудно выяснить, Владимир Владимирович. Плотников был человеком не слишком контактным, соседи в гости к нему почти не заходили, за исключением одного: Александра Федоровича Ежова. Но этот, как сам признался, крепко поддает и знает только то, что у соседа в баре всегда стоял коньяк, а в холодильнике находилась закуска.

— Плотников ему в этом деле компанию составлял?

— Нет, по отзыву Ежова, фотограф вообще был трезвенником. Максимум пару рюмочек только и пропускал. Но угощал всегда.

— А что о нем другие соседи говорят?

— Ничего конкретного. Был вежливым, со всеми здоровался, на площадке не мусорил, женщин к себе не водил, по ночам и в выходные не шумел.

— У него, кажется, сын был...

— Илларион. Разговаривал я с ним, он тоже мало что сказал. С отцом последний раз виделся более полугода назад.

— Они раздельно жили?

— Да. Мало того, и по телефону редко общались. За те же полгода пару раз друг другу звонили. Последний раз, утром в день гибели отца, Илларион поздравил его с днем рождения.

— И тот не пригласил сына в гости?

— Нет, разговор у них вообще коротким был. "Поздравляю." — "Спасибо" — и все. У них были очень натянутые отношения, но в чем причина, я не знаю.

— Как он среагировал на смерть отца?

— Я бы сказал, спокойно. Он вообще, я заметил, умеет себя держать.

— А кто он?

— Двадцать пять лет, отслужил армию, учился в институте, но ушел с четвертого курса. Чем зарабатывает на хлеб — не совсем ясно. Говорит, музыкой, на гитаре в ансамбле каком-то играет, но ансамбль непрофессиональный, за концерты, я думаю, им копейки платят. Сейчас гонорами не прожить, если ты без имени.

— Однако Плотников-старший процветал?

Егоров, задавая этот вопрос, опять вспомнил про кашемировые брюки погибшего, про его хорошую мебель, дорогую аппаратуру.

— А у него как раз, Владимир Владимирович, было имя! Он, оказывается, в международных фотовыставках участвовал, у него были дипломы лауреата из Швеции, Италии, серебряная медаль нашей бывшей ВДНХ — что-то он там для них оформлял. А оклад в журнале, знаете, какой ему положили? Пятьсот долларов! К тому же редактор журнала, Райт Олег Яковлевич, псевдоним "Ол. Райт", сказал, что и гонорами он получал столько же, если не больше. Для одинокого мужчины это очень приличные деньги. Плотников их умел тратить. В холодильнике осетрина, ветчина, красная икра, в баре дорогие коньяки...

"Это и для меня предназначалось, — подумал Егоров, вспомнив причину своего визита к фотографу. — Для нас с Лидой, Лесняка..."

— Геннадий, а кто еще, кроме Лесняка, навещался в его квартиру в тот день?

— Никого больше не было. В журнале он накануне стол накрывал, его там поздравили, подарок вручили — настенные часы. Он их даже не распаковал: так в коробке и лежат. И домой из редакции никого не приглашал.

"Значит, претендентов на икру и балыки было немного, — отметил Егоров. — Тем горше сознавать, что застолья не получилось".

— Геннадий, дай-ка мне телефон Лесняка Анатолия Ивановича.

3.

Квартира у писателя была еще та — сталинская, с высоченными потолками.

— Проходите сразу в мой кабинет, пожалуйста! Жена уехала на дачу, на весь лет-

ний сезон, так что принимать вас я сам буду. Вы в закуске непривередливы?

— Я вообще могу без закуски...

Анатолий Иванович был в черном свитере грубой вязки, широких бутылочного цвета брюках, в мягких шлепанцах с загнутыми вверх носами. Такие же шлепки он протянул Егорову:

— Из Персии привез. То бишь, из Ирана. Творческая командировка, возглавлял группу наших литераторов. — Он сказал это вроде как бы между делом; так мог сказать, к примеру, о том, что купил обувку на барахолке в Лужниках.

Комната, куда зашел Егоров, походила на огромное купе спального вагона: длинная, с окном в торце, неширокая, плюс к этому ее еще суживали соты книжных полок, облепившие одну стену снизу доверху. Богатые золотые тиснения на корешках фолиантов делали торжественной атмосферу. Вторая стена выглядела пестро и необычно. На ней, кажется, не было и сантиметра свободной площади. Разноцветные вымпелы, африканские маски, кавказские кинжалы, китайские веера, эбонитовые трубки зековской работы, аляповато сработанные макеты дуэльных пистолетов... Словом, сразу, не глядя на визитную карточку, можно догадаться, что жилье это если не ученого-этнографа, то писателя, повидавшего свет и известного этому свету.

Впрочем, в библиотеке, куда накануне визита к Лесняку зашел Егоров, ему с большим трудом нашли пару старых книг со статьями Анатолия Ивановича. Статьи были непонятны и слишком теоретизированны, с пугающими заголовками: "Мера факта и вымысла", "Эмоция и идея", "Путь к цели"... Читать их человеку непосвященному было тошнотно. Егоров добросовестно попробовал врубиться в одну, но из этого мало что вышло. "Метафизика злодейства не есть понятие однородное. Злодей ли тот, кто совершает в правовом понятии проступок ради искоренения зла планетарного масштаба? Конечно, и планетарность эту понять непросто, мы, особи, все сами по себе суть планетарны, и субъективизм в решении данной дилеммы позволит делать оценку лишь персоналифицированную, а не юридическую..."

Егоров чертыхнулся, на всякий случай посмотрел на год издания сборника, где была напечатана эта статья, — семьдесят девятый — и пошел в гости к писателю невеждой, бурча: "Чего он не стихоплет? Вызубрил бы пару строк, свернул бы при

разговоре. И я не дурак, и ему приятно". Хотя, правда, разговор-то ожидался совсем не о поэзии. О Плотникове ожидался разговор.

— Мы с ним познакомились в июле семьдесят пятого. Я хорошо эту дату запомнил, — начал рассказывать Лесняк, выставляя на журнальный столик, стоящий у софы, чашки тонкого фарфора. — Вы что предпочитаете — чай, кофе?

— Без разницы. Если есть лимон, давайте чай.

— Есть, все есть... Так вот, что касается нашей первой встречи. Мне одна солидная газета статью заказала, к ней нужен был портрет автора, мой, то есть.

Не снимок, а именно художественный портрет. В редакции посоветовали обратиться к Василию. Там уже его знали, редко, но печатали... Простите, я на кухню отлучусь, чайник поставлю.

Егорову ничего не оставалось, как продолжить осмотр необычного стенного музея. На каждом экспонате здесь был приклеен крохотный ярлычок с цифрами. Годы. От шестьдесят шестого до восемьдесят восьмого. Потом то ли увлечение это закончилось, то ли новых сувениров не стало, то ли уже негде стало их размещать.

— Так вот, — продолжил, появляясь в дверях, Лесняк. — Дали мне телефон фотографа, созвонились мы с ним, приехал я к нему на квартиру, еще на старую, он тогда с сыном в коммуналке жил, уже вдовствовал... Вообще-то, за эту работу ему редакция должна была гонорар заплатить и заплата, конечно же, но и я сразу десятку отдал. Тогда это деньги были. Вышла, значит, моя статья, о ней даже на пленуме писательском упоминали. Я с Андрюшей Вознесенским в кулуарах встретился, он, оказывается, ее читал, не во всем был согласен, мы даже поспорили, и я, представьте, убедил его...

Егоров постарался, чтоб зевок его был незаметен, но писатель, кажется, просек это и скороговоркой завершил фразу:

— Впрочем, я увлекся, вас Вася интересуется. Так вот, тогда он был зачуханный и нищий. Ногти вечно желтые от химикатов, глаза воспаленные, красные. В комнате, правда, порядок всегда был, но это опять-таки порядок нищих. Что, скажите, могло быть в беспорядке, если у него не хватало ни нормальной посуды, ни мебели? Стояли кровать для сына, раскладушка для Васи, старый шкаф, стол, четыре стула... Все! А на кухне — как в казарме: алюми-

ниевые миски, ложки, кружки, пара кастрюль, сковорода... Пили коньяк, который я приносил, из кружек, представляете? Спартанские условия. Он мне все говорил: "Деньги есть, но откладываю на кооперативное жилье, у меня же сын растет..." Я-то знал, что он гроши откладывал — какие там деньги!

— Кстати, о сыне, — прервал монолог писателя Егоров. — У них что, нелады были?

Лесняк с явной неохотой заговорил на эту тему. Сын как сын, рос нормальным парнем. Можно сказать, не по годам рассудительным. Вася за ним приглядывал, как квочка за единственным цыпленком. Все — ему. Помимо обычной школы, в музыкальную водил. Так что в армии Лоррику подфартило: не окопы рыл, а в полковом оркестре играл. Отслужил — вернулся уже в новую квартиру (отец прилично получать стал). Поступил в театральный институт, оставалось вроде бы жить да радоваться...

— Не скажу в деталях, что между ними произошло. Мне кажется, Лорик опьянел от воздуха свободы. В армии опеки со стороны отца не было, в институтском общажитии, куда он перебрался, тоже. Потом институт бросил, стал где-то угол снимать... Почему не вернулся домой? Вася на эту тему не любил распространяться, больно ему было говорить о сыне.

— А как Плотников-старший богачом стал? В одночасье? Клад выискал?

Лесняк разлил по рюмкам водку, ближе к Егорову придвинул тарелку с блестящими от жира красными ломтиками рыбы.

— Рекомендую. Домашнего засола. Товарищи привезли, с Дальнего Востока... В одночасье, говорите? А знаете, вы почти правы. Я ведь его, можно сказать, подкармливал частенько — ну, в ресторан иной раз приглашал, вроде как ненароком притаскивал к нему в дом консервы, фрукты... И вот один раз прихожу, а он мне заявляет: лечу, мол, в Скандинавию, фотоальбом там мой выходит, приглашают, хотят договор на новую книгу заключить, даже дорогу оплачивают... Вот так! Вернулся оттуда, и года не прошло — стал лауреатом фото-выставки в Италии, чуть позже — в России, на Западе печататься стал регулярно...

— В России все-таки чуть позже? — хмыкнул Егоров.

— Так уж у нас заведено, — развел руками писатель. Потом взял за тонкую ножку рюмку. — Ну что, выпьем не чока-

ясь? Помянем, так сказать? Хороший человек.

Выпили, и Лесняк продолжил рассказ о друге. Зарубежье платило Плотникову хорошие гонорары, плюс к этому в журнал его пригласили работать, на приличную ставку. К тому же не стало отбоя от клиентуры, причем от богатой клиентуры... В общем, за пять-шесть последних лет он шагнул из грязи в князи. А вот ценить деньги так и не научился. Швырял ими налево и направо, давал в долг и забывал, кому сколько.

— Правда, месяца два назад Ежову он три тысячи долларов дал, а где-то за неделю до смерти мне все-таки пожаловался: не возвращает, сукин сын.

— Ежов — это кто, тоже ваш товарищ?

Лесняк брезгливо скривился:

— Бог миловал от таких товарищей. Это сосед Плотникова. Все обещал помочь Васе дом в деревне купить под Тулой где-то. Вася надеялся, что сын остепенится, женится, вот он им московскую квартиру оставит, а сам уедет поближе к природе. Но Ежов, чувствую, его дурачил. Выпивуха и бабник.

— А были ли женщины у Плотникова?

На этот вопрос писатель ответил туманно:

— У него деньги были. А когда есть деньги, почему бы не купить все, что нравится?

* * *

В этот ночной клуб Егоров попал по благу. Был у него давным-давно клиент, который потом... В общем, в зал пропустили Егорова без прикличений, лишь качок, стоящий на входе, сопроводил его цепким, оценивающим взглядом.

Клуб был не из фешенебельных, во всяком случае, Егоров рассчитывал увидеть нечто большее, чем обычный зал рестораника, но не увидел. Скромно, в смысле чуть-чуть, одетые девочки разносили напитки, фрайер лет двадцати пяти в дорогах, с золотой оправой очков остановился на несколько секунд за спиной, зашептал:

— "Фен", всего за двенадцать. Ну?

Он предлагал фенамин, расхожий наркотик, всего за двенадцать долларов. Так же тихо, интеллигентно Егоров послал торговца на хрен, даже не повернувшись к нему, не отрывая глаз от работающих на небольшой сцене музыкантов. Вернее, от одного музыканта, саксофониста. Высокий, странно одетый мужчина. Русская кофеворотка, поверх нее заношенный пиджакс оттопыренными, провисшими карма-

нами, на ногах стоптанные армейские берцы, брюки в обтяжку. На фоне остальных лабухов, в костюмах, при бабочках, этот выделялся и неухоженными волосами, свисающими сосульками, как у бездомного терьера. И еще обращали на себя внимание отрешенные, ничего не замечающие глаза.

Наверное, он статью пошел в мать, решил Егоров. Лида говорила, что та была высокой и темной.

— Не совсем Хоукинс, но талант есть, да? Из-за таланта ему и прощают эту экстравагантность. В одежде, я имею в виду. Здесь не принято так одеваться.

Егоров непонимающе взглянул на собеседника, подсевшего за его столик.

— Хоукинс?

Толстенький розовощекий человек, с явным гримом на лице — наверное, артист, решил Егоров — улыбнулся:

— Не согласны, вижу. Да, Хоукинс, наверное, жестче, но почерк тот же!

— Надо бы свой почерк иметь, — обронил Егоров.

— А я не вижу в этом особой беды. Когда Лорик садится за пианино, он напоминает мне Оскара Питерсона. И, может, сознательно копирует того. Так разве это плохо?

Егоров хмыкнул:

— А я как раз гадал, на кого похож Илларион. Думал, на терьера.

— Терьер? — Толстяк закатил глаза, явно перебирая в памяти фамилии музыкантов. — Не помню такого. А вы, простите, хорошо знакомы с Лориком?

Егоров неопределенно пожал плечами. Собеседник истолковал жест по-своему:

— Говорят, у него беда, отец погиб. Не знаете, что там случилось?

— Василия Илларионовича убили, — ответил Егоров, желая показать, что он в курсе дела, и тем самым, возможно, что-либо выудить из толстяка.

— Да-да, — закивал головой тот. — Но в причастность к этому Шуры я не верю. Вы, конечно, знаете эти слухи? Плотников-старший Шуру на дух не переносил, из-за этого и с Лориком конфликтовал, да еще как...

Егорову вдруг захотелось курить, и толстяк, угадав его желание, тут же вытащил сигареты:

— Угощайтесь.

Что-то настораживало Егорова в соседе по столу, но что именно, он никак не мог взять в толк. Нет, толстяк не артист — не

та осанка, не тот голос, не те жесты. Артисты — люди, уверенные в себе, с четкой дикцией... Ладно, пока Бог с ним, с толстяком, сейчас надо в другом разбираться.

Он взял сигарету из протянутой пачки, спросил:

— Илларион всегда ходит без Шуры?

Толстяк тонко захихикал:

— Как же! Шура его где-нибудь одного оставит! Ждите! И вообще в это заведение без спутников мало кто ходит. А вы, я вижу, пришли один. Это для меня маленькая загадка... О, вот, кстати, и Шура.

В проходе между столиками появилось непонятное создание с жеманно поджатыми накрашенными губами, с белыми волосами, сожженными перекисью водорода. Существо было в брюках, в серьгах, в просторном блузоне, и пол его с первого взгляда определить было просто невозможно. Даже имя, произнесенное толстяком, ничего не говорило. Но Егоров начал уже догадываться, в какое общество он попал и почему на лице его собеседника виден след пудры и румян.

— Вы, смотрю, здесь один, — продолжил толстяк, проводив взглядом бесполого Шуру до ближнего к музыкантам столика.

— Один, — сказал Егоров. — Шел мимо, дай, думаю, посмотрю, что это такое — ночной клуб.

Сосед недоверчиво улыбнулся:

— Не надо так шутить. Сюда с улицы не заходят. — Не стерев с лица улыбку, он пристально посмотрел на Егорова. — Вы, наверное, у нас новичок, комплексуете, вам трудно найти напарника — мы ведь уже не мальчики. Я мог бы составить вам компанию...

Жирная белая ладонь потянулась к пальцам Егорова, и он так поспешно отдернул руку, что толстяк вздрогнул:

— А, так вы действительно из тех, кто зовет нас "голубыми" и презирает, да?

— Нет, — честно признался Егоров. — Я вас по-другому зову. Педерастами.

Толстяк слинял моментально, а майор опять поймал в фокус саксофониста. Вот ты, оказывается, какой, Илларион Плотников. Тяжело будет с тобой беседовать. Но — надо!

* * *

Квартира, куда вошел Егоров, тоже была несколько неряшлива и этим похожа на музыканта Плотникова. Егоров и Илларион уселись за кухонный стол в коричневых чайных кляксах. Шура молчаливым

изваянием застыл у электрической плиты, скрестив руки на груди.

— Я так понимаю, что мы будем говорить сегодня только о моем отце?

— Уж во всяком случае, не о музыке. Я в ней профан.

— О музыке я бы мог рассказать больше. Об отце, увы, ничего нового к тому, что изложил вашему коллеге, Мясову, кажется, не добавлю.

— Отец убит, а вы с ним не ладили.

— Но не до такой степени, чтоб стрелять друг в друга. У нас были, скажем так, идейно-нравственные разногласия.

— Василий Илларионович не мог простить вам того, что вы завели друга?

У Шуры побелели губы и сузились глаза. Он обеспокоенно нацелил взгляд на Иллариона. Тот натянуто улыбнулся:

— Я надеюсь, вы не из полиции нравов и не будете мне читать нотаций? — Он чуть помолчал и продолжил: — Впрочем, я не стесняюсь своего образа жизни и буду говорить открыто. Да, отец не приветствовал этого. Но и у меня к нему были встречные претензии.

— Можно узнать, какого характера?

— Нравственного, — вставляя, по слогам ответил Илларион и неожиданно спросил. — Вы пьете?

— Не так чтоб уж и очень, — пожал плечами Егоров. — Но если есть серьезный повод...

— Повод один: чтоб разговор наш клеился. Я сам употребляю очень ограниченно. Шура, принеси нам джин...

Разговор после рюмки пошел несколько веселее, сначала на темы конкретные, потом уже на философские. Илларион никого не подозревал в убийстве отца, не имел по этому поводу никаких версий.

— Отец просто не мог иметь врагов, у него был особый характер, особая линия поведения. Он держался особняком, потому и не нажил ни друзей, ни врагов.

— А Лесняк?

— Анатолий Иванович? — Илларион на миг задумался. — Нет, друзьями я бы их не назвал. Анатолий Иванович, правда, все время претендовал на эту роль, но не думаю, что отец его выделял из числа окружающих.

Серебровских Илларион не знал, Ежова знал плохо, встречал пару раз у отца. Что ему не нравилось в отце? Комплекс нищеты. Да, раньше они действительно жили бедно, долго даже телевизора не имели. Оклад у отца был маленький, подрабаты-

вать он не мог, потому что на самом деле был влюблен в фотодело и отдавал ему все время. Вот уж чего дома навалом было — объективов, химикатов, фотоальбомов. Потом, как говорится, фортуна повернулась лицом. Премии, гонорары. А отец продолжал считать каждый рубль. Он регулярно клал деньги на сберкнижку и ужасно переживал, если последний взнос был меньше предыдущего. Замыслил купить в деревне участок.

— Я ему говорил: отец, на кой черт тебе деревня? Ты никогда в ней не жил, ты не видел, как картошка растет. А он: "Мне не картошка нужна, и не свежий воздух. Я хочу, чтобы у нас был дом!" Отца стало заносить, понимаете? В последнее время он работал еще больше, чем раньше, но уже не потому, что ему сама работа доставляла наслаждение. Он не бродил по городу, не выискивал интересные кадры, он голых баб фотографировал. Я ему: отец, ты же свой талант губишь, а он...

Илларион замолчал, опять плеснул по-немногу из бутылки в стаканы.

— А он? — спросил Егоров.

— А он сказал, что талант утверждается денежным эквивалентом, и поскольку за снимки в стиле "ню" хорошо платят, он готов с утра до вечера придумывать новые позы для своих... фотомоделей, или как их можно назвать?

— Не знаю, — ответил Егоров и спросил в свою очередь сам: — А вы, Илларион, что, за свои концерты деньги не берете?

Шура недовольно засопел, а Плотников-младший, будто заранее подготовившись к такому вопросу, выпалил:

— Не надо сравнивать! Во-первых, я не занимаюсь ширпотребом, "польку-барыню" не наяриваю, понимаете? И во-вторых, финансовая сторона дела меня вообще не интересует.

— На воде и хлебе живете? — Егоров взял в руки бутылку с джином, с преувеличенным вниманием начал разглядывать этикетку. Сама бутылка, кстати, тоже была непростой: то ли чешское стекло, то ли даже хрусталь. — Тогда откуда у вас, Илларион, перстень золотой и крестик на цепочке?

Илларион не нашелся сразу, и в разговор наконец вступил Шура:

— Вы Лорика не совсем правильно поняли. Да, деньги за концерты его не интересуют, он всеми этими расчетами не занимается, но я — занимаюсь. Тут речь не о том, сколько мы берем, понимаете? О другом речь. Лорик мог бы диктовать свои

условия, Лорик с его талантом мог бы играть даже в профессиональных ансамблях, но он не идет на это. Он нашел дело для души и душу свою продавать не собирается.

— Красиво, — качнул головой Егоров и вновь посмотрел на Иллариона. — Значит, отец душу продавал?

Музыкант, кажется, впервые смутился под тяжелым взглядом.

— Во всяком случае, высоконравственной его позицию не назовешь. И если он так часто обвинял в этом меня, то не мешало бы самому посмотреть в зеркало!

— Он снабжал тебя деньгами? — резко перешел на "ты" Егоров.

— Он торговался со мной! — почти зло ответил Илларион. — Он говорил, что все сбережения будут моими, если только я... переменюсь, вернусь к нему, восстановлюсь в институте. Он покупал меня, понимаете?

— И ты не покупался, никогда не брал ни рубля? Ни рубля не брал из рук безнравственного человека?

Пауза затянулась. Шура, решив, видимо, что в таких вопросах он лишний, а может, что другое решив, вышел из кухни, закрыл за собой дверь, но Егоров был уверен: он стоит за ней, дабы услышать ответ Иллариона. Но с ответом музыкант не спешил. Егоров пришел на помощь:

— Илларион, убит человек, соображаешь? Твой отец убит. Мы будем задавать сотни вопросов и на каждый находить ответ. И на этот найдем, даже если ты сейчас промолчишь. Но лучше все-таки тебе не молчать.

— Брал, — глухо сказал Илларион. И тем же тоном, может, еще глуше продолжил: — Но если вы думаете, что я из-за денег, из-за наследства, был способен на... Да я никогда не просил у отца ни копейки, он сам мне давал, понимаете?! И подозревать меня в чем-то...

— А кто вас подозревает? — спросил Егоров.

* * *

Вечером он сидел на кухне, готовил ужин и ждал с работы Лиду. Обычно она приходила к семи, но сегодня пошла на родительское собрание, а оно меньше часа не длится.

И точно: около восьми в прихожей раздался звонок. Вид у Лиды был не только радостный, и Егоров сразу пожалел о том, что отпустил Пашку на улицу, к друзьям. Сын обычно хлопот не доставлял, учителя

были им довольны, но нынче, похоже, случилось непредвиденное ЧП.

— Паша дома? — спросила жена с порога.

— Нет, — ответил Егоров.

— Прекрасно. — Лида не раздеваясь опустилась на стул и подняла глаза на мужа. — Все, Вовочка, на следующее собрание пойдешь ты, понял?

— Следующее будет не скоро, летние каникулы на носу. За это время парень исправится. Что он там натворил?

— Он? С ним проблем нет. С тобой у меня проблемы, Вовочка. Зоя Георгиевна сочинение Пашино зачитывала, а я сидела и краснела.

— С чего это? — спросил ничего пока не понимающий Егоров.

— С того. Тают снега, становятся видны тела убитых, стоит трупный запах... Это наш сын так весну описывает. Не знаешь случайно, под чью диктовку? Не соображаешь, что ты пацану в голову вкладываешь?

— Я? — Егоров почесал затылок и вспомнил недавнюю беседу с сыном за кухонным столом. Было, что-то он спрашивал о весне. — Ну а что тут страшного: нетрадиционно, свежо, самобытно. И главное, все правильно. Неужто наша литераторша это не оценила?

— Оценила, оценила. Сказала, что тебе самому пора книги писать, мышление у тебя образное.

— Она толковая учительница, все правильно говорит. Я сегодня же возьмусь за перо.

— Берись, я же не против. Только так, чтоб Павлик твое творчество не видел. Я ведь знаю твою образность... Ты картошку не поджарил? Кушать хочу — умираю!

— Есть и картошка, и салатик...

Дневник сыщика Егорова

— А кто вас подозревает? — спросил я Плотникова-младшего.

Он ничего не ответил, а вот теперь сижу и соображаю: подозреваю я его или нет? Он совсем не прост, этот Лорик, он мальчик себе на уме. Он правильно решил, что его слезам по убитому отцу я бы не поверил, и избрал другую тактику: я, мол, искренне сознаюсь, что с предком не ладил, никаких отношений, кроме финансовых, не поддержи-

413

вал, потому поверьте мне и в остальном: к убийству я непричастен.

В ночь гибели Серебровского Лорик играл в своем клубе. Что он делал на следующий день, известно только с его же слов: был у себя дома, сидел с Шурой у телевизора.

Шура, он же Александр Тузов, двадцать шесть лет, образование высшее техническое, но работает поваром в ресторане. Живет в квартире матери. Мать воспитывала его одна, она хорошая портниха, работает в ателье и подрабатывает на дому. Три года назад вышла замуж за подполковника в отставке, вдовца, переехала к нему, довольна и счастлива. В общем, все вроде в ажуре, все относительно благополучно. Но однажды я уже вел дело о том, как сын почтенных родителей, замечательных учителей, двадцатилетний балбес, изнасиловал родную сестру... Так что пойдем от фактов. Мог ли совершить преступление Илларион? Если да, то он выбрал для этого очень неудачный день — день рождения отца. Если он не знал Серебровского, не знал Ольгу, то зачем ему было снимать одежду с Василия Илларионовича? Если музыкант врет и он знал чету театралов, то опять-таки нестыковка: он не мог расправиться с Вилем по, так сказать, причине отсутствия своего на месте преступления. Он всю ночь дул в саксофон.

Но вот Шуры рядом с ним, кажется, не было. Надо поработать над этим "кажется". Пусть Мяснов покрутится...

Старший лейтенант Мяснов как раз и оторвал Егорова от писанины.

— Владимир Владимирович, не спите еще? Извините, что поздно звоню, но тут такое дело... Помните, я вам о Райте говорил, о редакторе журнала, где Плотников работал? Так вот, вчера на него совершено покушение, он лежит в больнице.

4.

Поздним мартовским вечером Олег Давидович Райт сидел в своем редакторском кресле, листал верстку очередного журнала и все больше убеждался в том, что номер не получился.

Взгляд опытного редактора лишь скользил по страницам, ему не за что было зацепиться.

Олег Давидович, несмотря на относительную молодость — тридцать три года, возраст Христа, — был уже журналистом опытным, и, конечно же, прекрасно пони-

мал, чего не хватает журналу. "Гвоздя" не хватает: Сумасшедшинки, цвetoвого пятна, броского заголовка, необычного снимка... Сотрудников своих он уже отпустил, так что посоветоваться теперь не с кем. Хотя, положила руку на сердце, сотрудники в этом ему не подмога. Ребята усердные, но задницей берут, а не полетом мысли. Они не поймут, отчего мучается сейчас редактор.

Ладно, сказал сам себе Райт, поздно голову ломать. Надо смириться с неудачей. Обидно, конечно, но что поделаешь? Даже Илларионович на это раз не спас. Сидел полдня в фотолаборатории, но ни одного снимка не положил на стол. Пустая, видно, командировка у него вышла на юга.

В эту командировку Плотников сам напросился. В принципе он поначалу хотел взять отпуск за свой счет, дней на десять: потянуло отдохнуть у моря. Но поскольку мужик он толковый, надежный, то почему бы не сделать ему добро? И Райт отправил его в Сочи от журнала. "Ты только, Илларионович, изюминку оттуда привези, хорошо? Голую негритянку под пальмой найди..."

Плотников ушел домой одним из последних, но даже контрольных отпечатков не показал. Не нашел, значит, негритянку, впустую съездил.

Вообще-то он к себе слишком строго относится, Плотников, иногда даже приличные снимки бракует...

Олег Давидович который раз вздохнул, отодвинул на край стола стопку страниц будущего журнала, встал и пошел в фотолабораторию. Ему нравилось бывать здесь, рассматривать фотографии, слайды, проецировать на белый экран цветные позитивы. Вот и сейчас он включил проектор, вставил в него первый попавшийся под руку слайд. И, ошарашенный, несколько минут сидел не двигаясь, изумленно рассматривая то, что высветилось на экране.

Первый план — огромные листья южно-го дерева. В их обрамлении, как в полуоткрытой зеленой диафрагме, — женщина. Изящно наклонилась, подняла ножку, снимая трусики. Бюстгалтер уже лежит на траве, и темные вишенки сосков подчеркивают округлость и зрелость небольших грудей.

Женщине лет двадцать пять. Длинные, изумительно стройные ноги. Бедро, талия — как у лучших фотомоделей. Полуоткрытый рот: видно, она что-то говорит или

напевает. С веселым прищуром глаза. Темные короткие волосы. Тонкие, но большие в диаметре золотые кольца в мочках ушей. Изящная шейка, высокие дуги бровей, идеальный овал лица — все знакомо. Это... ну да, это святая Анна кисти Эль Греко...

Ай да Плотников! Где же он умудрился найти такую красавицу? Какую же идеальную экспозицию он выбрал для съемки! Женщина стоит на поляне, желтые и голубые цветы словно вытканы вокруг.

Олег Давидович удовлетворенно потер ладони, вскочил со стула, прошелся по лаборатории, рассматривая изображение на экране под разными углами. Вот что нужно журналу, вот что спасет номер! Этот сочный снимок во всю полосу! Завтра же он зашлет его в производство!

И раньше бывало так, что редактор заходил в лабораторию, копался в снимках, выискивал и отбирал понравившиеся ему, даже не согласовывая свой выбор с Плотниковым. Зачастую Илларионович лишь из гонорарной ведомости узнавал о том, что его работы поставлены в номер. Так произошло и сейчас. Ол. Райт начислил ему по высшему разряду и был, признаться, удивлен, что фотомастер выглядел расстроенным, увидев свой снимок в уже отпечатанном журнале.

— Не стоило его публиковать, Олег Давидович.

— Брось приbedняться, Илларионович! Это одна из лучших твоих работ!

— Может быть. Но все равно не стоило...

— Только из-за твоего снимка журнал пойдет на расхват!

Плотников лишь недовольно качал головой.

Распространители нагрузились продукцией, и вскоре журнал был уже на лотках, он лежал там раскрытым именно на той странице, где длинноногая красавица демонстрировала свое изумительное тело на фоне первозданной природы. Райт сам обзвонил к вечеру несколько торговых точек: журнал раскупался.

А утром следующего дня телефонный звонок раздался уже в его кабинете. Незнакомый мужчина, даже не представившись, ошарашил его неожиданным предложением:

— Олег Давидович? Какой тираж вашего журнала?

Выслушал ответ, минуту помолчал и сказал:

— Мы готовы закупить его, весь до еди-

ного экземпляра, по вашим ценам. Только, подчеркиваю, весь до единого! С тем условием, чтоб на лотках этот номер уже не появлялся. Пусть ваши распространители вернут непроданную продукцию в редакцию, мы сами заедем, заберем и заодно привезем деньги.

— Хорошо, — согласился редактор. — Но я не гарантирую, что кто-то не захочет припрятать номера и потом продать их дороже.

Райт произнес это с веселой гордостью, ему было лестно сознавать, что он оказался прав и труд его замечен. Но веселость сразу же улетучилась, потому что изменился тон собеседника. Теперь в нем не было учтивости и слышались железные нотки:

— Олег Давидович, вы, чувствую, не врубались в ситуацию. Это не пожелание, это — наше требование, понимаете?

— Я попросил бы со мной в таком тоне не разговаривать! — Райт собирался уже бросить трубку, но не бросил и выслушал заключительную фразу незнакомца:

— Ты, гнида, лучше не зли! Так ведь можно себе и приговор подписать! К семнадцати часам к тебе подъедет машина, и если не погрузишь в нее все журналы, то лучше сам бросай работу и бери билет в Тель-Авив: тут мы тебе жить не дадим. А вместе с журналами ты передашь нам слайд с этой красавицей. Все понял?

Может быть, и не все, но главное Райт понял: злить говорившего действительно не стоит. Потому он сам на своей "Ниве" мотнулся по городу, переговорил с продавцами, под завязку загрузил журналами салон и багажник. В семнадцать ноль-ноль, как и было обещано, к редакции подкатил вместительный микроавтобус, два молчаливых парня загрузили его журналами, забрали у редактора слайд, точно, до рубля, отсчитали деньги. Перед отъездом один из них сказал:

— Молись, чтоб на лотках журнал не появлялся. Усек?

Через день эти же амбалы подкараулили Олега Давидовича у его машины.

(Продолжение следует)

К 100-летию со дня
рождения С.А. Есенина

НА ЕСЕНИНСКОМ БУЛЬВАРЕ

1.

Сквозь дремоту осеннюю
Солнце дышит едва.
На бульваре Есенинском
Догорает листва —
Разноцветными искрами
Липнет к блочной стене,
К светофорам забрызганным
И к густой тишине.
Позолотой окутанный,
В поле смотрит поэт
И с машиной попутною
Шлет Рязани привет.
Вьются кудри веселые,
Словно песня сама.
Многоэтажными селами
Вырастают дома.
И верста каменистая
Гулом КраЗов жива...
На газонах таинственно
Замерцала трава.
То ли солнцем обманута,
То ли теплым дождем?
Жечь ее и обламывать
Будут ветры потом.
Люди ходят — влюбленные
В журавлиную высь.
И клинками зелеными
Озимь бьется за жизнь.

2.

Птенцы в гнезде успели опериться
И оглашают криками бульвар.
А на газонах тучная пшеница
Разбрасывает зернышками жар.
Свистят в пшенице
перепелки утром.
Щемяще пахнет
спелостью земной...
Но вот сюда автобусом
маршрутным
Приехали студенты в выходной.
Ребята вышли и застыли робко
У краешка асфальтовой тропы...
И, развязав картонную коробку,
Отрядку роздал командир серпы.
Полуденное солнышко над сквером

Покачивалось колосом литым,
Когда девочки сноп вязали первый
И хлебом вдруг пахнуло молодым.
И расступались старые деревья,
И птичий щелк катился стороной.
Стоял поэт в пшеничном озаренье
Не каменный, казалось, а живой...
Шепталась на скамье
влюбленных пара,
Забыв на миг о пашне и стерне,
И что начало этого бульвара
Не где-нибудь —
в приокской стороне.

3.

Пора! И землю греют плугом,
Чтоб в дни морозные она,
Прижатая косматой вьюгой,
Не застудила семена.
И зерна падают безмолвно,
Как капли солнца, в чернозем,
Скрывая изумрудных молний
Животрепещущий излом.
Туманом утренним объятый,
Бульвар теряется вдали.
Урюмой жэковской лопатой
Перевернул я ком земли,
И сразу ощутил, что крепче
Связующих нас нет основ:
Я бросил зерна в память встречи
С великим сеятелем слов.
Пускай забытывы мы были —
Нам без него что без Руси...
Разнорабочие курили,
Поглядывая на часы.
Они догадывались вряд ли
О гениальности своей:
Продолжили вазоны-грядки
Величие родных полей.
И, словно щедро их засеяв,
От солнца не остыве еще,
Крестьянином шагав Есенин,
Пиджак накинув на плечо.

Анатолий БОГДАНОВИЧ

Письмо по поводу

ВСЕ БЫЛО НЕ ТАК,

*как пишет о службе конвойного полка В.Астафьев
в своей повести "Так хочется жить"*

Герой нового произведения известного мастера пера Виктора Астафьева "Так хочется жить" (журнал "Знамя" № 4 за 1995 г.) — Коляша Хахалин, бывший детдомовец, неоднократно раненный в боях Великой Отечественной войны. После очередного госпиталя он волею автора попадает на службу в Ровенский конвойный полк (такое название дал писатель части войск НКВД, действительно дислоцировавшейся некогда в городе Ровно). Здесь и встречает окопник окончание войны.

Описание службы Коляши, общей обстановки в полку заняло в повествовании всего несколько страниц. Но их с избытком хватило, чтобы показать в искаженном виде порядки, состояние дел в "конвойке", охаять, обливать помоями многих офицеров, сержантов, солдат. Чуть ли не все они у Астафьева, кроме разве что нескольких прибывших из госпиталей фронтовиков, "отсидевшиеся в тылу, пресмыкающиеся, исподличавшиеся". По утверждению автора, "конвойный полк кишмя кишел доносчиками, предателями, подлецами..." При конвоировании заключенных стражники отбирали у них ценности и вещи, а при выселении жителей тащили "манатки, золотишко, серебряную утварь". А сколько презрения к воинам полка, его коллективу вкладывает В.Астафьев в слова добившихся откомандирования из части Хахалина и его дружка Жорки-моряка. Первый плачется, что будто бы "не хотел испоганиться в той червивой помойке". Другой поддерживает: "Да-а уж из помоек помойка".

Мне довелось служить в 344-м полку войск НКВД, дислоцировавшемся как раз в Ровно. Прибыл я в часть после общевого учлища в первых числах июня 1945 года, то есть в тот период, когда и происходили события, описываемые в повести. Поэтому, думается, я вправе срав-

нить нарисованные В.Астафьевым "картинки", характеристики офицеров и солдат, взаимоотношения между ними с действительной обстановкой в части.

344-й полк был развернут на базе 162-го отдельного конвойного батальона в марте-апреле 1945 года. Офицеры и солдаты прибывали сюда на пополнение в основном из частей Красной Армии, госпиталей, как, в частности, и герой повести Коляша Хахалин. Кадровых, "сытых", по выражению В.Астафьева, конвойников в каждой роте было раз-два и обчелся. Ведь 162-й отдельный батальон, сформированный в конце 1943 года, состоял в значительной степени тоже из бывших фронтовиков, прошедших горнило войны и узнавших почем фунт лиха окопного.

В 1945 году полк выполнял задачи по внешней охране тюрем в городах Ровно, Луцке, Владимире-Волыньском, Кременце, лагерных отделений в Ковеле, Полонном, Малине и других населенных пунктах, где содержались немецкие военнопленные. Мы также осуществляли конвоирование осужденных уголовников и бандитов. Выселением семей бандпособников (по терминологии того времени) полк не занимался. Эти задачи выполняли органы внутренних дел и госбезопасности при содействии оперативных частей внутренних войск.

Даже по прошествии стольких лет отчетливо вспоминается, что военнослужащие относились друг к другу доброжелательно, а зачастую просто по-братски. И быть другими они, эти взаимоотношения, вполне естественно, не могли. Уже хотя бы потому, что в воинских коллективах проходили службу, что называется, "отцы и дети" — 18-20-летние ребята и солдаты из запаса в возрасте 40-45 лет и старше.

Конечно, были самовольные отлучки, иногда, чего греха таить, и пьянства, другие нарушения воинской дисциплины и порядка. Но все они не оставались без воздействия со стороны командиров. провинившихся строго наказывали, вплоть до привлечения к уголовной ответственности. А вот о таких фактах, когда, как пишет В.Астафьев, старшины и сержанты "избивали в каптерках строптивых нестроевиков", я и слыхом не слыхивал. Надо отметить, что большинство старшин рот, помощников командиров взводов были участниками войны, зачастую такими же вынужденными "нестроевиками" по ранению. Поэтому утверждение о чуть ли не массовом мордобое не что иное, как еще один ушат помоев на конвоиров, которых кому-то сильно нравится поливать грязью...

Среди офицеров полка значительную, если не сказать большую часть составляли опять же бывшие фронтовики, имевшие и боевые награды, и ранения. Многие по состоянию здоровья были ограниченно годными к военной службе. После окончания войны некоторые из них стремились уволиться. И командование шло им навстречу. К тому же для этого сложились благоприятные условия: в июне 1946 года полк был расформирован. Но немало было и таких офицеров, кто надолго связал свою жизнь с внутренними войсками. Могу по памяти из их числа назвать Н.А. Дьяконова, И.П. Попкова и других бывших фронтовиков...

В повести упоминается о зверской расправе бандеровцев над начальником штаба полка безымянным подполковником, который якобы приехал на свидание с любовницей-учительницей в одно из пригородных сел, где вместе с ordinaryцем-сержантом был схвачен оуновцами и заживо сожжен. И опять-таки вроде бы достоверный факт В.Астафьев извращает ради того, чтобы очернить офицеров полка, показать, видите ли, присущую им аморалку и половую распущенность. Как это читабельно: был женат, имел ребенка и ездил на любовные утехы к бабенке, у которой и нашел свой бесславный конец.

На самом деле обстоятельства гибели начальника штаба полка 28-летнего капитана Александра Бурцева совсем иные. Новый энша прибыл в часть после учебы в Высшей пограничной школе в первых числах июня 1945 года. Дней через 7-8 после вступления его в должность случился побег одного из осужденных с места работы по восстановлению здания областного управления НКВД. Офицер лично возглавил розыск бежавшего пре-

ступника. Вместе с двумя отделениями автоматчиков он выехал на автомашине в село, где до ареста проживал беглец — участник бандеровской банды.

Оставив на полпути автомашину (проехать дальше на ней было невозможно), поисковая группа продолжила выдвижение на крестьянских подводах. Попала под огонь засады. Завязалась ожесточенная схватка с численно превосходящей бандой. В этом боестолкновении и погибли начштаба капитан А.Бурцев, четыре солдата и водитель из областного управления НКВД. Как видим, реальность не имеет ничего общего с тем, как преподносит этот факт писатель.

Словом, строки, посвященные конвойному полку, как, впрочем, и многие другие, пронизаны стремлением огульно охаить существовавшие в то время порядки в частях и учреждениях Красной Армии и войск НКВД, желанием показать офицеров, сержантов, особенно старшин рот шкурниками, пьяницами, аморальными личностями, творящими произвол в отношении подчиненных. Понять это мне и многим моим товарищам, в том числе и ветеранам войны, трудно, ведь автор — сам "побратим-окопник", что он подчеркивает еще раз в своем эпиграфе-посвящении.

Писатель, конечно, имеет право на вымысел... Пусть все допущенные Виктором Астафьевым неточности останутся на его совести. Вот только, как сказал один мой знакомый фронтовик, перефразируя известную поговорку, запачкавшись грязью лжи раз, можно уже никогда не отмыться добела...

А может быть, Астафьев посчитал, что не так уж и много осталось в живых очевидцев тех далеких событий, не утративших память, и в угоду каким-то соображениям всяк волен толковать те или иные факты по-своему? Отнюдь, слава Богу, мы — есть. И нас немало еще. И мы в отличие от иных конъюнктурщиков не заражены безразличием. Безразличием ко всему тому, чем мы жили полвека назад. История страны — это наши судьбы, наша память, наша надежда.

И последнее. Автор повести "Так хочется жить" называет главаря украинских националистов Бандеру — Бендерой, а бандеровцев — бандеровцами. Что это? Незнание истины или в том опять же заключен некий смысл?

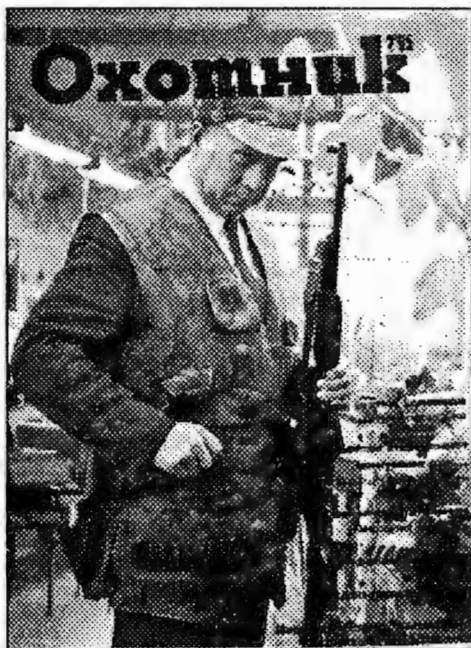
**Полковник в отставке В.ЕЛАГИН
(в 1945 году — младший лейтенант,
командир взвода).**

У нас в гостях журнал
Всеармейского охотничьего
общества

Год рождения — 1965-й!

Журналу "Охотник" в нынешнем году — 30 лет. По людским меркам — молодо-зелено. А по журналистским — в расцвете сил. Надеемся, что так оно и есть. Пройдемся, читатель, вместе хотя бы по страницам майско-июньского номера. На первой его полосе обозначено — №3, в скобках цифра 169. Она говорит, что с 1965 года за 30 лет вышло в свет почти 170 книжек журнала. Это уже солидный рубеж. И все номера без исключения адресованы беспокойному племени охотников и рыболовов. Да, и рыболовам, потому что с "колыбели" издание публиковало много материалов для последних. И делить-то охотников и рыболовов на два клана неправомерно. Большинство из них и тот, и другой вид спорта любят. К тому же в широком смысле слова охота включает и рыбалку. Сказать об этом считаем нужным "чистым" любителям рыбной ловли.

Третий номер особый, он посвящен великой дате — 50-летию Победы. Впечатляет блок материалов, присланных на конкурс в честь полувекowego юбилея этого знаменательного события. Любовь к природе, охоте пронизана подборка стихов Героя Советского Союза полковника в отставке Михаила Борисова "Я запомнил навек..." О воине-ветеране, опытным охотнике и рыболове очерк полковника Валерия Афанасьева "Щедрое сердце". Кстати, оба автора — офицеры внутренних войск: первый на заслуженном отдыхе, второй — в строю. Содержательны, хорошо иллюстрированы разделы журнала: "Охота",

"Рыболовство", "Оружие", "Путешествия", "Собаководство" и другие.

Собственно юбилейный — четвертый номер "Охотника". Слово о журнале здесь предоставлено читателям. Постоянные авторы радуют лучшим из написанного. Сахалинский журналист В. Цуренко выступает с рассказом "Не буди лихо", получившим 1-ю премию на конкурсе журнала в честь Великой Победы.

В планах редакции на будущее — расширять и углублять охотничью и рыболовную тематику, множить число публикаций из практики и для практиков, заботиться о литературных и художественных достоинствах журнала.

Надеемся, что поможет этому очередной творческий конкурс, посвященный 75-летию Всеармейского охотничьего общества, исполняющемуся в конце 1996 года. А пока предлагаем читателям журнала "На боевом посту" познакомиться с подборкой материалов, специально подготовленных для центрального издания внутренних войск МВД России. Обмен полосами — добрая и давнишняя традиция творческих коллективов наших редакций. Хочется верить, что она поможет приобрести нам новых подписчиков и поклонников. Подписной индекс "Охотника" — 70688.

Полковник в отставке К.ОГЛОБЛИН,
член редколлегии журнала "Охотник",
ветеран внутренних войск.

Насадки**А вот галушку извольте...**

Карп в питании разборчив. Он имеет особое пристрастие к мягким насадкам, ароматно пахнущим. Я и мои товарищи изготвили рецепт насадки из теста, которая не размокает быстро в воде и которую охотно берет карп. Это — галушка. А приготовить ее совсем несложно.

Запоминайте. Берутся 2-3 столовые ложки пшеничной муки, ложка манной крупы, сырая картофелина, размельченная в мясорубке и в ступе, сырое яйцо. Все это перемешивается, смачивается водой (должна получиться тягучая масса), затем добавляется очень мелко размельченный жмых до тех пор, пока тесто не станет легко отставать от пальцев. После этого ему придают форму шариков нужной величины или лепешек, которые затем легко можно разрезать на квадратики.

Приготовленные шарики или лепешки варят в кипящей воде до их всплытия.

Насадка готова. Этот "кулинарный изыск" хорошо держится на крючке. Галушка не спадает при самых длинных забросах, не размокает, приятно пахнет. Еще одно ее достоинство: мелкая рыбешка бесцельно расщипать упругую массу. Зато карп, лещ, язь, плотва, карась предпочитают мучное изделие всем остальным насадкам. Идя на водоем с галушками, можно быть уверенным, что возвращаться будешь с рыбой.

И последнее — о хранении насадки. Галушки удобно держать в жестяной банке. Их сохранность увеличится, если в банку налить столовую ложку подсолнечного, а лучше — конопляного масла.

К.ФОМИН.

Рассказы у костра**Пожадничал**

Имея две лицензии, два друга ехали трудной тундровой дорогой в угодию охотхозяйства. Постепенно сопки становились выше, а склоны их круче и лесистее. При подъезде на всякий случай расчехлили одно ружье и продолжили путь.

Обогнув очередной выступ сопки, сколотый аммоналом, охотники оказались на прямом насыпном участке дороги и вдруг увидели... здорового глухаря. Он тыкался клювом в щелбенку. А когда заметил ма-

шину, попытался взлететь. Но, к изумлению друзей, свалился с насыпи на камни.

Водитель затормозил, а пассажир выскочил из машины с ружьем и быстро зарядил его. Глухарь отчаянно бил крыльями по каменной насыпи. Его хвост задирался кверху, а голову так и не смог поднять. Закончилось все это кувырком через голову, чему помог и небольшой уклон.

— Он что, больной? — крикнул товарищ, выйдя из-за руля.

— Скорее, подранок...

С этими словами охотник вскинул ружье и с чистой совестью нажал на спуск: обреченного лучше добить.

Подняли трофей и внимательно осмотрели.

— Следов других попаданий нет, — заметил стрелявший. — Неужели действительно больной?

— Может, и так, но дистрофиком его не назовешь, — весело возразил товарищ, разом исключив предположение о скрытом птичьим недуге.

Подивившись солидному весу трофея, так и не поняв причину несостоявшегося взлета, сели в машину.

А дома едва прикоснулись ножом к зубу ошипанного глухаря, присвистнули в изумлении: на стол обрушился настоящий камнепад, выросла солидная гора гравия...

Наверное, в предчувствии недалекой зимы и долгой полярной ночи глухарь вылетел из дебрей на дорогу, которая была в тот час пустынной и показалась безопасной, чтоб заготовить "жернова" для перетирания хвои. Да, видать, пожадничал...

Н.СТУПНИКОВ.

Проспала

Во второй половине дня обнаружил жировку русака, начал тропить. Но на второй сдвойке просмотрел скидку и на месте лежки косога обнаружил лишь подтаявший снег.

Только к вечеру поднял русака, произвел по нему выстрел. Заяц покачнулся, сбавил ход, но успел скрыться за кустами. На следе остались клочки шерсти и капли крови. Преследовать подранка было нецелесообразно — стало темнеть.

На следующий день с рассветом добрался до оставленных вечером вещей и начал понск. Вскоре увидел, что к заячьему следу присоединился лисий. Следы вели в лошину, поросшую ельником. До нее заяц дважды ложился. При выходе на опушку лисица словила подранка, плотно позавтракала, а оставшуюся часть зарыла в снег. "Обрезав" место трапезы, нашел выходной след лисы

и двинулся вдоль него. После небольшого круга след вновь меня вывел к ложине. Там у двух сосенок я увидел рыжий клубок: "Лиса или засохшие сосновые ветки?" Ветер дует в мою сторону. Иду вперед... Лиса!

Рыжая неохотно и медленно подняла голову, на какое-то мгновение замерла, потом с визгом вскочила и бросилась бежать в поле. Но было слишком поздно.

Полковник Г. БЕЛОБОРОДОВ.

Хотим же верить, хотим же неж

Шавка в роли гончей

Приехали на кабана, но заболел егеря. Разрешил проверить ольховое буреломное болото недалеко от деревни. Продираюсь через поваленные деревья, кусты тальника. Впереди изредка визгливо тявкает какая-то шавка. Снег глубокий, идти тяжело. Остановился, чтобы перевести дух.

Неожиданно вижу, как в кустах с бугорка по снегу бежит мышка. Замедлила бег, потом вновь припустилась. Странно, правда, как-то движется. Пригляделся — да это вовсе и не мышка, а... кончики заячьих ушей. Они у беляка черные. Теперь разглядел и самого зайца. И он на меня смотрит, наверное, принимает за неодоушвенный предмет, для него неопасный. И все это в каких-нибудь двадцати шагах.

Поднимаю ружье, а в стволах жаканы. Неужто пулей стрелять? Прицеливаюсь в голову — он все сидит. Почему-то пожалел несмышленного, к тому же сидячего, опустил стволы. В это время раздался уже знакомый лай, и косой исчез. За ним следом в сотне шагов "плыла" по рыхлому снегу небольшая, явно не знатного происхождения собачонка...

Да, и из-под такого "гончика" можно, выходя, стрелять зайцев. Правда, удовольствия от подобной охоты будет меньше. Косой "пешую" псину наподобие той дворняжки не шибко боится, ведет себя спокойнее, и добыть его обычно гораздо легче, чем во время яростного гона классными гончими.

Вопреки пословице

Говорят, за двумя зайцами погонишься — ни одного не поймаешь. А у меня был иной случай. Охотились мы во время отпуска на Каспийском побережье по кабану. При этом довольно часто встречали длинноухих. Захотелось на прощание сходить специально за ними. Местные нам подсказали, куда следует выбраться. Прибыли, когда уже смеркалось. Вовсе нам там не понрави-

лось: гладкий, как стол, вытопанный скотом выгон и на нем клочки невысокой, до колен колючки. Хотели было повернуть назад, но нет оптимистичнее людей, чем охотники. Решили все же проверить.

...Передо мной площадка колючки размером в малометражную московскую квартиру. В полной уверенности, что здесь ничего не может быть, подхожу к сухим клубкам — точно ежовая шкура — их даже верблюды не трогают. И вдруг рядом вскакивает заяц. Прикладываюсь и вижу, как поднимается второй. Стреляю в первого — падает. Не отнимая ружья от плеча, бью из левого во второго — тоже готов. И тут поднимается третий. Ружье разряжено, однако успел всунуть патрон и на дальней дистанции зацепил косога. Немного позднее его добрали. Только перезарядил ружье и сделал несколько шагов, как из тех же колючек почти одновременно вылетают и после дуплета падают еще два русака.

Вот так на глазах товарищей в первый и, похоже, последний раз в жизни опроверг популярную пословицу: двумя дуплетами чисто положил четырех зайцев! А всего мы на площадке размером примерно 400 на 400 метров за неполный час (пока не стало темно) подняли десятка два русаков. Двенадцать из них положили в машину. Такое обилие зайцев объяснялось просто: местное население их не употребляло в пищу, а городские охотники здесь предпочитали более добычливую охоту — на уток и кабанов.

Ю. КАММЕРЕР.

Карасинный профессор

Устроился на берегу озера, забрасываю удочку.

Примерно через час подъезжает ко мне на дребезжащем велосипеде мужичок неопределенного возраста, в кургузом пиджачке, кепочке и шароварах — явно из соседней деревни. К самокату привязана кривая ветка метра три длиной — удочка.

Поздоровался, спросил, как успехи. Я с гордостью показал свой уже довольно весомый улов. Мужик, назвавшийся Николаем из Ореховки, посидел, прикурил, затем попросил разрешения порыбачить рядом.

— Какой разговор! — отвечаю, а сам прикидываю: такой кочергой он далеко не забросит, нам не помешает.

Николай не спеша разобрал свою снасть и закинул ее буквально в метре от берега, сделав всего двадцатисантиметровый припуск от поплавка. Через пару минут он выудил приличного карася, а затем начал их таскать почти без перерыва. Я же, как ни старался, не мог поймать больше и крупнее, чем он.

Примерно через часа два Николай наполнил свой садок рыбой. Он намного обогнал и меня, и товарищей и стал готовиться к отъезду. Решив разговорить, выудить секреты такого невероятного везения, угостил его фирменной сигаретой. Поначалу Николай отмалчивался, потом изрек довольно длинную фразу:

— Смекаешь, кореш, день был сегодня жаркий, поэтому к вечеру при отсутствии ветра карась должен был к берегу выйти. Причем, чем он крупнее, тем ближе к земле норовит, такая уж у него натура. А погоду я за сутки нутром чую, — сказал “карасный профессор” на прощание.

Мне осталось только проводить его за востливым взглядом.

В. СЕРГЕЕВ.

Трофей... сбежал

Запутав гончих, на пределе идет беляк. После выстрела остается на снегу. Подходит стоявший недалеко напарник:

— Поздравляю! Наконец-то! Полдня нас мучил. Дай нож, отрежу пазанки.

С этими словами он берет зайца и высоко поднимает. И тут происходит неожиданное. Косой резко дернулся, вырвался из рук ничего не ожидавшего товарища и как ни в чем не бывало кинулся наутек.

...Возвращаемся с охоты на грузовой машине. На очередной колдобине автомобиль трянуло. И тут один из лежавших добытых зайцев вскочил, одним прыжком перемахнул через борт и растворился в наступившей темноте...

Ю. ЮЛБЕВ.

Новинки литературы

Вышла в свет давно ожидаемая охотничьей общественностью брошюра “Охотничий минимум”. Пособие адресовано вступающим в члены охотничье-рыболовных обществ Российской Федерации. Предназначено для подготовки к сдаче охотминимума и повышения знаний у тех, кто уже вступил в члены охотничье-рыболовных организаций.

В брошюре изложены основы организации охоты и рыбной ловли в России, история охотничье-рыболовных обществ России, их цели и задачи, показана работа структурных организаций и подразделений. Рассказано об охотничьих животных. Названы задачи по охране природы и проведению биотехнических мероприятий в охотхозяйствах, даны советы и рекомендации, направленные на овладение опытом охоты и рыболовства. Приведены типовые вопросы на экзаменах, перечень документов и рекомендуемая литература.

Брошюра рекомендована Департаментом по охране и рациональному использованию охотничьих ресурсов Министерства сельского хозяйства и продовольствия Российской Федерации.

“Охотничий минимум” можно приобрести в магазинах “Военехот” и других охотничьих магазинах столицы. Практикуется оптовая продажа (справки по тел. (095) 188-78-74, 188-33-38). По письменной заявке брошюра высылается наложенным платежом. Адрес: 117513, Москва, а/я 20.

По этому же адресу можно заказать брошюры “Как снаряжать патроны”, “Как сохранить мясо дичи и рыбы”, а также книги “Записки псового охотника”, “Твой друг и помощник”, “Каталог охотничьих собак ВОО”, справочник “С ружьем и удочкой”.

В. СЕДОЙ.

Снасти

Спаситель блесен, мормышек

Предлагаю образец отцепа, без которого на рыбалке, особенно при отвесном блеснении в закоряженных местах, просто не обойтись.

Рис. 1. Отцеп (вид сбоку):

А) свинцовый корпус отливается в гипсовую форму размером с куриное яйцо;

В) ушко для шнура;

С) кольцо из толстой проволоки (с внутренним диаметром до 30 мм), не до конца согнутое.

Рис. 2. Кольцо (вид сверху):

а) припаянный конец пружинки длиной 30 мм — от бу-
дильника;

б) неприпаянный конец пружинки, плотно прилегающий к кольцу;

с) прорезь, в которую заводится леска вовнутрь кольца.

В. ЗОЛОТАРЕВ.

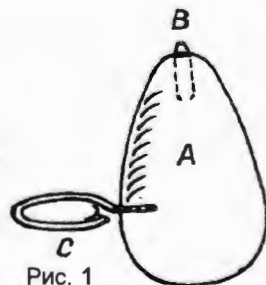

Рис. 1

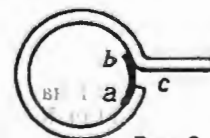

Рис. 2

Кто скрывается под псевдонимом?

Треческое слово "псевдоним" в переводе на русский язык означает подпись, которой человек заменяет свое настоящее имя. Псевдонимы применяли издавна во всех странах, и особенно на Востоке. Причины, по которым это делалось, самые разнообразные: укрытие от преследований цензуры, неблагозвучная фамилия или наличие однофамильцев, желание сохранить инкогнито или подчеркнуть какое-либо свое качество, особенный путь личности и своего творчества, сословные предрассудки и т.п.

Придуманными именами пользовались и пользуются государственные и политические деятели, писатели, художники, композиторы, журналисты, артисты. Некоторые из них имели по несколько псевдонимов. Так, у В.И. Ульянова (Ленина) было их около 150: Автор, Большевик, Иванов, Ильин, Карпов, Куприянов, Ленивец, Наблюдатель, Правдист, Старик, Статистик, Читатель "Правды" и "Луча", Юрданов и другие. Немало их было и у русского теоретика и пропагандиста марксизма Г.В. Плеханова: Алексеев, Андреевич, Бельтов, Бочаров, Волгин, Валентинов, Кирсанов, Ушаков. У русского публициста и фельетониста В.М. Дорошевича были такие придумки, которыми он подписывал свои произведения: Безпристрастный, Безшабашный корреспондент, Будильник, Дагомей, Дипломат "Будильника", Жан Хлестаков, Забавник, Икс, Игрек, Летописец, Очевидец, Профан, Семь Симеонов, Сын своей матери, Шаловливый Власик, Фотограф. Русский писатель А.П. Чехов под своими рассказами ставил такие подписи: Антоша, Анче, Грач, Брат моего брата, Врач без пациентов, Кисляков, Некто, Чехов-те, Шампанский и другие. А писатель-сатирик А.Т. Аверченко подписывался как Арк. Васильев, Волк,

Гамма, Друг Фомы Опискина, Интервьюер, Медуза, Мимоза, Несчастливцев, Покойный Фома, Редакция, Счастливец и т.д.

Различные и интересные подписи придумывал к своим рассказам и статьям писатель В.А. Гиляровский: Ага, Вальдемар Велосипедов, Веревкин, Генерал Гиль, Джуря, Душановец, Дядя Занд, Иванов, Ижицын, Ликий, Осетр, Проезжий корнет, Пропеллер, Рядовой, Спортсмен, Свой человек, Уголек, Украинец, Филька, Фуражка с кокардой, Французик из Бордо, Театральная крыса и прочие. Однако, как утверждают знатоки, рекордсменом среди приверженцев прятаться под псевдонимами был писатель-юморист К.А. Михайлов — их у него насчитывалось более 300!

Некоторые псевдонимы вытесняли настоящую фамилию автора и становились постоянными на всю жизнь. Особенно характерно это, пожалуй, для политиков-марксистов в России в XIX и начале XX века. Кроме упоминавшегося В.И. Ленина имели постоянные не свои фамилии В. Володарский — настоящие фамилия и имя Моисей Гольштейн, Г. Зиновьев — Радомысльский, Л. Каменев — Розенфельд, С. Киров — Костриков, В. Молотов — Скрябин, И. Сталин — Джугашвили, М. Томский — Ефремов, Л. Троцкий — Бронштейн. Среди иностранных государственных лидеров партийные клички закрепились, например, за канцлером ФРГ Вилли Брандтом — Герберт Карл Фрам, Фавлой германского фашистского государства Адольфом Гитлером — Шикльгрубер.

И писателей, для которых псевдонимы стали фамилиями, можно назвать М. Горького — Пешков, А. Гайдара — Голиков, Д. Гранина — Герман, В. Вересаева — Смидович, А. Ахматову — Горенко, Э. Баг-

рицкого — Дзюбин, А. Неверова — Скобелев, Г. Николаеву — Волянская, Б. Полевого — Кампов, К. Чуковского — Корнейчуков, М. Шатрова — Маршак, Стендаля — Анри Мари Бейль.

Не оставали в этом плане от писателей и артисты, художники, музыканты. Так, цирковой клоун М. Карандаш имел настоящую фамилию Румянцев, драматические артисты В. Качалов — Шверудович, К. Станиславский — Алексеев, Н. Анненков — Кокин. Итальянская киноактриса Софи Лорен была Шиколоне, французская певица Эдит Пиаф — Гасьон, знаменитый композитор, автор многих оперетт Жан Оффенбах — Яков Эшберт, а украинский композитор Я. Степовой — Якименко.

Иногда авторы присоединяли к своей настоящей фамилии псевдоним и тогда получалась двойная фамилия: М. Салтыков-Щедрин, А. Новиков-Прибой, С. Сергеев-Ценский и т. п.

Псевдоним в ряде случаев указывает на национальность автора. Допустим, у Леси Украинки родная фамилия Лариса Косач-Квитка. А тот же В. Гиляровский прибавлял нередко к фамилии слово "украинец".

Некоторые авторы, желая подчеркнуть пристрастие к чему-либо, подписывали свои произведения так, к примеру: Один из почитателей Островского (писатель Д. Аверкиев), Лирик Цветного Бульвара (сатирик Б. Алмазов), Отъявленный балетоман (театральный критик А. Баженов),

Неунывающий гражданин-писатель П. Боборыкин, ветеран 1812 года (поэт П. Вяземский), Бывший затертый матрос (писатель Новиков-Прибой), Ротный командир (автор работ по военным вопросам М. Тарасов), Любитель флоры (ботаник В. Цинглер), Врач без пациентов (писатель А. Чехов).

Есть псевдонимы, которые образованы на основе различных манипуляций с настоящими именами и фамилиями. Вот лишь несколько образцов: Ильф — писатель Илья Файзильберг, Грин — писатель Гриневский, Ян — Янчевский, Панч — Панченко. А баснописец Иван Крылов использовал для псевдонима анаграмму и получилось Нави Вольтырк. Писатель Сергей Аксаков применил числовые значения букв кириллицы 200-1-С.А.

Редко, но встречаются случаи, когда автор меняет только свое имя, а фамилия остается прежней. Так, "родительское имя" известного нам писателя Константина Симонова — Кирилл, а автора поэмы "Война в мышеловке" Велемира Хлебникова — Виктор.

Известны случаи, когда псевдонимы маскировали авторов, приписывая несвойственные им качества. Это когда женщины брали мужские имена, фамилии и наоборот. Автор романа "Консуэло" Жорж Санд является французской писательницей Авророй Дюпен. Русская детская писательница М. В. Ямщикова, автор жизнео-

писаний писателей, художников и композиторов взяла постоянный псевдоним Ал.Алтаев. Другая наша писательница А.Я.Панаева, автор романов "Мертвое озеро", "Женская доля" и др. подписывалась иногда как Н.Станицкий. Мастер новелл Проспер Мериме редко, но подписывал отдельные свои сочинения как Клара Газуль. В России в 1840 году была издана книга от имени госпожи Курдюковой — такой псевдоним взял писатель И.П.Мятлев.

Были авторы, которые брали псевдонимы с целью вызвать у читателей определенные ассоциации и настроения. В основу одних положены явления природы (Прибой — у поэта и писателя А.Богданова, Степняк — у писателя Н.Бунакова, Таежный — у журналиста А.Варенцова, Вулкан — у поэта Л.Пальмина), названия красок (Черный — у поэта А.Гликберга, Зеленый — у фельетониста В.Дорошевича, Красный — у К.Антипова), названия растений, птиц, насекомых и животных (Волк — у писателя А.Аверченко, Уж — у поэта В.Лихачева, Муха — у драматурга А.Плещеева, Акула — у писателя С.Уколова, Грач — у писателя А.Чехова, Филин — у поэта и прозаика Ф.Шкулева, Крапива — у журналиста Д.Кирина, Мимоза — у поэта И.Лотарева, Астра — у поэта и писателя А.Богданова).

Некоторые придуманные имена производят комический эффект, позволяющий привлечь внимание к автору. Например, Московский Дон-Кихот — Б.Алмазов, Московский Фауст — А.Амфитеатров, Неунывающий гражданин — П.Боборыкин, Гвоздь — В.Бонч-Бруевич, Мухомор — В.Воровский, Гражданский самоубийца — А.Герцен, Благородная россиянка — Е.Дашкова, Зубоскал — Ф.Достоевский, Крахмальная манишка — В.Катаев, Голос из толпы — Н.Лесков, Зубило — Ю.Олеша, Семипядейволбу — А.Гольденберг, Черная маска — А.Гомолицкий, Ковбой — Н.Горбачев, Сумасшедший политик — В.Карцов, Собакевич — Е.Катаев, Красный петух — В.Князев, Новейший поэт — А.Козлов, Залетная птица — А.Круглов, Ваш старый знакомец Зубастый — Н.Рабинович и Т.П.З.П.

Иногда встречаются псевдонимы, которые имеют вместо подписи другие типографские обозначения: звездочки, знаки

препинания, латинские и иностранные буквы, математические символы, геометрические фигуры.

Вызывает интерес происхождение многих псевдонимов. Например, писатель Борис Полевой, будучи Борисом Камповым, в 14 лет свою первую заметку в газету подписал как "Б.Овод". Однако редактор посоветовал ему подписывать последующие заметки словом "Полевой", что и вошло в постоянную практику. Таким образом, Кампов, по сути, утратил свою настоящую фамилию. Алексей Пешков первые свои произведения подписывал именем своего отца — "Максим", которого он любил и рано потерял. А фамилия Горький соответствовала его нелегкой жизни в молодости. Русский писатель А.И.Куприн подписывал свои ранние произведения именем "Алеко" — героя пушкинской поэмы. Он находил в нем много схожих черт и заявлял, что он "тоже изгнанник перелетный, гнезда надежного не знал". Русская поэтесса Анна Горенко вошла в литературу под фамилией своей бабушки — Ахматовой, которую считала своей второй матерью и которой многим была обязана.

В некоторых странах, особенно на Востоке, фамилии представляют собой производные от имени отца. Так, у аварского поэта Гамзата Цадасы сын Расул стал Расулом Гамзатовым.

Немецкий писатель Рудольф Дитцер известен как Ханс Фаллада. Псевдоним этот он взял из любимых им сказок братьев Гримм. В одной из них — "Гусятница" — Фалладой звали лошадь, которая говорила только правду.

И в наше время псевдонимы весьма распространены. Особенно это характерно для эстрадных артистов: многие из них предпочитают не выступать под своими настоящими фамилиями. Так, за именем Михаил Звездинский стоит Михаил Дейнекин, Вячеслав Добрынин — Вячеслав Антонов, Стас Намин — Анастас Микоян, Александр Малинин — Александр Выгузов, Клара Новикова — Клара Герцен, Наташа Королева — Наташа Порывайко...

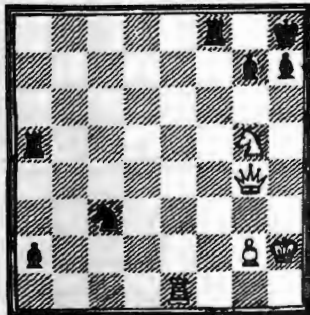
публикацию подготовил
Е.КУЛИКОВ.

шахматный клуб

Под редакцией
мастера спорта
А.КАЛИНИНА

Пять минут на диаграмму

№ 28. 1787

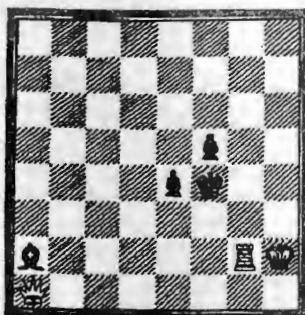

Мат в 3 хода

№ 29. А.Петров, 1845

Мат в 5 ходов

№ 30. Д.Добрусский,
В.Шинкман, 1883

Мат в 3 хода

Попробуйте решить эти старинные задачи. Если их секреты окажутся трудными, то обязательно посмотрите решения.

Идея трехходовки № 28 — двойной удар: 1...Ле8! Л:е8 2.Фh5!! 1...Лaa8 2.Фf5! В финале пятиходовки № 29 неожиданный цугцванг: 1.Кg5+ Крh6 2.Лh8+! С:h8 3.Кpg8 Кd6 4.Кр:h8 К— 5.Кf7X!

Миниатюра № 30 восхищает, это жемчужина. 1.Лg3, цугцванг; 1...Сb3 2.Фb2! С— 3.Фb8X!, 1...Сс4 2.Фс3!, 1...Cd5 2.Фd4!, 1...Се6 2.Фf6!, 1...Сf7 2.Фg7!, 1...Сg8 2.Фh8! С— 3.Фb8X!

Любителям гетеродоксальных жанров предлагаем решить нетрудные задачи.

№ 31. Крh2, Фa1, Сb3 (3) — Крс5, Лс3, п. a5 (3), кооперативный мат в 2 хода, 2 решения (первый ход делают черные).

№ 32. Крf1, Фс2, Лh4, Сс1, Кd6, Кf5 (6) — Крf3, Фa1, пп. f6, f2 (4), обратный мат в 2 хода. В этой задаче ограничивается подвижность черной фигуры и достигается благодаря этому цугцванг.

События в шахматном мире

33-я Всемирная шахматная Олимпиада и Конгресс ФИДЕ пройдут в 1998 году в столице Калмыкии Элисте. Об этом заключено соответствующее соглашение, согласно которому Калмыкия построит высококлассную гостиницу и олимпийскую шахматную деревню из 180 коттеджей. После Олимпиады коттеджи будут переданы местным жителям.

В порядке подготовки к Всемирной Олимпиаде Калмыкия обязалась открыть детскую шахматную школу.

В широкой среде любителей шахмат популярен блиц, когда каждому игроку отводится по пять (или меньше) минут на всю партию. ФИДЕ признала блиц такой же игрой в шахматы, как и с обычным регламентом. Разработаны правила игры для пятиминутных шахмат, опубликованы они в журнале "64 — Шахматное обозрение"

№ 4, 1995 г. По этим "Правилам шахмат ФИДЕ" можно проводить официальные соревнования, награждать победителей, присваивать спортивные разряды. В будущем возможны, видимо, международные соревнования по правилам блица.

Как известно, PCA (Профессиональная шахматная ассоциация) претендует на ведущую роль в проведении важнейших международных соревнований, являющихся прерогативой ФИДЕ, ввиду чего между этими организациями сложились враждебные отношения. Но вот на конгрессе ФИДЕ в Москве в декабре 1994 года достигнуто соглашение, по которому PCA получило право на организацию и проведение очередного первенства мира. ФИДЕ же получает в 1995 году 50 тысяч долларов от Генерального спонсора PCA, а с 1996 года сумма эта увеличивается в четыре раза. Г.Каспаров заявил: "Таким образом мы готовы способствовать развитию интереса к шахматам во всем мире".

В прошлом году в Москве на шестом этаже гостиницы "Минск" открыт международный шахматный клуб имени Михаила Талья под романтическим названием — "Гусар из Риги". Таль — уроженец Риги и воспитанник рижской шахматной школы. Инициатор открытия клуба, ставший его директором, — югославский журналист и бизнесмен Ратко Кнежевич, друживший долгие годы с Талем.

Проверьте свои решения

("На боевом посту" № 9, 1995)

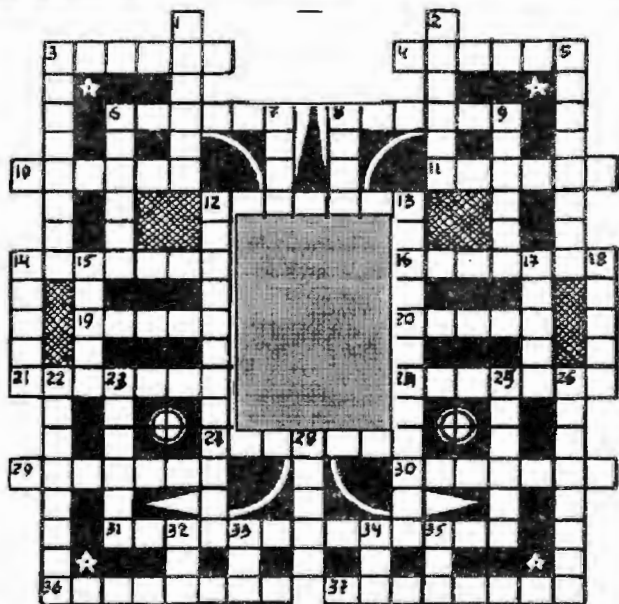
№ 25. Г.Заходякин. Кpg7, Се6, п.d6 (3) — Крb8, Лb7, Сf3(3), ничья. 1.Крh8! 1.Крf8/f6? Крс7 2.Кре7 Лb8; 1...Крс7 2.d8Ф+! Кр:d8 3.Cd5!! С:d5, пат.

№ 27. Ф.Бондаренко. Крf7, Лg8, Кg5, п.f2 (4) — Кра6, Сg2, пп. a2, e7 (4), ничья. 1.Кf3! Крb7 2.Ле8! a1Ф 3.Л:e7+ Крс6 4.Ле6+ Крд5 5.Ле5+ Крс4 6.Ле4+ Крд3 7.Ле3+ Крс2 8.Ле2+, вечный шах.

По горизонтали: 3. Условный знак какого-либо понятия. 4. Героический, самоотверженный поступок. 6. Вид термической обработки металлов. 8. Документ, свидетельствующий право изобретателя на его изобретение. 10. Научно обоснованная продолжительность функционирования образца военной техники. 11. Точка лунной орбиты, наиболее удаленная от земли. 12. Рассказ военных лет В. Коженикова. 14. Книга воспоминаний военачальника, генерала армии П. И. Батова. 16. Военный корабль с крупной артиллерией для борьбы с береговыми объектами противника. 19. Городской вид транспорта. 20. Наименование ряда кораблей русского военноморского флота. 21. Японский адмирал, один из организаторов боевых действий на Тихом океане во время второй мировой войны. 24. Вид боевых действий, применяемых с целью срыва или отражения наступления противника. 27. Страна, участница антигитлеровской коалиции. 29. Период, ступень в развитии, росте человека, организма. 30. Русский композитор, автор песен военных лет "Вася-Василек", "Смуглянка", "Дороги" и др. 31. Воинское формирование, имеющее постоянную организацию и однородный состав. 36. Опорное устройство для крепления крупногабаритных объектов (ракет, авиабомб и т.п.) при перевозке. 37. Немецко-фашистский концлагерь на польской земле.

По вертикали: 1. Высшее тактическое соединение в Сухопутных войсках. 2. Высший военный орден СССР. 3. Совокупность ударов и боев, направленных на достижение

КРОССВОРД

целей военной операции или ее частных задач. 5. Летчик, направивший свой бомбардировщик в скопление танков, цистерн и автомашин противника, Герой Советского Союза. 6. Устройство и средства, применяемые в вооруженной борьбе для поражения и уничтожения противника. 7. Поселок на Аляске, где расположен радиолокационный пост американской системы предупреждения. 8. Гидротехническое причальное сооружение в порту. 9. Имущество и боеприпасы, захваченные у противника на поле сражения. 12. Оптико-электронное устройство для обнаружения объектов и определения их местонахождения. 13. Лица

руководящего офицерского состава, возглавляющие воинские подразделения. 14. Грубое волокно, отходы обработки льна, применяемые для чистки канала ствола орудия после стрельбы. 15. Деталь стрелкового оружия. 17. Столица государства, существовавшего во второй мировой войне. 18. Надстройка на палубе судна для управления этим судном. 22. Групповые или единичные сооружения, созданные в память военно-исторических событий и их участников. 23. Трос или цепь для соединения морской мины с ее якорем. 25. Город в Волынской области на Украине. 26. Военнослужащий, входящий в состав расчета артиллерийского орудия. 28. Воин придворной охраны при князьях и царях на Руси XVI—XVIII вв. 32. Роман русского писателя И. Тургенева. 33. Персонаж рассказа А. Грина "Пролив бурь". 34. Французская мера длины, равная 4,55 км. 35. Река во Франции и Германии, приток Саары.

Ответы на кроссворд, опубликованный в №9

По горизонтали: 3. Толстой. 6. Платов. 7. Воинов. 8. Резерв. 10. Драгун. 11. Мюрат. 12. Редут. 14. Истра. 16. Дробь. 18. Багратцион. 20. Смоленск. 23. Румянцев. 24. Балашов. 25. Горошки. 27. Генерал. 29. Стратег. 30. Нара. 32. Марш. 34. Связь. 35. Удино. 36. Крым. 37. Неман. 38. Рота.

По вертикали: 1. Порох. 2. Посол. 4. Алгебра. 5. Кокарда. 9. Ветеран. 10. Дорохов. 11. Мортые. 13. Турция. 15. Суворов. 17. Бунцлау. 19. Арзамас. 21. Партизаны. 22. Командант. 26. Красный. 28. Ермолов. 31. Атака. 33. Рибас.

НАШИ ИЗДАНИЯ — ДЛЯ ВАС

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ПЕРВОЕ ПОЛУГОДИЕ 1996 ГОДА

Ежемесячный
военно-публицистический
и литературно-художественный
журнал внутренних войск
МВД России

**НА
БОЕВОМ
ПОСТУ**

Уважаемые читатели! Выписав журнал, вы найдете материалы, волнующие каждого. Вы узнаете о службе воинов внутренних войск, их миротворческой миссии в горячих точках, мужественных действиях парней в краповых беретах в экстремальных ситуациях.

Подписавшиеся на журнал и его приложения познакомятся с публикациями, раскрывающими малоизвестные страницы истории Отечества, с художественными произведениями, в том числе и детективного жанра.

Индекс для индивидуальной подписки 70610. Подписная цена на 1 месяц — 8000 руб., на 3 месяца — 24000 руб., на полугодие — 48000 руб. Индекс для предприятий и организаций 73175. Подписная цена на 1 месяц — 10000 руб., на 3 месяца — 30000 руб., на полугодие — 60000 руб.

Приложения к журналу

“Ситуация” — звучит просто, но **МНОГООБЕЩАЮЩЕ!** Вы встретите на ее страницах в будущем году много интересных, поистине сенсационных материалов. Но до тех пор, пока вы не подпишитесь на эту газету, вы так и не узнаете о спецназе внутренних войск, пикантных подробностях различных тайных операций, мафиозных сделок и многое другое.

Газета выходит 4 раза в месяц. Индекс 50157. Подписная цена на 1 месяц — 3200 руб., на 3 месяца — 9600 руб., на полугодие — 19200 руб.

**ВОЙСКОВОЙ
ВЕСТНИК**

Вот уже в течение шести лет в части и военно-учебные заведения внутренних войск поступает учебно-методическое приложение к журналу “На боевом посту” — “Войсковой вестник”. Деловыми советами он помогает командирам, воспитателям проводить занятия с личным составом, организовывать выполнение задач боевой службы. На страницах “Войскового вестника” вы найдете также нормативно-правовые документы, регулирующие деятельность внутренних войск.

Сборник выходит 3 раза в полугодие. Индекс 73515. Цена одного экз. — 5000 руб., стоимость подписки на полугодие — 15000 руб.

ВЫПИСЫВАЙТЕ! ЧИТАЙТЕ!

НАШ АДРЕС:
107120, г.Москва, Б-120,
Сыромятинский проезд, 8.

Медаль ордена "За заслуги перед Отечеством"

ПОЛОЖЕНИЕ о медали ордена "За заслуги перед Отечеством"

Медалью ордена "За заслуги перед Отечеством" награждаются граждане за осуществление конкретных и полезных для страны дел в промышленности и сельском хозяйстве, строительстве и на транспорте, в науке и образовании, здравоохранении и культуре, в других областях трудовой деятельности; за большой вклад в дело защиты Отечества, успехи в поддержании высокой боевой готовности подразделений, частей и соединений, за отличные показатели в боевой подготовке и иные заслуги во время прохождения военной службы; за укрепление законности и правопорядка, обеспечение государственной безопасности.

2. Медаль ордена "За заслуги перед Отечеством" имеет две степени:
медаль ордена "За заслуги перед Отечеством" I степени;
медаль ордена "За заслуги перед Отечеством" II степени.

Высшей степенью медали является I степень, дающая право при новых заслугах на награждение орденом "За заслуги перед Отечеством" IV степени. Награждение производится последовательно: медалью II степени, потом медалью I степени.

3. Военнослужащим за отличия в боевых действиях вручается медаль ордена "За заслуги перед Отечеством" с изображением мечей.

4. Медаль ордена "За заслуги перед Отечеством" носится на левой стороне груди после орденов. При наличии у награжденного медали I степени медаль II степени не носится, за исключением медалей с изображением мечей.

5. При ношении ленты на планке без медали лента медали размещается после орденов. Если награжденный имеет медали I и II степеней, то носится только лента медали I степени.